

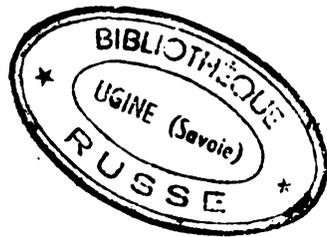

COLUMBIA UNIVERSITY LIBRARIES

Распознавание текста
ABK/FR

038

ТВОРЕНИЯ
СВЯТЫХЪ ОТЕЦЪ,
ВЪ РУССКОМЪ ПЕРЕВОДЪ,
ИЗДАВАЕМЫЯ
ПРИ
МОСКОВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ.

ТВОРЕНІЯ
СВЯТЫХЪ ОТЦЕВЪ,

ВЪ РУССКОМЪ ПЕРЕВОДЪ,

ИЗДАВАЕМЫЯ

ПРИ

МОСКОВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ.

— 101 —

ТОМЪ ВТОРЫЙ.

— 101 —

МОСКВА,
ВЪ ТИПОГРАФИИ АВГУСТА СЕМЕНА,
ПРИ ИМПЕРАТОРСКОЙ МЕДИКО-ХИРУРГИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ.
1843.

88686

JP

v. 2

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи, до выпуска изъ Типографіи, представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Юня 28-го дня, 1843 года.

Московская Духовная Академія.

Цензоръ, Виванской Семинарті Ректоръ

Архимандритъ Филовей.

APR 12 1954

ТВОРЕНІЯ
ИЖЕ ВО СВЯТЫХЪ ОТЦА НАШЕГО
ГРЕГОРІЯ БОГОСЛОВА,
АРХІЕПИСКОПА КОНСТАНТИНОПОЛЬСКАГО.

—♦♦♦—
Часть вторая.
—♦♦♦—

С Л О В О 14,

О ЛЮБВИ КЪ БѢДНЫМЪ (а).

Братія и соучастники бѣдности (ибо все мы бѣдны и имѣемъ нужду въ благодати Божіей, хотя и кажется одинъ превосходитъ другаго, когда измѣряемъ людей малыми мѣрами)! Примите слово о любви къ бѣднымъ, не съ бѣднымъ, но съ щедролюбивымъ расположеніемъ духа, да наслѣдуете богатство царствія. А вмѣстѣ помолитесь, чтобы и я могъ предложить вамъ богатое слово, могъ напитать имъ ваши души, и *раздробить алчущимъ хлѣбъ* (Ис. 58, 7.) духовный, или, подобно древнему Моисею, низводя, какъ дождь, пищу съ неба (Исх. 16, 4.) и подавая *хлѣбъ Ангельскій* (Пс. 77, 25.), или насыщая немногими хлѣбами въ пустынѣ многія тысячи, какъ послѣ Іисусъ — истинный хлѣбъ (Іоан. 6, 32.) и истинной жизни виновникъ.

(а) Слово сіе говорилъ Св. Григорій въ богадѣльнѣ, устроенной Василиемъ Великимъ, въ которой тогда (въ 373 г. по Р. Х.) много было зараженныхъ проказою.

Не легко найти превосходнѣйшую изъ добродѣтелей и отдать ей первенство и преимущество, подобно какъ и на лугу многоцвѣтномъ и благовонномъ не вдругъ можно выбрать прекраснѣйшій и благовоннѣйшій изъ цвѣтовъ, когда то тотъ, то другой привлекаетъ къ себѣ обоняніе и взоръ и прежде всѣхъ заставляетъ сорвать себя. По моему разумѣнію, различныя добродѣтели можно сравнивать и разсматривать такъ. Прекрасны *вѣра, надежда и любовь, три сія* (1 Кор. 13, 13.). Вѣры свидѣтель — Авраамъ, оправданный вѣрою; надежды — Енохъ, который прежде всѣхъ *упова призываети* Господа (Быт. 4, 26.), и всѣ праведники, которые, одушевляясь надеждою, претерпѣвали бѣдствія. Любви свидѣтель божественный Апостоль, осмѣлившійся и на самого себя произнести приговоръ для спасенія Израиля (Рим. 9, 4.), и самъ Богъ, Который называется *любовію* (1 Иоан. 4, 16.). — Прекрасно страннолюбіе. Свидѣтель сего — между праведниками — Лотъ Содомлянинъ, но не Содомлянинъ по своимъ нравамъ (2 Петр. 2, 8.); а между грѣшными — Раавъ блудница, но не блудница по расположеніямъ сердца, за страннолюбіе удостоившаяся похвалы и спасенія (Евр. 11, 31.). — Прекрасно братолюбіе: свидѣтель — Иисусъ, не постыдившійся не только назваться братомъ нашимъ (Евр. 2, 11.), но и пострадать за насъ. — Прекрасно челоувѣколюбіе: свидѣтель — Онъ же, Иисусъ, Который не только сотворилъ челоувѣка *на дѣла благія* (Ефес. 2, 10.), и сочеталъ съ плотію Свой образъ, показывающій путь ко всему наилучшему и возводящій насъ — странниковъ — къ горнимъ благамъ,

но и Самъ содѣлался ради насъ человѣкомъ. — Прекрасно долготерпѣніе: свидѣтель сего опять Самъ Іисусъ, Который не только не хотѣлъ призвать легионы Ангеловъ противъ возставшихъ на Него мучителей, не только укорилъ Петра, извлекашаго ножъ, но и исцѣлилъ ухо уязвленному (Матѣ. 26, 52. 53. Лук. 22, 51.). Сіе же послѣ показалъ и Стефанъ, ученикъ Христовъ, молившійся за побивавшихъ его камнями. — Прекрасна кротость: свидѣтели — Моисей и Давидъ, за сіе болѣе всѣхъ похваляемые (Числ. 12, 3. 2 Цар. 16, 11. 12. Пс. 131, 1.), и Самъ Учитель ихъ, не прекословящій, не вопіющій, не испускающій гласа на распутіяхъ (Матѣ. 12, 19.), и не противящійся ведущимъ Его. — Прекрасна ревность: свидѣтели сего — Финеесъ, однимъ ударомъ копья пронзившій Мадіанитянку вмѣстѣ съ Израильтяниномъ, дабы избавить отъ поношенія сыновъ Израилевыхъ, и за свою ревность получившій себѣ славное имя; а послѣ него — тѣ, которые говорили: *ревную поревновахъ по Господь* (3 Цар. 19, 10.); *ревную по васъ Божією ревностію* (2 Кор. 11, 2.); *ревность дому Твоего слыде мя* (Пс. 68, 10.), и не только говорили это, но и сильно чувствовали. — Прекрасно изнуреніе тѣла: въ томъ убѣждать тебя Павелъ, который не престаеетъ держать себя въ строгости (1 Кор. 9, 27.) и примѣромъ Израильтянъ устрашаетъ людей, надѣющихся на себя и дающихъ волю своему тѣлу (1 Кор. 10, 5-8.), и Самъ Іисусъ; Который, бывъ искушаемъ, постится, и побѣждаетъ искушителя (Лук. 4, 2-13.). Прекрасны молитва и бдѣніе: въ томъ убѣдить тебя Самъ Богъ, Который предъ страданіемъ проводитъ

ночь безъ сна въ молитвѣ (Матѣ. 26, 39. 42. 44). — Прекрасны чистота и дѣвственность: въ этомъ убѣдять тебя Павелъ, который предписываетъ на сіе законы, и справедливую назначаетъ цѣну брачной и безбрачной жизни (1 Кор. 7, 1—11. 25—40.), и Самъ Иисусъ, родившійся отъ Дѣвы, дабы и рожденіе почитать, и отдать предпочтеніе дѣвству. — Прекрасно воздержаніе: въ томъ убѣдять тебя Давидъ, который, овладѣвъ кладяземъ Виелеемскимъ, не сталъ пить воды, но только излилъ ее въ честь Господу, не желая утолить жажды своей кровію другихъ (1 Парал. 11, 18. 19.). — Прекрасно пустынножителство и безмолвіе: это показываютъ мнѣ Кармиль Иліи, пустыня Іоаннова, гора Иисусова, на которую часто отходилъ Господь, дабы въ безмолвіи бесѣдовать съ Самимъ Собою (Матѣ. 14, 23. Лук. 6, 12. 9, 28. 22, 39.). — Прекрасна умѣренность: этому научаютъ меня Ілія, привитающій у вдовицы, Іоаннъ, покрывающійся одеждою изъ верблюжьяго волоса, и Петръ, питающійся овощами, стоившими не болѣе асса (б). — Прекрасно смиреніе: примѣры онаго многочисленны; но лучшій изъ всѣхъ примѣръ представляетъ Спаситель и Владыка всѣхъ, Который не только смирилъ Себя до зрака раба (Филип. 2, 7.), не только подвергъ лице Свое стыду заплеваній (Ис. 50, 6.), и со беззаконными вмѣшался (Ис. 53, 12.) — Очищающій весь міръ отъ грѣха, но и умылъ ноги ученикамъ въ образѣ раба. — Прекрасна нестяжательность и

(б) Ассъ — мѣдная монета, вѣсомъ въ 4 золотника.

презрѣніе богатства: о семъ свидѣлствуютъ Закхей и — Самъ Христосъ: Закхей, когда, принявъ къ себѣ Христа, принесъ въ даръ почти все свое имущество; Христосъ, когда указалъ богатому юношѣ на сію добродѣтель, какъ на предѣлъ совершенства (Матѹ. 19, 21.). — Короче сказать: прекрасно созерцаніе, прекрасна и дѣятельность; первое потому, что возносится превыше земнаго, входитъ во Святая-Святыхъ, и возводитъ умъ нашъ къ тому, что сродно съ нимъ; другая — потому, что пріемля къ себѣ Христа и служа Ему, доказываетъ любовь свою дѣлами. Каждая изъ сихъ добродѣтелей есть особый путь ко спасенію, и несомнѣнно приводитъ къ одной какой либо изъ вѣчныхъ и блаженныхъ обителей. Ибо какъ различны роды жизни, такъ и обителей у Бога много (Іоан. 14, 2.), и онѣ раздѣляются и назначаются каждому по его достоинству. Посему пусть одинъ исполняетъ сію добродѣтель, другой — другую, иной — многія, а кто — нибудь, если возможно, и всѣ; только да шествуетъ каждый безостановочно, да стремится впередъ и слѣдуетъ неуклонно по стопамъ того добраго путеводаителя, который прямо направляетъ стезю его и тѣснымъ путемъ, сквозь узкія врата (Матѹ. 7, 14.) выводитъ на широту блаженства небеснаго.

Но если, по ученію Павла и Самого Христа, первою и важнѣйшею заповѣдію должно почитать любовь, какъ сокращеніе закона и Пророковъ (Матѹ. 22, 37 — 40. 1 Кор. 13, 13.); то превосходнѣйшую часть ея должна составлять, какъ я нахожу, любовь къ бѣднымъ, жалость и сострадательность къ тѣмъ,

которые одного съ нами рода. Ибо никакое служеніе такъ не угодно Богу, какъ милосердіе (потому что оно всего болѣе сродно Богу, Которому *предходятъ милость и истина* (Пс. 88, 15.), и Которому должно приносить въ даръ милость (Іак. 2, 13.) прежде суда), и праведный Мздовоздаятель, положившій *на мѣриллѣхъ и вѣсахъ милость* (Иса. 28, 17.), ни за что такъ не награждаетъ Своимъ челоѣколюбіемъ, какъ за челоѣколюбіе. И такъ, сообразно заповѣди, которая повелѣваетъ *радоватися съ радующимися, и плакати съ плачущими* (Рим. 12, 15.), мы должны отверзати утробу милосердія всѣмъ бѣднымъ и, по какой бы то ни было причинѣ, страждущимъ; должны, какъ челоѣвки, приносить челоѣкамъ дань благотворительности, какая бы ни заставляла ихъ нужда искать помощи, вдовство ли, или сиротство, или изгнаніе изъ отечества, или жестокость властителей, или наглость начальствующихъ, или безчелоѣчіе собирателей подати, или убійственная рука разбойниковъ, или алчность воровъ, или опись имѣнія, или кораблекрушеніе. Ибо всѣ они одинаковое имѣютъ право на сожалѣніе, и также смотрятъ на руки наши, какъ мы на руки Божіи, когда чего просимъ. Впрочемъ и изъ сихъ самыхъ болѣе достойны жалости тѣ, которые, бывши въ лучшемъ состояніи, впадаютъ въ несчастія, нежели тѣ, которые уже свыклись съ бѣдственной участію.

А особенно должны мы быть сострадательны къ зараженнымъ проказоу, которые, по грозному приговору, изреченному на нѣкоторыхъ людей въ Св. Писаніи, извѣдены даже до плоти, костей и моз-

говъ (Иов. 33, 21.), и которымъ измѣнило это многобѣдственное, уничиженное и вѣроломное тѣло.

— Не понимаю, какъ я соединился съ нимъ, и какъ будучи образомъ Божиимъ, я смѣшался съ грязью! Это тѣло, когда хорошо ему, поднимаетъ войну; а когда воюю противъ него, ввергаетъ въ скорбь. Его я и люблю, какъ сослужитель, отъ него же и отвращаюсь, какъ отъ врага; бѣгу отъ него, какъ отъ узъ, и почитаю его, какъ снаслѣдника. Рѣшусь ли истомить его? Но тогда некого мнѣ будетъ употребить въ сотрудники въ добрыхъ дѣлахъ; а я знаю, для чего приведенъ я въ бытіе, знаю, что мнѣ должно восходить къ Богу посредствомъ дѣлъ.

— Стану ли щадить его, какъ сотрудника? Но тогда не знаю, какъ избѣжать его мятежническихъ нападений, и боюсь, какъ бы не отпасть отъ Бога, отягчившись оковами, кои влекутъ меня къ землѣ, или удерживаютъ на ней. Это ласковый врагъ, и коварный другъ! Чудное соединеніе и раздвоеніе! Чего боюсь, того держусь, и чтѣ люблю, того страшусь. Не успѣю еще вступить въ сраженіе, какъ заключаю миръ; и не успѣю помириться, какъ опять начинаю брань. — Чтѣ это за премудрость открывается на мнѣ, и чтѣ за великая тайна! Не для того ли Богъ ввелъ насъ въ сію борьбу и брань съ тѣломъ, чтобы мы, будучи частію Божества (в) и про-

(в) Сіе выраженіе не должно разумѣть въ смыслѣ вещественномъ; оно, по изъясненію Никиты, толкователя словъ Св. Григорія, означаетъ дыханіе жизни, которое Богъ вдунулъ въ лице первозданнаго челоуѣка (Быт. 2, 7.), и вмѣстѣ образъ Божій.

истекши свыше, не стали надмеваться и превозноситься своимъ достоинствомъ, и не пренебрегли Создателя, но всегда обращали къ Нему взоры, и чтобы сопряженная съ нами немощь держала въ предѣлахъ наше достоинство? — чтобы мы знали, что мы вмѣстѣ и весьма велики и весьма низки, земны и небесны, временны и безсмертны, наслѣдники свѣта и наслѣдники огня или тьмы, смотря по тому, на какую сторону преклонимъ себя? — Такъ устроены составъ нашъ, и это, сколько могу я видѣть, для того, чтобы персть земная смиряла насъ, если бъ мы вздумали превозноситься образомъ Божиимъ.

Но о семъ пусть любомудро разсуждаетъ, кто хочетъ. Не откажусь и я съ нимъ вмѣстѣ размыслить о томъ, при болѣе удобномъ случаѣ. А теперь я долженъ говорить о томъ, къ чему побуждаетъ меня соболѣзнованіе о собственной моей плоти и о собственной немощи при взорѣ на страдающія другихъ; долженъ сказать вамъ, братія, что мы обязаны заботиться и о тѣлѣ — семъ. средникѣ и сослужителѣ души (ибо хотя я и винилъ его, какъ врага, за то, что терплю отъ него; но я же и люблю его, какъ друга, ради Того, Кто соединилъ меня съ нимъ), и притомъ заботиться о тѣлѣ нашихъ ближнихъ не меньше, какъ и каждый о собственномъ, остаемся ли мы сами здоровыми, или изнуряемся такимъ же недугомъ. Ибо *вся мы едино* въ Господѣ (Гал. 3, 28.), богатъ ли кто, или бѣденъ, рабъ ли кто, или свободенъ, здоровъ ли или боленъ тѣломъ; у *всѣхъ одна глава — Христосъ, изъ Негоже вся* (Ефес. 4, 15. 16.), и что члены одинъ для другаго, тоже и каждый изъ насъ другъ

для друга, и всё для всехъ (1 Кор. 12, 12—27.). А потому не надобно пренебрегать и оставлять безъ попеченія тѣхъ, кои прежде подпали общей всемъ немощи; напротивъ, мы должны не столько радоваться благополучному состоянію нашего тѣла, сколько плакать о телѣсныхъ страданіяхъ братій нашихъ; должны человеколюбіе къ нимъ считать единственнымъ залогомъ нашей безопасности телѣсной и душевной.

На нихъ надобно смотрѣть такъ: другіе жалки только по своей бѣдности, отъ которой, быть можетъ, освободить ихъ или время, или трудъ, или другъ, или родственникъ, или перемѣна обстоятельствъ; а сихъ несчастныхъ и бѣдность угнетаетъ нисколько не меньше, чѣмъ тѣхъ, или еще и больше; такъ какъ они, лишась телѣсныхъ членовъ, лишаются вмѣстѣ и способовъ трудиться и помогать себѣ въ своихъ нуждахъ, и притомъ всегда болѣе страшатся усугубленія болѣзни, нежели сколько надеются выздоровленія, такъ что и надежда, это единственное врачевство для несчастныхъ, почти оставляетъ ихъ безъ помощи. — Но къ бѣдности у нихъ присоединяется и другое зло — болѣзнь, зло ужаснѣйшее и тягостнѣйшее, которое у людей необразованныхъ всего скорѣе попадаетъ на языкъ, когда они кого проклинаютъ. Съ симъ связано еще третіе зло: многіе не хотятъ къ нимъ подойти, не хотятъ посмотрѣть на нихъ, бѣгутъ отъ нихъ, гнушаются ими, какъ чѣмъ-то омерзительнымъ; и это зло, чтобъ видѣть себя ненавидимыми за одно только то, что подверглись несчастію, для нихъ тяжелѣ самой болѣзни. Я не могу безъ слезъ смотрѣть на ихъ

страданія, и при одномъ воспоминаніи объ оныхъ возмущаюсь духомъ. Имѣйте и вы такія же чувствованія, дабы слезами избавиться отъ слезъ. И я не сомнѣваюсь, что дѣйствительно такъ чувствуютъ тѣ изъ предстоящихъ здѣсь, кои любятъ Христа и любятъ бѣдныхъ, и имѣютъ Богу свойственное и отъ Бога дарованное имъ милосердіе.

Вы сами свидѣтели ихъ страданія. Предъ вашими глазами поразительное и плачевное зрѣлище, которому едва-ли кто повѣритъ, кромѣ очевидцевъ: люди живые мертвецы, у которыхъ конечности большею части тѣлесныхъ членовъ отгнили; люди, которыхъ не лѣзя почти узнать, кто они были прежде, и откуда, или лучше, несчастные останки жившихъ нѣкогда людей, которые, чтобы дать знать о себѣ, сказываютъ о своихъ отцахъ, матеряхъ, братьяхъ и мѣстахъ жительства: «я сынъ такого-то отца, мать у меня такая-то, имя мое такое-то, да и ты нѣкогда былъ мнѣ другъ и знакомый.» Это говорятъ они потому, что не имѣютъ уже прежняго вида, по которому бы можно было узнать ихъ. Это люди обсѣченные, у которыхъ нѣтъ ни имущества, ни родства, ни друзей, ни даже тѣла; люди, которые одни изъ всѣхъ и жалѣютъ о себѣ и вмѣстѣ ненавидятъ себя; которые не знаютъ, о чемъ больше плакать — о тѣхъ ли частяхъ тѣла, коихъ уже нѣтъ, или объ оставшихся, о тѣхъ ли, которыя преждевременно истребила болѣзнь, или о тѣхъ, которыя еще сберегаются на жертву болѣзни: ибо тѣ несчастно погибли, а сіи уцѣлѣли для большаго несчастья; тѣ сожгли прежде гроба, а сіи некому и въ гробъ положить. Потому что и самый добрый и мягко-

сердечный человекъ бываетъ крайне нечувствителенъ къ бѣдствіямъ сихъ страдальцевъ. Здѣсь только мы позабываемъ, что мы сами плоть и облечены уничтоженнымъ тѣломъ (Филипп. 3, 21); и такъ мало въ насъ радѣнья объ этихъ сродникахъ нашихъ, что мы почитаемъ даже необходимымъ для безопасности нашего тѣла — удаляться отъ нихъ. Иной подходитъ къ залежавшемуся и можетъ-быть уже смердающему трупу, носить вонючія тѣла безсловесныхъ животныхъ и, валяясь въ тинѣ, не гнушается этимъ: а отъ сихъ несчастныхъ, сколько есть силъ, бѣжимъ прочь и — какое безчеловѣчіе! — негодуемъ почти и на то, что дышемъ однимъ съ ними воздухомъ.

Кто вѣжнѣе отца? Кто сердобольнѣе матери? Но для сихъ отверженныхъ заперто и родительское сердце. И отецъ своего собственного сына, котораго родилъ, котораго воспиталъ, въ которомъ одномъ чаялъ имѣть око своей жизни, за котораго такъ много и такъ часто молился Богу, сего самаго сына, хотя оплакиваетъ, но гонить отъ себя, оплакиваетъ отъ сердца, гонить по неволѣ. А мать, вспоминая муки рожденія, съ разрывающимся сердцемъ испускаетъ жалостнѣйшіе вопли, и въ слухъ всѣхъ рыдаетъ надъ живымъ, какъ надъ мертвымъ, говоритъ: «несчастное чадо злополучной матери, отнимаемое у меня лютою болѣзнію, чадо жалости достойное, чадо мое милое, котораго и узнать не могу, чадо мое, которое воспитала я для утесовъ, горъ и пустынь! Со звѣрями будетъ жизнь твоя, горный камень — кровь твой, и только благочестивѣйшіе изъ людей обратятъ на тебя взоры. За чѣмъ, — вопіеть

она, подобно Іову (Іов. 3, 11. 12.), симъ болѣзненнымъ гласомъ, — за чѣмъ ты образовался во утробѣ матери? За чѣмъ вышедши изъ чрева, не погибъ въ тоже мгновеніе, такъ чтобъ смерть сочеталась съ рожденіемъ? За чѣмъ ты не умеръ преждевременно, пока не вкусилъ еще золь жизни? За чѣмъ тебя приняли на колѣни, и на что было тебѣ сосать грудь, когда ожидала тебя жизнь горькая, жизнь, ужаснѣйшая смерти?» — Выговаривая это, проливаетъ она источники слезъ, и хотѣла бы — несчастная — заключить въ объятія свое дѣтище: но боится плоти его, какъ непріятеля!

А въ народѣ поднимаются повсюду ропоть и гоненіе, — не противъ злодѣевъ, но противъ несчастныхъ. Иной живетъ вмѣстѣ съ убійцею, съ прелюбодѣемъ дѣлитъ не только жилище, но и трапезу, святотатца принимаетъ къ себѣ въ сожители, съ недоброжелателями своими ведетъ дружбу; а отъ страдалцевъ, ничѣмъ его не огорчившихъ, отворачивается, какъ отъ преступниковъ. Такъ пороку отдается преимущество предъ болѣзнію! Безчеловѣчїе мы уважаемъ, какъ дѣло благородное, а состраданіе презираемъ, какъ нѣчто постыдное. — Ихъ гонять изъ городовъ, гонять изъ домовъ, съ площади, съ дорогъ, изъ бесѣдъ, изъ народныхъ собраній, пировъ, и — о горькая участь! — ихъ отгоняютъ и отъ самой воды. Для нихъ не текутъ источники, напаяющіе всѣхъ другихъ; невѣроятнымъ почитаютъ даже то, чтобы и рѣки не могли отъ нихъ заразиться. А что всего страннѣе, тѣхъ, коихъ какъ нечистыхъ, отгоняемъ отъ себя, тѣхъ самыхъ, какъ не причиняющихъ намъ никакого убытка, заставляемъ

опять возвращаться къ намъ, потому что не даемъ имъ ни жилища, ни нужной пищи, ни врачевства для ранъ, ни одежды, которою могли бы мы прикрыть, по нашимъ силамъ, ихъ недугъ. Потому-то они и скитаются день и ночь, — обнищавшіе, нагіе, безпріютные, показывая пораженное недугомъ тѣло, пересказывая старую жизнь свою, призывая съ воплемъ Создателя, помогая другъ другу употребленіемъ членовъ, которыхъ у другаго нѣтъ, слагая жалобныя пѣсни, чтобы выпросить кусочикъ хлѣба, или малѣйшую часть чего-нибудь варенаго, или какое-нибудь раздранное рубище для прикрытія себя отъ стыда, или для облегченія боли отъ ранъ. И не тотъ уже въ глазахъ ихъ человѣколюбивъ, кто достаточно подаетъ имъ нужное, но всякой, кто не съ суровостію отсылаетъ ихъ прочь. Многіе же изъ нихъ, преодолевая и стыдъ, не бѣгутъ отъ торжественныхъ собраній; гонимые крайнею нуждою вторгаются сюда, въ сіи всенародныя и священныя собранія, которыя мы учредили для врачеванія душъ, и въ которыя стекаемся или для воспоминанія какого-нибудь таинства, или для прославленія свидѣтелей истины, дабы, чувствуя ихъ подвиги, научиться подражать и ихъ благочестію. — А они, хотя и стыдятся, какъ несчастливцы и какъ чело­вѣки, лица чело­вѣческаго, и лучше хотѣли бы скрываться въ горахъ, утесахъ, лѣсахъ, или наконецъ въ ночи и мракѣ; однако втѣсняются въ средину народа — жалкое бремя и слезъ достойное! — которое впрочемъ можетъ-быть послано къ намъ и не безъ цѣли, и именно съ тою цѣлію, чтобы напомнить намъ о нашей немощи, и убѣдить насъ не прилѣпляться ни

къ чему настоящему и видимому, какъ-бы къ постоянному. — Втѣсняются же одни изъ нихъ, желая услышать голосъ человѣческой; другіе, чтобы взглянуть на людей; иные, чтобы у роскошныхъ богачей собрать хотя скудное подаваніе для поддержанія жизни; всѣ же, — чтобы обнаружить свою скорбь, и тѣмъ хотя нѣсколько облегчить себя. — Кто не сокрушится, внимая ихъ стонамъ, сливающимся въ одну жалобную пѣснь? Какое ухо можетъ переносить сіи звуки? Какое око можетъ спокойно смотрѣть на это зрѣлище? — Вотъ нѣкоторые изъ нихъ лежатъ одни подлѣ другихъ, — не на радость совокупленные недугомъ въ одно сообщество, гдѣ каждый носитъ на себѣ слѣды какого-нибудь особеннаго бѣдствія, и всѣ сіи бѣдствія слагаются въ одно общее горе, такъ что каждый своими страданіями усугубляетъ страданія другихъ, и всѣ жалки по своимъ болѣзнямъ, а еще жалче по состраданію другъ къ другу. Ихъ окружаетъ толпа зрителей, даже и соболѣзнующихъ, но — на краткое время. А тамъ — другіе влечатся у ногъ человѣческихъ; ихъ преслѣдуютъ и солнечный зной, и пыль, а иногда и жестокіе морозы, дожди и бури, ихъ стали бы и попирать ногами, если бы одно прикосновеніе къ нимъ не почитали гнуснымъ. На священныя пѣнопѣнія внутри храма, они отвѣтствуютъ стонами и воплями прошеній, и таинственнымъ молитвословіямъ служатъ отголоскомъ горькія рыданія. — Но для чего описывать мнѣ всѣ ихъ бѣдствія предъ людьми, собравшимися для торжества? Если бы съ точностію изобразилъ я всю эту печальную картину, то можетъ-быть возбудилъ бы плачь и рыданія, и празд-

нество превратилось бы въ сѣтованіе. Потому только я и говорю о семъ, что доселѣ еще не могу убѣдить васъ, что иногда бываетъ и печаль предпочтительнѣе радости, и сѣтованіе полезнѣе празднованія, и достохвальныя слезы лучше недобраго смѣха.

Таково-то и еще гораздо горестнѣе, нежели какъ я представилъ, положеніе братій нашихъ по Богѣ (хотя бы вы и не желали слышать сіе), братій, которые одинаковое съ нами получили естество, изъ того же составлены брѣнія, изъ какого и мы первоначально созданы; связаны, какъ и мы, жилами и костями и, подобно всѣмъ, облечены кожею и плотію (какъ говоритъ въ одномъ мѣстѣ божественный Іовъ (Іов. 33, 6. 10, 11.), любомудрствуя среди страданій и посмѣваясь надъ видимою частію существа нашего), или лучше, если должно упомянуть о важнѣйшемъ, — которые также, какъ и мы, одарены образомъ Божиимъ, и хранять его можетъ-быть лучше насъ, хотя и истлѣли тѣломъ, — въ одинаго облечены Христа (Гал. 3, 27.) по внутреннему челоуку; одинаковый съ нами приняли въ сохраненіе залогъ Духа (Гал. 3, 22.); участвуютъ въ однихъ съ нами законахъ, глаголахъ Божиихъ, завѣтахъ, собраніяхъ, таинствахъ, надеждахъ; за которыхъ равно умеръ Христоу (Рим. 14, 15.), взявшій на Себя грѣхъ всего міра (Іоан. 1, 29.); которые суть снаслѣдники небесной жизни, хотя весьма много отчуждены отъ земной; которые спогребаются Христу и совостають съ Нимъ (Кол. 2, 12.), страдаютъ съ Нимъ, дабы съ Нимъ и прославиться (Рим. 8, 17.). Чтò же мы? — мы, наслѣдовавшіе сіе великое

и новое имя, чтобы называться по Христу народомъ святымъ, царственнымъ священствомъ, людьми усвоенными Богу и избранными (1 Петр. 2, 9.), ревнителями добрыхъ и спасительныхъ дѣлъ (Гит. 2, 14.), учениками кроткаго и челоуколюбиваго Христа, понесшаго наши немощи, унизившаго Себя до нашей брѣнноти, насъ ради обнищавшаго (2 Кор. 8, 9.), низшедшаго въ эту плоть и земную храмину, и претерпѣвшаго за насъ скорби и болѣзни, дабы мы обогатились наслѣдіемъ Божества? Что-жь мы, имѣющіе столь высокій Образецъ благоутробія и состраданія? Какъ будемъ думать о нихъ, и что сдѣлаемъ? Презримъ ли ихъ? Пробѣжимъ мимо? Оставимъ ихъ, какъ мертвецовъ, какъ гнусныя страшилища, какъ самыхъ злыхъ звѣрей и пресмыкающихся?—Нѣтъ, братія. Не тому учить насъ—овецъ Своихъ—добрый Пастырь (Іоан. 10, 11.) Христосъ, Который обращаетъ заблуждшее, възскуетъ погибшее и укрѣпляетъ немощное (Іезек. 34, 16.); не то внушаетъ и природа челоуческая, которая вложила въ насъ законъ состраданія, и чувствомъ немощи, общей намъ со всѣми, научается благочестію и челоуколюбію. Ужели они будутъ томиться подъ открытымъ небомъ; а мы станемъ жить въ великолѣпныхъ домахъ, разцвѣченныхъ всякаго рода камнями, блещущихъ золотомъ и серебромъ, гдѣ узорчатая мозаика и разнообразная живопись прельщаютъ и приманиваютъ взоры? Да еще въ однихъ будемъ жить, а другіе строить? И для кого? Быть-можетъ не для наслѣдниковъ нашихъ, а для людей постороннихъ и чужихъ, и притомъ можетъ-быть для такихъ людей, которые не только

не любятъ насъ, но еще, что всего хуже, исполнены вражды къ намъ и зависти. — Они будутъ трястись отъ стужи въ ветхихъ и раздранныхъ рубищахъ, а можетъ-быть еще и тѣхъ имѣть не будутъ, а мы будемъ нѣжить себя, покрываясь мягкой и пышною одеждою, воздушными тканями изъ тонкаго льна и шолку, и между тѣмъ какъ одними уборами будемъ не столько украшать себя, сколько обезобразивать (ибо все излишнее и щегольское я почитаю безобразіемъ), другіе наряды, — бесполезная и безумная забота, добыча моли и всепопядающаго времени, — будутъ лежать у насъ въ кладовыхъ? — Они будутъ нуждаться — о пагубная моя роскошь! о бѣдственное ихъ томленіе! — будутъ нуждаться и въ необходимой пищѣ; будутъ въ изнеможеніи, голодные валяться у воротъ нашихъ, не имѣя даже столько силъ въ тѣлѣ своемъ, чтобы просить, не имѣя голоса, чтобы рыдать, рукъ, чтобы простирать ихъ для приведенія насъ въ жалость, ногъ, чтобы подойти къ богатымъ, не имѣя столько дыханія, чтобы съ бѣльшимъ напряженіемъ простонать жалобную пѣснь, почитая лишеніе зрѣнія — это самое тяжкое зло — очень легкимъ и еще благодаря за то, что не видятъ своихъ язвъ. Таково ихъ состояніе! А мы, роскошно одѣтые, будемъ съ важностію возлежать на высокихъ и пышныхъ ложахъ, покрытыхъ дорогими коврами, до которыхъ другою не смѣй и дотронуться, — оскорбляясь и тѣмъ, если только услышимъ умоляющій голосъ ихъ? Намъ нужно, чтобы полъ у насъ усыпаемъ бѣль часто, и даже безвременно, благоухающими цвѣтами, а столъ орошенъ бѣль самымъ дорогимъ и благовоннымъ

ивромъ, для бѣльшаго раздраженія нашей нѣги; нужно, чтобы юные слуги предстояли предъ нами—одни въ красивомъ порядкѣ и строю, съ распущенными, какъ у женщинъ, волосами, искусно подстриженными, такъ чтобы на лицѣ не видно было ни одного волоска, — въ такомъ убранствѣ, какого не потребовали бы и самые прихотливые глаза; другіе— со стаканами въ рукахъ, едва до-трогиваясь до нихъ концами пальцевъ и поднося ихъ, какъ можно, ловчѣе и осторожиѣе: иные, держа опахала надъ головами нашими, производили бы искусственный вѣтерокъ, и этимъ, руками навѣваемымъ, зефиромъ прохладжали бы жаръ утучненнаго нашего тѣла. Нужно кромѣ того, чтобы всѣ стихіи, — и воздухъ, и земля, и вода, — въ обиліи доставляли намъ дары свои, и столъ нашъ весь былъ уставленъ и обремененъ мясными яствами и прочими хитрыми выдумками поваровъ и пекарей; чтобы всѣ они наперерывъ старались о томъ, какъ бы больше угодить жадному и неблагодарному нашему чреву, — сему тяжкому бремени, виновнику золь, сему никогда ненасытимому и самому невѣрному звѣрю, которому вмѣстѣ съ потребляемыми имъ яствами вскорѣ надобно будетъ истлѣть (1 Кор. 6, 13). — Для нихъ много значитъ утолить жажду и водою; а у насъ пѣнится въ чашахъ вино: пей до упоенія, даже до безчувствія, если кто невоздерженъ! Да еще одно изъ винъ отошлемъ назадъ, другое похвалимъ за его запахъ и цвѣтъ, о третьемъ начнемъ съ важностію разсуждать, и бѣда, если кромѣ своего отечественнаго не будетъ у насъ какого-нибудь иностраннаго вина, какъ иноземнаго

завоевателя! Ибо намъ непременно должно вести жизнь роскошную и превышающую нужды, или, по крайней мѣрѣ, славиться такою жизнью; какъ будто стыдно намъ, если не будутъ почитать насъ порочными людьми и рабами чрева и того, что еще хуже чрева!

Что это такое, други и братія? Для чего и мы носимъ въ себѣ болѣзнь, — болѣзнь душевную, которая гораздо тягостнѣе тѣлесной? Ибо та, какъ извѣстно, приходитъ не по волѣ нашей, а сія приходитъ отъ нашего произволенія; та оканчивается съ настоящею жизнью, а сія переходитъ съ нами и въ другую жизнь, въ которую мы отсель представляемся; о той жалѣютъ по крайней мѣрѣ здравомыслящіе, а эту ненавидятъ. Для чего не спѣшимъ, пока еще есть время, помогать сродникамъ нашимъ по естеству? Для чего, будучи сами плотъ, не покрываемъ безобразія плоти? Для чего предаемся нѣгѣ, видя бѣдствія нашихъ братій? — Не дай мнѣ Богъ ни жить богато, когда они нуждаются, ни наслаждаться здоровьемъ, когда не подамъ помощи къ уврачеванію ихъ ранъ, ни имѣть достаточной пищи, ни одежды, ни покойнаго крова, когда не раздѣлю съ ними хлѣба, не снабжу ихъ — по возможности — одеждою, и не упокою подъ моимъ кровомъ! Ибо намъ должно — или все оставить для Христа, дабы, взявъ крестъ, истинно слѣдовать за Нимъ (Матѣ. 16, 24.), и сдѣлавшись легкими, развязанными и ничѣмъ не увлекаемыми внизъ, какъ на крыльяхъ летѣть къ горнему міру, и возвысившись смиреніемъ, обогатившись убожествомъ, въ замѣну всего пріобрѣсть Христа (Филип. 3, 8.); — или раздѣлять свое имущество со

Христомъ , дабы и самое обладаніе имуществомъ освятилось чрезъ то , что мы будемъ обладать имъ , какъ должно , и соучастниками въ немъ будутъ неимущіе . Если же буду я сѣять для одного себя ; то скажу опять словами Іова : пусть я постою , а инии да поядятъ ; вмѣсто пшеницы да взыдетъ ми кропива : а вмѣсто ячменя терніе (Іов. 31, 8. 40.) ; пусть жгучій вѣтръ убьетъ и вихрь развѣетъ посьвъ мой , такъ чтобы всѣ труды мои остались напрасными . Если я стану строить житницы , собирая сокровища отъ маммоны , и для маммоны ; то пусть въ сію же ночь истяжутъ душу мою (Лук. 12, 18. 20.) , для истребованія отчета въ зломъ стяжаніи богатства .

Ужели наконецъ мы не оцувствуемъ ? Не отвергнемъ жестокосердія , или — о чемъ желалъ бы и не говорить — или низкой скупости ? Не подумаемъ объ участи человѣческой ? Ужели не обратимъ себѣ во благо несчастія другихъ ? Ибо въ дѣлахъ человѣческихъ , по естественному порядку , нѣтъ ничего твердаго , ровнаго , держащагося своими силами и пребывающаго въ одинаковомъ положеніи ; участь наша вращается подобно колесу , въ различныя времена , и часто въ одинъ день , а иногда и въ одинъ часъ подвергаясь различнымъ перемѣнамъ , такъ что скорѣе можно положиться на постоянство вѣтровъ , никогда не останавливающихся , или слѣдовъ плывущаго по морю корабля , или на обманчивыя ночныя сновидѣнія , доставляющія минутное удовольствіе , или на твердость тѣхъ начертаній , какія дѣти играя дѣлаютъ на пескѣ , нежели на благоденствіе человѣческое . Итакъ благоразумны тѣ , кои , не вѣря благамъ

настоящимъ, собираютъ себѣ сокровище въ будущемъ, и видя непостоянство и переменчивость благополучія человѣческаго, любятъ благотворительность, которая никогда не измѣнитъ (1 Кор. 13, 8.). За то, безъ сомнѣнія, получаютъ они — по крайней мѣрѣ — одно изъ трехъ возмездій: или то, что никогда не подвергаются бѣдствіямъ, потому что Богъ часто и земными благами утѣшаетъ благочестивыхъ, призывая ихъ Своею благостію къ состраданію; или то, что и среди бѣдствій они имѣютъ въ себѣ дерзновеніе къ Богу (1 Иоан. 3, 21.), ибо страдаютъ не за порочную жизнь, а по особенному устроенію Промысла; или наконецъ то, что они по праву могутъ требовать отъ людей благоденствующихъ такой же сострадательности, какую сами оказывали нуждающимся во время своего счастья.

Да не хвалится, сказано, *мудрый мудростію своею, ни богатый богатствомъ своимъ, ни сильный крѣпостію своею* (Иер. 9, 23.), если бы и достигнулъ кто самой высокой степени — или мудрости, или богатства, или силы. А я къ симъ словамъ Писанія прибавлю еще и то, что съ ними согласно: да не хвалится ни славный своею славою, ни здоровый здоровьемъ своимъ, ни красивый красотою своею, ни юный юностію, кратко сказать, ничѣмъ такимъ, что прославляютъ здѣсь, да не хвалится надмевающійся тѣмъ. Однимъ токмо да *хвалится хвалляся*, — именно тѣмъ, чтобы разумѣть и усердно искать Бога (Иер. 9, 24.), сострадать страждущимъ, и угождать себѣ что-нибудь доброе для будущаго вѣка. Ибо здѣшнія блага быстро протекаютъ, даютъ на часъ, и, подобно какъ камешки въ игрѣ, пере-

кидываются съ мѣста на мѣсто и переходятъ то къ тѣмъ, то къ другимъ; ничего здѣсь не дѣзятъ назвать своимъ, все или время отниметъ, или зависть переведетъ въ чужія руки. Напротивъ, блага душевныя постоянны и прочны, никогда не отойдутъ и не отпадутъ отъ насъ, никогда не обманутъ надеждъ того, кто имъ повѣрилъ. Но и это самое, что ни одно изъ здѣшнихъ благъ не вѣрно людямъ и не прочно, мнѣ кажется, прекрасно, какъ и все прочее, устроено предусмотрительнымъ Художникомъ — Словомъ и Премудростію, превосходящею всякъ умъ (1 Кор. 1, 24. Филип. 4, 7.); это самое, что видимыя блага подвергаются и подвергаются насъ то тѣмъ, то другимъ превратностямъ, то возносятся вверхъ, то упадаютъ внизъ и кружатся какъ въ вихрѣ, и прежде нежели овладѣемъ ими, убѣгаютъ и удаляются отъ насъ, и такимъ образомъ играютъ нами, обманываютъ насъ, — не направлено ли къ тому, чтобы мы, усмотрѣвъ ихъ непостоянство и переменчивость, скорѣе устремились къ пристанищу будущей жизни? Въ самомъ дѣлѣ — что было бы съ нами, еслибъ земное наше счастье было постоянно, когда и при непостоянствѣ его мы столько къ нему привязаны? Когда обманчивая пріятность и прелесть его держитъ насъ, какъ рабовъ въ такихъ узахъ, что мы ничего и представить себѣ не можемъ лучше и выше настоящаго, и это тогда, какъ мы слышимъ и вѣримъ, что мы сотворены по Образу Божію, Который, пребывая на небеси, и насъ влечетъ къ Себѣ (Кол. 1, 15. Иоанн. 3, 13. 12, 32.)?

Кто премудръ, и уразумѣетъ сія (Ос. 14, 10.)?

Кто рѣшится убѣгать отъ вещей убѣгающихъ ?
 Кто прилѣпится къ вѣчно пребывающему ? Кто
 научится размышлять о настоящемъ , какъ о прехо-
 дящемъ , а объ уповаемомъ , какъ о постоянно при-
 сущемъ ? Кто хочетъ отдѣлять истинно сущее отъ
 кажущагося , и къ первому стремиться , а послѣднее
 презирать ? Кто желаетъ отличать списокъ отъ
 истины , дальнюю хижину отъ горняго града (2 Петр.
 1, 13. Евр. 13, 14.) , ночлегъ отъ постоянного
 жилища , тьму отъ свѣта , глубокое благо (Пс. 68,
 3.) отъ земли святой , плоть отъ духа , Бога отъ
 міродержителя , сѣнь смертную отъ жизни вѣчной ?
 Кто желаетъ купить настоящимъ будущее , тлѣннымъ
 богатствомъ нетлѣнное , видимымъ невидимое ? —
 Поистинѣ блаженъ , кто различая сіе и разсѣкая ме-
 чемъ слова , отдѣляющимъ лучшее отъ худшаго , по-
 лагаетъ , какъ сказалъ въ одномъ мѣстѣ божественный
 Давидъ , *восхожденія въ сердце своемъ* (Пс. 83, 6.) ,
 и убѣгая , сколько силъ есть , изъ сей юдоли плача ,
 вышнихъ ищеть (Кол. 3, 1.) , и распинаясь міру
 со Христомъ , со Христомъ и воскресаетъ (Гал. 6,
 14. Кол. 3, 1.) , со Христомъ и восходитъ къ на-
 слѣдію жизни уже не измѣняющейся , не обманчивой ,
 гдѣ нѣтъ болѣе змѣя , угрызающаго на пути , уязв-
 ляющаго въ пяту и уязвляемаго въ голову (Быт.
 49, 17. 3, 15.). А насъ тотъ же Давидъ , какъ нѣ-
 кій громогласный проповѣдникъ , прекрасно огла-
 шаетъ высокою и всенародною проповѣдію , въ ко-
 торой называетъ насъ тяжкосердыми и любящими
 ложь , и учитъ не слишкомъ прилѣпляться къ види-
 мому , и не полагать всего земнаго благополучія
 единственно въ обиліи пшеницы и вина (Пс. 4, 3.

8.)— сихъ скороистлѣвающихъ стяжаній. И блаженный Амосъ (г) можетъ-быть тоже самое имѣлъ въ мысляхъ, и также противъ земныхъ и мнимыхъ благъ вооружался, когда говорилъ: *приблизитесь горамъ, вѣчнымиъ: востани и поиди, яко нльсть тебѣ сей покой* (Мих. 2, 9.). И это, даже въ самыхъ выраженіяхъ, почти совершенно сходно съ повелѣніемъ Господа и Спасителя нашего: какимъ же именно?— *Востаните, идемъ отсюда* (Іоан. 14, 31.), сказалъ Онъ, не тогдашнихъ только учениковъ побуждая перейти съ извѣстнаго мѣста на другое, какъ можетъ подумать кто-нибудь, но и всѣхъ учениковъ Своихъ, во всѣ времена, симъ воззваніемъ привлекая отъ земли къ небесамъ, и отъ земныхъ благъ къ небеснымъ.

И такъ послѣдуемъ Слову, взыщемъ небеснаго покоя, отвергнемъ обиліе земное; воспользуемся только тѣмъ, что есть въ немъ добраго:— искупимъ души свои милостынями (Дан. 4, 24.), дадимъ отъ имѣній своихъ бѣднымъ, дабы стяжать богатство небесное. Дай часть и душѣ, не все одной плоти; дай часть и Богу, не все одному міру. Отними хоть что-нибудь у чрева, и посвяти духу. Исхити что-нибудь изъ огня, и положи вдали отъ пожирающаго пламени. Исторгни что-нибудь у жестокаго мучителя, и ввѣрь Господу. *Даждь часть седьмимъ, то-есть сей жизни, и осьмимъ* (Еккл. 11, 2.), то-есть той жизни, въ которую мы перейдемъ

(г) Въ нѣкоторыхъ манускриптахъ вмѣсто слова: Амосъ, написано: Михай.

изъ здѣшной. Дай немного Тому, отъ Кого получилъ несравненно болѣе. Отдай и все Даровавшему тебѣ все. Ты никогда не будешь щедрѣе Бога, хотя бы и пожертвовалъ всѣмъ, что имѣешь, хотя бы отдалъ вмѣстѣ съ имуществомъ и самого себя: ибо и то самое, чтобы отдать себя Богу, человѣкъ получаетъ отъ Него же. Сколько ты ни уплатишь Ему, все еще больше того будетъ оставаться на тебѣ, и ничего не дашь ты своего, поелику все отъ Бога. И какъ не лѣзя опередить своей тѣни, которая по-стольку подвигается впередъ, по-скольку мы идемъ впередъ, и всегда въ равномъ разстоянїи намъ предшествуетъ; какъ не лѣзя тѣлу вырости выше головы, всегда надъ нимъ возвышающейся: такъ и намъ не возможно превзойти дарами своими Бога. Ибо мы ничего не даемъ такого, что не принадлежало бы Ему, или что было бы внѣ круга Его щедрости. Помысли, откуда въ тебѣ бытїе, дыханїе и самое разумѣнїе? Откуда то величайшее преимущество, что ты знаешь Бога, и надѣешься царствїя небснаго, достоинства равноангельскаго, созерцанїя славы, которое теперь — въ зеркалахъ только и гаданїяхъ (1 Кор. 13, 12.), а тогда будетъ совершеннѣйшимъ и чистѣйшимъ, — надѣешься содѣлаться сыномъ Божиимъ (Матѣ. 5, 9.), снаслѣдникомъ Христу (Рим 8, 17.), и, скажу смѣлое слово, даже самимъ богомъ (Іоан. 10, 34. 35.)? Откуда имѣешь ты все сіе, и отъ кого? Или, если обратиться къ менѣе важнымъ и видимымъ дарамъ, кто далъ тебѣ зрѣть красоту неба, теленїе солнца, кругъ луны, множество звѣздъ, и во всемъ этомъ, какъ въ звукахъ лиры, всегда одинаковую

стройность и порядокъ; преимущество частей года, измѣненіе временъ, круговращеніе лѣтъ, соразмѣрность дня и ночи, произведенія земли, разліяніе воздуха, широту волнующагося и потомъ спокойно стоящаго моря, глубину рѣкъ, стремленія вѣтровъ? Кто даровалъ тебѣ дожди, земледѣліе, пищу, художества, жилища, законы, гражданское устройство, безмятежную жизнь и тѣсныя связи съ родными? Откуда то, что нѣкоторыя животныя сдѣлались ручными и покорными тебѣ, а другія отданы тебѣ въ пищу? Кто поставилъ тебя господиномъ и царемъ надъ всѣми тварями на землѣ? Кто, — скажу кратко, не исчисляя всего подробно, — даровалъ тебѣ все то, чѣмъ превосходятъ ихъ человѣкъ? Не Тотъ ли, Кто больше всего и вмѣсто всего нынѣ требуетъ отъ тебя челоуѣколюбія? Не стыдно ли намъ будетъ, если столь много благъ получивши отъ Бога, и столь много надѣясь получить, не принесемъ Ему и сего одного дара — челоуѣколюбія? Онъ отличилъ насъ отъ звѣрей, и только однихъ насъ на землѣ почтилъ даромъ разума; а мы ужели сами будемъ превращать себя въ звѣрей? Ужели роскошь до того развратила насъ, до того лишила ума, или... (но я уже не знаю, какъ это и выразить), что мы, имѣя лишній кусокъ и еще что-нибудь, столь же неважное, да и то можетъ-быть наживши неправдою, по этому будемъ думать, что мы и по самой природѣ лучше сихъ несчастныхъ? Ужели возмечтаемъ, что мы слишкомъ высоки въ сравненіи съ ними, что мы выше людей, какъ древніе гиганты, которые, по сказанію баснословія, составляли особый родъ, отличный отъ прочихъ

смертныхъ, или какъ Невродъ и сыны Енаковы (Числ. 13, 34.), угнетавшіе нѣкогда Израиля, или какъ тѣ исполины, которыхъ злодѣянїями низведенъ потопа для очищенїя земли? Ежели Богъ и Владыка не стыдится называться отцемъ нашимъ; то мы ли отречемся отъ сродства съ подобными намъ? —

Нѣтъ, други и братїя! Не будемъ неправедными распорядителями ввѣреннаго намъ, чтобы не услышать намъ грозныхъ словъ Петра: «Постыдитесь вы, удерживающіе у себя чужое, подражайте равной для всѣхъ благодати Божїей, и тогда не будетъ ни одного бѣднаго (д)». Не будемъ томить себя, собирая и сберегая сокровища, тогда какъ другіе томятся отъ нищеты, да не поразитъ насъ жестокими укоризнами и угрозами божественный Амосъ, который вопіетъ: *Слышите нынѣ, глаголющїи: когда пройдетъ мѣсяцъ, и продамы, и субботы, и отверземъ сокровища* (Амос. 8, 5.)? и потомъ, въ слѣдующихъ далѣе словахъ, угрожаетъ гнѣвомъ Божїимъ людямъ, имѣющимъ мѣру малую и мѣру великую. Да не обличитъ насъ и блаженный Михей, который, укоряя Іудеевъ за то, что они нѣжатся на одрахъ изъ слоновой кости, намащуются самцами дорогими ароматами, утучняютъ тѣло свое, питаясь нѣжнымъ мясомъ тельцовъ отъ стадъ и козлищъ отъ паствъ, сопровождаютъ рукоплесканїями звуки органовъ, и потомъ еще сильнѣе порицая то, что они считаютъ сіи удовольствїя постоянными и

(д) Слова сіи взяты изъ постановленїй Апостольскихъ.

прочными, и осуждаетъ роскошь, (такъ какъ отъ пресыщенія раждается обида), и присовокупляетъ къ сему осужденію неумѣренныхъ удовольствій новое, вмѣняя можетъ-быть еще въ большую вину то, что сластолюбцы, предаваясь удовольствіямъ, нисколько не состраждутъ о *сокрушеніи Иосифовъ* (Амос. 6, 4—6.). — Да не постигнетъ и насъ сіе осужденіе! Не попустимъ себѣ до того забываться въ наслажденіяхъ, чтобы пренебрегать самое чело-вѣколюбіе Бога, Который раздражается симъ, хотя и не вдругъ, не тотчасъ по преступленіи наводитъ гнѣвъ Свой на грѣшниковъ.

Послѣдуемъ высочайшему и первому закону са-мого Бога, Который посылаетъ дождь на правед-ныхъ и грѣшныхъ, и велитъ солнцу восходить одинаково надъ всѣми (Матѣ. 5, 45.), Который, безъ всякаго стѣсненія, предоставилъ всѣмъ, оби-тающимъ на сушѣ, и землю, и источники, и рѣки, и лѣса, пернатымъ — воздухъ, живущимъ въ водахъ — воду, Который всѣмъ челоуѣкамъ даровалъ въ изобиліи первыя потребности жизни, кои ни власти не подлежатъ, ни закономъ не ограничиваются, ни предѣлами государствъ не преграждаются, но пред-ложены всѣмъ и каждому въ богатой мѣрѣ, и ме-жду тѣмъ нисколько отъ того не оскудѣваютъ. Такъ щедро всѣхъ людей надѣлилъ Богъ конечно для того, чтобы разнымъ раздаяніемъ даровъ Сво-ихъ показать и одинаковое достоинство нашей природы, и богатство благодати Своей. А люди, зарывъ въ землю золото, серебро, дорогія и лишнія одежды, самоцвѣтные камни и другія подобныя драгоцѣнности, — сіи свидѣтельства брани, между-

усобій и древняго насильства восхитителей верховной власти, — послѣ того, безумные, поднимають еще брови, и бѣдствующимъ сродникамъ своимъ по естеству отказываютъ въ милосердіи, не желая даже излишками своими помочь имъ въ нуждахъ ихъ. Какое невѣжество! Какая глупость! — Не говорю уже о другомъ, по крайней мѣрѣ то представили бы они, что бѣдность и богатство, свободное, въ обыкновенномъ смыслѣ понимаемое, состояніе, и рабство, и другія, подобныя симъ имена уже въ послѣдствіи времени появились въ родѣ человѣческомъ, и какъ нѣкоторые недуги, вторглись вмѣстѣ съ неправдою, которая и избрѣла ихъ. Сначала же, какъ сказано въ Писаніи, не было такъ (Матѣ. 19, 8.). Но Сотворившій человѣка вначалѣ, содѣлалъ его свободнымъ, ограничивъ его только однимъ закономъ заповѣди; содѣлалъ и богатымъ среди сладостей рая, а вмѣстѣ съ нимъ благоволилъ даровать сіи преимущества и всему роду человѣческому въ одномъ первомъ сѣмени. Тогда свобода и богатство заключались единственно въ соблюденіи заповѣди; а истинная бѣдность и рабство — въ преступленіи оной. Но съ того времени, какъ появились зависть и раздоры, какъ началось коварное владычество змія, непрестанно и непримѣтно привлекающаго насъ къ злу лакомою приманкою удовольствія, и вооружающаго дерзкихъ людей противу слабыхъ, — съ того времени расторглось родство между людьми; отчужденіе ихъ другъ отъ друга выразилось въ различныхъ наименованіяхъ званій, и любостыжаніе, призвавъ и законъ на помощь своей власти, заставило позабыть о благород-

ствѣ естества человѣческаго. Ты же смотри на первоначальное равенство правъ, а не на послѣдовавшее раздѣленіе, не на законъ властителя, а на законъ Создателя. Помоги, сколько можешь, природѣ, почти первобытную свободу, уважь самого себя, покрой безчестіе, нанесенное роду твоему: окажи пособіе въ болѣзни, подкрѣпи въ нуждѣ. Ты здоровъ и богатъ? Такъ утѣшь болящаго и бѣднаго. Ты не испыталъ паденія? Такъ подними упавшаго и разбившагося. Ты веселъ? Такъ ободри унывающаго. Ты счастливъ? Такъ облегчи участь удрученнаго несчастіемъ.

Воздай что-нибудь Богу въ благодарность за то, что ты принадлежишь не къ числу имѣющихъ нужду въ благодареніяхъ, а къ числу тѣхъ, кои могутъ оказывать благодаренія, что не ты смотришь въ чужія руки, а другіе въ твои. Обогати себя не только имуществомъ, но и благочестіемъ, не только золотомъ, но и добродѣтелью, или лучше, только ею одною. заслужи предпочтеніе предъ ближнимъ твоимъ тѣмъ, что ты его благотворительнѣе. Будь для несчастнаго богомъ, подражая милосердію Божію. — Ибо ничто столько не уподобляетъ человѣка Богу, какъ благотвореніе; хотя Богъ несравненно больше благотѣльствуетъ, а человѣкъ меньше, сообразно съ своими силами. Богъ сотворилъ человѣка, и снова возставляетъ его изъ тлѣнія; а ты по крайней мѣрѣ не презри падшаго. Богъ явилъ человѣку величайшее милосердіе, когда далъ ему, кромѣ всего прочаго, законъ, Пророковъ, и еще прежде того естественный законъ — неписанный, сего испытателя дѣлъ нашихъ; когда обличалъ,

вразумлялъ, руководствовалъ людей и наконецъ предалъ Самого Себя въ жертву искупленія за *жизнотъ міра* (Матѣ. 20, 28. Іоан. 6, 51.); когда даровалъ намъ Апостоловъ, Евангелистовъ, учителей, пастырей, исцѣленія, чудеса, возвращеніе къ жизни, разрушеніе смерти, знаменіе побѣды надъ побѣдившимъ насъ, завѣтъ сѣни и завѣтъ истины, различные дары Духа Святаго и таинство новаго спасенія. А ты, если можешь оказывать высшія благодѣянія, — приносящія пользу душѣ (поселику Богъ надѣлитъ тебя и симъ богатствомъ, ежели только пожелаешь того), не откажись и этимъ послужить нуждающемуся, или лучше, таковыя-то благодѣянія прежде всего и паче всего и оказывай просящему тебя, даже не ожидая его прошенія; *весь день милуя и взаимъ дая* (Псал. 36, 26.) слово, и неопустительно взыскивая долгъ съ лихвою, то-есть съ умноженіемъ назиданія въ пользовавшемся онымъ, — лихвою, которую всегда прилагаетъ къ принятому слову тотъ, кто мало-по-малу приумножаетъ въ себѣ сѣмена благочестія. Если же ты этимъ не можешь служить ближнему; то оказывай ему хоть меньшія благодѣянія, занимающія второе мѣсто и не превышающія силы твоей. Помоги ему, доставь пищу, подай рубище, принеси лекарство, перевяжи раны, распроси о бѣдственномъ его положеніи, поговори о терпѣннн; осмѣйся, подойди. Ты не унизишь себя этимъ; болѣзнь не пристанетъ къ тебѣ, хотя и думаютъ такъ люди слишкомъ изнѣженные, обольщенные пустыми предубѣжденіями; или лучше сказать, хотя и стараются симъ предлогомъ оправдать свою — либо трусость, либо отвра-

щеніе отъ благочестія, прибѣгая къ боязливости, какъ будто къ чему важному и мудрому. Касательно сего могутъ успокоить тебя и здравыя разсужденія, и врачи, и живущіе въ одномъ съ большими домъ ихъ прислужники, изъ коихъ ни одинъ еще, обращаясь съ ними, не подвергался опасности. Но если бы и возбуждало такое сообщеніе страхъ и сомнѣнія, ты, рабъ Христовъ, боголюбивый и челоуѣколюбивый, не будь побѣжденъ низкимъ малодушіемъ! Дерзай вѣроу, побѣди боязнь состраданіемъ, изнѣженность — страхомъ Божиимъ, плотскіе расчѣты — благочестіемъ. Не презри брата твоего, не пробѣги мимо его, не гнушайся имъ какъ нечистотою, какъ заразою, какъ чѣмъ-то отвратительнымъ и отверженнымъ. Это твой членъ, хотя и покривило его несчастіе. *Тебѣ оставленъ есть нищій* (Пс. 9, 35.), какъ самому Богу, хотя ты и слишкомъ надменно (можетъ-быть хоть сими словами приведу тебя въ стыдъ) проходишь мимо его. Тебѣ предлагается случай доказать свое челоуѣколюбіе, хотя и отвращаетъ тебя врагъ отъ собственнаго твоего счастья.

24
 Всякій мореплаватель близокъ къ кораблекрушенію; и тѣмъ ближе, чѣмъ съ большею отважностію плыветъ. Такъ и всякій обложенный тѣломъ, близокъ къ бѣдамъ тѣлеснымъ, и тѣмъ ближе, чѣмъ безстрашнѣе ходитъ съ поднятымъ челомъ, не смотря на лежащихъ предъ нимъ. Доколѣ плывешь при благопріятномъ вѣтрѣ, подавай руку потерпѣвшему кораблекрушенію; доколѣ наслаждаешься здоровьемъ и богатствомъ, помоги страждущему. Не дожидай-

ся того, чтобы узнать изъ собственнаго опыта, какое великое зло есть безчеловѣчiе, и какое великое благо есть сердце отверстое терпящимъ нужду. Не желай дожить до того, чтобы Богъ вознесъ руку Свою (Пс. 73, 3.) на возносящихъ выю свою и пренебрегающихъ убогихъ. Вразумись чужими бѣдами. Дай хоть самую малость бѣдному: и то не будетъ малостью для того, кто во всемъ нуждается, и для самаго Бога, если подаванiе будетъ по силѣ. Вмѣсто великаго дара принеси усердiе. Ничего не имѣешь? Утѣшь слезою. Великое врачевство злополучному, когда кто отъ души пожалѣетъ о немъ; несчастiе много облегчается искреннимъ соболѣзнованiемъ. Ты, человѣкъ, не долженъ считать человѣка хуже животнаго, которое законъ велитъ тебѣ поднять, когда оно упадетъ въ ровъ, или привести къ хозяину, когда заблудится (Исх. 23, 4. 5. Второзак. 22, 4.). Не скрывается ли въ семъ повелѣнiи и другой, таинственный и глубочайшiй смыслъ, подобно какъ и во многихъ изреченiяхъ закона, отличающихся глубиною и двузнаменательностию, не мнѣ проникать въ это, а все испытующему и все знающему Духу. Я же, — сколько понимаю сiе, и сколько относится то къ моему слову, — скажу, что здѣсь законъ имѣетъ цѣлю — отъ милосердiя къ тварямъ молозначущимъ возвести насъ къ милосердiю совершеннѣйшему и важнѣйшему. Въ самомъ дѣлѣ, если мы обязаны и къ безсловеснымъ быть милостивы, то сколь же велика должна быть любовь наша къ тѣмъ, кои одного съ нами рода и достоинства? Такъ учатъ насъ и разумъ, и законъ, и справедливѣйшiе изъ людей, которые полагаютъ,

что лучше благотворить, нежели принимать благодаренія, и что милость дороже корысти.

Чтожь сказать о нашихъ мудрецахъ? — Я не говорю объ язычникахъ, которые, выдумывая боговъ — защитниковъ страстей, и Кердою (е) воздаютъ величайшія почести, и, что еще хуже того, поставляютъ закономъ (какъ это видимъ у нѣкоторыхъ народовъ), закалать людей въ жертву нѣкоторымъ изъ демоновъ, такъ что безчеловѣчіе входитъ у нихъ въ составъ богопочитанія, и такими жертвами какъ сами услаждаются, такъ и богамъ своимъ думаютъ доставить удовольствіе — злые жрецы и тайнослужители злыхъ! — Но вотъ что особенно достойно оплакиванія: есть и между нашими собратіями люди, которые такъ далеки отъ соболѣзнованія и вспомошествованія страждущимъ, что даже не стыдятся жестоко укорять ихъ, нападаютъ на нихъ, придумываютъ пустыя и ничтожныя умствованія, *яко гласящій отъ земли* (Ис. 29, 4.), говорятъ на вѣтеръ, а не для слуха водимаго благимъ смысломъ и привыкшаго къ истинамъ божественнымъ. Они осмѣливаются такъ судить: «Богъ послалъ имъ несчастье, а намъ счастье. И кто я, чтобы смѣлъ нарушать опредѣленіе Божіе и показывать себя милостивѣе Бога? Пусть ихъ томятся, бѣдствуютъ, страдаютъ! Богу такъ угодно.» Въ семь только случаевъ и показываютъ они себя богочтителеми, гдѣ можно имъ сберечь свои деньги и храбриться надъ несчастными! Но въ самомъ дѣлѣ они и не

Mercurію, покровителю корыстолюбів.

думаютъ, что ихъ благополучіе происходитъ отъ Бога, какъ это ясно видно изъ словъ ихъ: Ибо станеть ли разсуждать подобно имъ о бѣдныхъ тотъ, кто признаеть Бога подателемъ всего, чѣмъ онъ владѣеть? Кто дѣйствительно имѣеть что-нибудь отъ Бога; тотъ и употребляетъ, что имѣеть, согласно съ волею Божіею. Съ другой стороны еще неизвѣстно и то, чтобы на бѣдныхъ всегда насылалъ страданія самъ Богъ; потому что и тѣлесное вещество, находящееся безпрестанно въ какомъ-то теченіи, можетъ само по себѣ быть причиною разстройствъ. И почему кто знаетъ, что одинъ наказывается за порочную жизнь, а другой возвышается, какъ достойный похвалы? А можетъ-быть и наоборотъ—сей возвышается именно потому, что онъ худъ; а тотъ подвергается искушенію за свою добродѣтель; сей выше возносится, чтобы и упасть сильнѣе, ему попускается напередъ обнаружить, какъ нѣкую болѣзнь всю свою порочность, дабы тѣмъ справедливѣе было наказаніе, имѣющее его постигнуть; а тотъ и сверхъ ожиданія угнетается, дабы, искусившись *яко злато въ горниль* (Прем. Сол. 3, 6.), очиститься и отъ малѣйшей, какая еще оставалась въ немъ, примѣси зла (ибо никто, по естественному рожденію, не бываетъ совершенно *чистъ отъ скверны*, какъ это слышимъ мы изъ Писанія. (Иов. 14, 4.), и явиться еще болѣе достойнымъ, такъ какъ и сію тайну нахожу я въ Божественномъ Писаніи (Прем. Сол. 3, 5.). Продолжительно было бы исчислять всѣ глаголы Духа, сюда относящіяся. И кто изочтетъ песокъ морскій, и капли дождя и глубину бездны (Ис. Сир. 1, 2. 3.)?

Равнымъ образомъ кто можетъ во всемъ изслѣдовать глубину премудрости Бога, которою Онъ и сотворилъ все, и управляетъ всѣмъ такъ, какъ хочетъ и какъ знаетъ? Довольно для насъ, по примѣру божественнаго Апостола, удивляться только ей и почитать молчаніемъ непостижимую и неудобозримую глубину ея. *О глубина богатства и премудрости и разума Божія! яко неиспытани судове Его, и неизслѣдовани путіе Его* (Рим. 11, 33). *И кто уразумѣтъ умъ Господень* (Ис. 40, 13.)? *Или въ послѣднія* премудрости Его *кто достигше, какъ говоритъ Іовъ* (11, 7.)? *кто премудръ, и уразумѣтъ сія* (Ос. 14, 10.), и кто отважится то, что выше всякой мѣры, измѣрять соображеніями удобопостижимыми? Итакъ пусть кто-нибудь будетъ на это смѣлъ и отваженъ, а лучше, если бы никто. Я же ни наказаній въ здѣшней жизни не осмѣлюсь относить во всякомъ случаѣ къ пороку, ни спокойнаго состоянія—къ добродѣтели. Правда, бываетъ и здѣсь такое мздовоздааніе, и конечно для нѣкоторыхъ полезныхъ цѣлей, дабы съ одной стороны бѣдствія злыхъ людей останавливали стремленіе порока, а съ другой благоденствіе добрыхъ облегчало путь добродѣтели: но это бываетъ не всегда и не вполнѣ. Полное мздовоздааніе принадлежитъ единственно будущей жизни, гдѣ одни получаютъ награды за добродѣтель, а другіе — наказанія за порокъ. *Востанутъ бо, сказано, сіи въ воскрешеніе живота, сіи же въ воскрешеніе суда* (Іоан. 5, 29.). А для настоящей жизни другой законъ, другое веденіе.

Впрочемъ и въ настоящей жизни все направлено

къ будущей. И что кажется намъ неровнымъ, безъ сомнѣнія, изравнивается у Бога. Подобно сему въ тѣлѣ есть части выдавшіяся и впалыя, великія и малыя, также на землѣ есть мѣста возвышенныя и низкія; но все сіе, во взаимномъ соотношеніи, образуетъ и представляетъ нашимъ взорамъ прекрасное цѣлое. Равно и у художника, сначала нестройное и неровное вещество, потомъ является весьма искусно обдѣланнымъ, когда изъ него устроится какое-нибудь произведеніе; послѣ чего и мы, увидѣвъ это произведеніе въ совершенной красотѣ его, понимаемъ и признаемъ искусство художника. Такъ не будемъ же почитать Бога такимъ несовершеннымъ художникомъ, каковы мы; не будемъ находить неуройства въ управленіи міромъ, потому единственно, что намъ неизвѣстенъ образъ управленія. Но мы, — если нужно представить въ подобіи состояніе нашего духа, — мы не много отличаемся отъ людей, страждущихъ на кораблѣ тошнотою и головокруженіемъ, которые, кружась сами, думаютъ, что и все кружится. Точно таковы тѣ, о которыхъ мы говоримъ. Они не хотятъ, чтобы Богъ былъ мудрѣе ихъ, когда у нихъ кружится голова отъ недоумѣнія о какомъ нибудь происшествіи. Въмѣсто того, чтобы или самимъ потрудиться въ изысканіи причины онаго, въ той надеждѣ, что можетъ-быть трудолюбивому исканію подается истина, или посовѣтоваться о семъ съ людьми, которые мудрѣе и духовнѣе ихъ (такъ какъ и мудрость есть одно изъ дарованій, и *не во всѣхъ разумъ*. 1 Кор. 8, 7.), или чистотою жизни уловить вѣдѣніе и поискать премудрости у ис-

тинной Премудрости; они — какое невѣжество! — хватаются за то, что ближе къ рукамъ, клеветуютъ, будто все въ мірѣ дѣлается безъ причины, потому только, что сами ея не видятъ, и такимъ образомъ отъ своего невѣжества дѣлаются мудрецами, или отъ излишней, такъ сказать, мудрости, становятся лишенными мудрости и несмысленными. Отъ-того нѣкоторые ввели счастье и самослучайность (ж), — такой вымыслъ, который подлинно только на удачу и какъ случилось слѣзленъ. Другіе придумали какое-то неразумное и неотклонимое владычество звѣздъ (з), которыя по своему произволу сплетаютъ, или, лучше сказать, невольно принуждены сплестать судьбу нашу; придумали соединенія и противостоянія какихъ-то блуждающихъ и неблуждающихъ тѣлъ небесныхъ, и владычествующее надъ всѣмъ міромъ движеніе. Иные, поколику не могли постигнуть и познать самого Промысла, внесли въ бѣдный родъ человѣческой свои мечты, какія кому воображались (и), и раздробили это на различныя мнѣнія и наименованія. Были и такіе, которые Промыслъ представляли слишкомъ бѣднымъ (і), и рапространивъ управленіе Его только на то, что выше насъ, не осмѣлились низвести Его до насъ, болѣе всего имѣющихъ въ Немъ нужду, какъ будто боясь того, чтобы Благодѣтеля не показать слишкомъ благимъ, когда будетъ слишкомъ много су-

(ж) Емпедоклъ, Епигуръ.

(з) Халдеи.

(и) Мисологъ.

(і) Аристотель.

ществъ, пользующихся Его благодѣянiями, или что-бы не утомить Бога множествомъ благодѣяній. — Но оставимъ сихъ безумцевъ, — какъ я уже и сказалъ, — самимъ себѣ; поелику еще прежде насъ хорошо отразило ихъ слово Божiе симъ приговоромъ: осуетися *неразумное ихъ сердце: глаголющеся быти мудри, обзюродѣша, и измѣниша славу нетлѣннаго Бога* (Рим. 1, 21—23.), исказивъ какими-то баснями и тѣнями всеобъемлющiй Промысль. Мы же, если только, какъ существа разумныя и служители Слова, внимаемъ разуму, — не должны ни сами придумывать подобныхъ чудовищныхъ мнѣнiй, ни принимать людей, которые такъ думаютъ, сколько бы ни былъ оборотливъ языкъ ихъ въ составленiи нелѣпыхъ умствованiй и ученiй, и сколько бы ни была обольстительна новость ихъ вымысловъ. Напротивъ мы должны вѣровать, что есть Богъ Творецъ и Создатель всѣхъ существъ: ибо какъ могла бы и существовать вселенная, если бы кто не осуществилъ ее и не привелъ въ стройный составъ? — должны вѣровать, что есть Промысль все содержащiй и все связывающiй въ мiрѣ: ибо для тѣхъ существъ, для которыхъ необходимъ Творецъ, необходимъ вмѣстѣ и Промыслитель; иначе мiръ, носимый случаемъ, какъ вихремъ корабль, долженъ бы былъ по причинѣ беспорядочныхъ движенiй вещества, мгновенно разрушиться, рассыпаться и возвратиться въ первоначальный хаосъ и неустройство. Мы должны также вѣровать, что нашъ Творецъ, или Зиждитель (все равно, тѣмъ ли, или другимъ именемъ назовешь Его) особеннымъ образомъ печется о нашей участи, хотя жизнь наша и прово-

дится среди различныхъ противностей, коихъ причины для того можетъ-быть и остаются не извѣстными, чтобы мы, не постигая ихъ, тѣмъ болѣе удивлялись надъ всеѣмъ возвышенному Уму. Ибо все, что мы легко понимаемъ, легко и пренебрегаемъ; а напротивъ, что выше насъ, то, чѣмъ неудобопостижимѣе, тѣмъ больше возбуждаетъ въ насъ удивленіе; и все, что убѣгаетъ отъ нашего желанія, тѣмъ самымъ воспаляетъ къ себѣ сильнѣйшую любовь.

Посему не будемъ ни слишкомъ высоко цѣнить во всякомъ случаѣ здоровье, ни слишкомъ оуждать болѣзнь; не будемъ прилѣпяться къ скороутекающему богатству (Пс. 61, 11.), и болѣе надлежащаго прилагать къ сему потоку свое сердце, тратя на сіе, такъ сказать, нѣчто изъ существа души нашей. Не будемъ возставать и противъ бѣдности, какъ противъ доли заслуживающей презрѣніе, проклятіе и ненависть. Научимся лучше и презирать безумно употребляемое здоровье, котораго плодъ—грѣхъ, и уважать благочестиво переносимую болѣзнь, почитая тѣхъ, которые страданіемъ приобрѣли побѣду: почему знать, не кроется ли между болящими какой-нибудь Іовъ, который несравненно болѣе достоинъ чести, чѣмъ здоровые, хотя и соскребаютъ съ себя гной, и томится день и ночь подъ открытымъ небомъ, страдая и отъ язвъ, и отъ жены, и отъ друзей. Научимся отметать и неправедное богатство, за которое праведно *страждетъ въ пламени* (Лук. 16, 24.) богачъ, прося для прохлажденія себя, малой капли воды; и вмѣстѣ ублажать благодарную и любомудрую бѣдность, съ которою

Лазарь спасается и богато награждается упокоеніемъ въ нѣдрахъ Авраама.

Такимъ образомъ челоѣколюбіе и благосердіе къ бѣднымъ, кажется, нужно намъ и для того, чтобы заградить уста неправо мыслящихъ объ ономъ, и не уступать суетнымъ ихъ мудрованіямъ, кои мы теперь разсматривали, то-есть не обращать жестокости въ законъ на вредъ самимъ себѣ. Но всего болѣе почтимъ здѣсь заповѣдь и увѣщанія слова Божія. Какая же это заповѣдь? Посмотрите, какъ постоянно внушаютъ ее мужи боговдохновенные, и какъ она близка къ ихъ сердцу. Не такъ они возвѣщаютъ ее, чтобы разъ, или два поговорили что-нибудь о бѣдныхъ, и потомъ отступились; не такъ, чтобы одни упоминали о милосердіи, а другіе нѣтъ, или нѣкоторые говорили о немъ больше, а другіе меньше, какъ будто бы оно не было важнымъ и крайне нужнымъ предметомъ. Нѣтъ, они всѣ, и каждый въ особенности, почитая сію заповѣдь главною, или одною изъ главныхъ, съ ревностію побуждаютъ насъ къ исполненію ея, то увѣщаніями, то угрозами, иногда упреками, а иногда и похвалами милосердымъ, и все сіе для того, чтобы непрестанными напоминаніями о сей заповѣди усилить ея дѣйствіе въ сердцахъ нашихъ. Сказано: *страсти ради нищихъ, и воздыханія убогихъ, иишь воскресну, глаголетъ Господь* (Псал. 11, 6.). Кто же не убоится встающаго Господа? И въ другомъ мѣстѣ: *воскресни Господи Боже мой, да вознесетъ рука Твоя; не забуди убогихъ* (Псал. 9, 33.). Отклонимъ молитвою такое возвышеніе руки Божіей, и не пожелаемъ видѣть ее возносимую на

непокорныхъ , или, что еще тягостнѣе, наводимую на жестокосердыхъ. И еще: *не забудь званія убогихъ; не до конца забвень будетъ нищій* (ст. 13. 19.); *очи Его на нищаго призираетъ* (Псал. 10, 4.): а такое прпзрѣніе лучше и превосходитѣе, нежели приникновеніе вѣждей. *Въжди же Его испытаетъ сыны человеческія*, что есть уже какъ-бы низшее и второстепенное назираніе. Но можетъ-быть скажетъ кто-нибудь, что здѣсь говорится о нищихъ и убогихъ, неправедно притѣсняемыхъ. Не спорю: но и это самое должно побудить тебя къ челоуѣколюбію. Если такъ много печется Господь о бѣдныхъ, когда ихъ обижаютъ; то конечно еще болѣе наградить тебя за нихъ, когда они получаютъ отъ тебя благодѣянія. Если *ругайся убогому, раздражаетъ Сотворшаго его* (Притч. 17, 5.); то пекущійся о твореніи чтитъ Творца. Опять, когда ты слышишь слова: *нищъ и богатъ срътоста другъ друга: обоихъ же Господь сотвори* (Притч. 22, 2.); то не думай, будто Господь сотворилъ одного нищимъ, а другаго богатымъ, для того, чтобы ты еще больше могъ нападать на нищаго: ибо неизвѣстно, отъ Бога ли произошло такое раздѣленіе. Въ сихъ словахъ Писанія показывается только то, что и нищій и богатый равно созданы Богомъ, хотя и неодинакова внѣшняя ихъ участь. Пусть это подвигнетъ тебя къ состраданію и братолюбію, и еслибъ когда, при взорѣ на свое богатство, ты возгордился, то пусть мысль о общемъ Создателѣ смиритъ тебя и введетъ въ предѣлы скромности. Что-жъ еще? *Милуй нища, взаимъ даетъ Богу* (Притч. 19, 17.). Кто не пожелаетъ имѣть такого

должника, который отдасть долгъ во время свое съ лихвою? И опять: *милостынями и върами очищаются грѣхи* (Притч. 15, 27.). И такъ очистимъ себя милосердіемъ, отремъ симъ прекраснымъ лакомъ нечистоты и скверны душевныя, и убѣлимся одни, какъ волна, другіе, какъ снѣгъ (Ис. 1, 18.), по мѣрѣ благосердія нашего!

Скажу нѣчто еще болѣе поразительное. Если у тебя нѣтъ ни сокрушенныхъ членовъ, ни струпа, ни язвы, ни раны палящіяся (Ис. 1, 6.), нѣтъ никакой проказы душевной, или осязаемаго знаменія, или блеска (Лев. 13, 2.), что только отчасти очищаетъ законъ, и что можетъ исцѣлить одинъ Христосъ: то тѣмъ не менѣе почти Того, Кто претерпѣлъ за насъ язвы и болѣзни. Почтешь же Его тогда, когда явишься милостивымъ и чловѣколюбивымъ къ члену Христову. Если же разбойникъ и мучитель душъ нашихъ, или на пути твоёмъ изъ Иерусалима въ Иерихонъ, или въ другомъ какомъ-либо мѣстѣ, напавъ на тебя безоружнаго и неготоваго къ оборонѣ, до того можетъ-быть изранилъ тебя, что ты долженъ сказать: *возсмердѣша и согниша раны моя, отъ лица безумія моего* (Ис. 37, 6.); если ты въ такомъ состояніи находишься, что ни уврачеванія не ищешь, ни средства къ исцѣленію твоему не знаешь: ахъ! это уже подлинно великая язва и крайнее бѣдствіе. Но когда ты еще не вовсе предался отчаянію и не сдѣлался совершенно неисцѣлимымъ: прибѣги ко Врачу, умолай Его, лечи язвы язвами, привлеки подобное подобнымъ, или лучше сказать, меньшими средствами уврачуй большія болѣзни. И Онъ речеть *душъ твоихъ: спасеніе твое есмь Азъ* (Ис. 34, 3.);

скажетъ: *вѣра твоя спасе тя* (Лук. 7, 50.); *се здравъ еси* (Іоан. 5, 14.), и утѣшитъ тебя всею сладостію глаголовъ *человѣколюбія*, если только увидитъ, что и ты *человѣколюбивъ къ болѣзнующимъ*.

Блажени, говоритъ Онъ, милостивіи, яко тѣмъ помиловани будутъ (Матѹ. 5, 7.): видишь, что между блаженствами не послѣднее мѣсто занимаетъ милость.—Также: *блаженъ разумѣвая на нища и убога* (Пс. 40, 1.); *благъ мужъ щедра и дая* (Пс. 111, 5.); *весь день милуетъ и взаимъ дсетъ праведный* (Пс. 36, 26.). Восхитимъ же блаженство, заслужимъ наименованіе *разумѣвающихъ*, содѣлаемъ *благими*; самая ночь да не прерветъ дѣлъ *милосердія*. *Не рцы: отшедъ возвратися, и завтра дамъ ти* (Притч. 3, 28.). Не допускай ни малѣйшаго промежутка между *благимъ намѣреніемъ* и *благодѣаніемъ*. Вотъ одно, что не терпитъ отсрочки, — *человѣколюбіе*. *Раздробляй алчущему хлѣбъ твой, и нищія безкровныя введи въ домъ твой* (Ис. 58, 7.); и все сіе дѣлай радушно. *Милуй*, сказано, *съ добрымъ изволеніемъ* (Рим. 12, 8.); такимъ образомъ готовность твоя усугубитъ цѣну добраго твоего дѣла. Ибо, что дѣлается съ печалію, или по нуждѣ, то не можетъ быть *приятнымъ* и *изящнымъ*; оказывая *благодѣанія*, должно радоваться, а не сѣтовать. *Аще отъймеша отъ себя союзъ и рукобіеніе*, то-есть мелкую расчетливость, развѣдыванія и сомнѣнія, и *глаголъ роптанія*; что будетъ тогда? Какое чудное и великое воздаяніе! Какая и сколь богатая награда! *Разверзется рано свѣтъ твой, и исцѣленія твоя скоро возсіяютъ*

(Ис. 58, 9. 8.). Кто же не пожелаетъ себѣ свѣта и исцѣленія?

Но съ такимъ же благоговѣніемъзираю я и на *ковчежеицъ* Христовъ (Іоан. 12, 6.), побуждающій насъ къ питанію нищихъ; и на согласіе Павла и Петра въ томъ, что они, раздѣливъ между собою проповѣдь Евангелія, общими силами пеклись о бѣдныхъ; и на указанный юношѣ предѣлъ и законъ совершенства: *имѣніе твое даждь нищимъ* (Матѹ. 19, 21.). Не думаешь ли ты, что челоуѣколюбіе есть для тебя не необходимость, а дѣло произвола, не законъ, а совѣтъ? Я и самъ весьма желалъ бы такъ думать; но меня утрашаютъ: лѣвая сторона и козлища, и укоризны, кои услышатъ они отъ Поставившаго ихъ ошуюю. Они осуждены будутъ не за грабительство, не за святотатство, не за прелюбодѣяніе, или другіе грѣхи, запрещенные закономъ, а за то, что не послужали Христу въ лицѣ бѣдныхъ.

И такъ, ежели вы, рабы и братія и сонаслѣдники Христа, сколько-нибудь имѣете ко мнѣ послушанія, то доколѣ еще есть время, поспѣтимъ Христа, послужимъ Христу, напитаемъ Христа, одѣнемъ Христа, примемъ Христа, почтимъ Христа—не только трапезою, какъ нѣкоторые; не мастью благовонными, какъ Марія; не гробомъ только, какъ Іосифъ Аримаѳейскій; не веществами нужными при погребеніи, какъ Никодимъ, въ-половину только показавшій любовь свою ко Христу; не златомъ, ливаномъ и смирною, какъ еще прежде—Волхвы: но поелику Владыка всяческихъ *милости хощетъ, а не жертвы* (Матѹ. 9, 13.), и милосердіе дороже

темъ тучныхъ агнцевъ (Дан. 3, 40.), то сіе-то милосердіе и принесемъ Ему въ лицѣ бѣдныхъ и долу влачащихся нынѣ, дабы тогда, какъ мы отъидемъ отсель, они приняли насъ *въ вѣчныя кровы* (Лук. 16, 9.), въ самомъ Христѣ, Господѣ нашемъ, Которому слава во вѣки, аминь.

С Л О В О 15,

**ГОВОРЕННОЕ ВЪ ПРИСУТСТВИИ ОТЦА , КОТОРЫЙ
ВЕЗМОДСТВОВАЛЪ ОТЪ СКОРБИ, ПОСЛѢ ТОГО КАКЪ
ГРАДЪ ОПУСТОШИЛЪ ПОЛЯ.**

Для чего разстроиваете достохвальный порядокъ (а)? Для чего принуждаете говорить языкъ покорный закону? Для чего вызываете слово непротивоборствующее духу? Для чего, оставивъ главу, обращаетесь къ ногамъ? Для чего, миновавъ Аарона, приходите къ Елеазару? Я не согласенъ, чтобы источникъ былъ загражденъ, а ручей текъ, чтобы солнце скрылось, а звѣзда сіяла, чтобы сѣдина уступила, а юность давала законы, чтобы мудрость умолкла, а неопытность величалась. Безъ сомнѣнія, большой дождь не полезенъ малаго; одинъ силенъ, смываетъ землю и во всемъ вредитъ земледѣльцу, а другой идетъ тихо, проникаетъ въ глубину, утучняетъ ниву, приноситъ пользу оратаю, питаетъ колосья во время созрѣванія плода. Такъ и обильное слово не полезно мудраго; доставивъ можетъ быть нѣсколько удовольствія, оно улетаетъ и исчезаетъ вмѣстѣ съ колебаніемъ воздуха, не производя

(а) Т. е. чтобы дѣти не учили въ присутствіи родителей.

ничего больше, и только очаровываетъ красносло-
виемъ плѣняющійся имъ слухъ; а мудрое слово
проникаетъ въ умъ, расширивъ уста, исполняетъ
ихъ духомъ, переживаетъ свое рожденіе, и не мно-
гими слогами воздѣлываетъ многое. Не говорю еще
объ истинной и первой мудрости, въ которой пре-
имуществоуетъ дивный сей дѣлатель и пастырь (б).

Первая мудрость есть жизнь похвальная, очищен-
ная, или очищаемая, для Пречистаго и Пресвѣтлаго
Бога, Который требуетъ отъ насъ одной жертвы —
очищенія, — жертвы, обыкновенно называемой въ
Писаніи *сердцемъ сокрушеннымъ* (Пс. 50, 19.),
жертвою хвалы (Пс. 49, 14. 23.), *новою о Хри-
стѣ тварію* (Гал. 6, 15.), *новымъ челоукомъ*,
(Еф. 4, 24.), и тому подобно. Первая мудрость
презирать ту мудрость, которая состоитъ въ од-
нихъ словахъ и оборотахъ рѣчи, въ обманчивыхъ
и излишнихъ противоположеніяхъ. Лучше мнѣ пять
словъ сказать въ Церкви съ разумомъ, нежели ты-
сячи однимъ языкомъ (1 Кор. 14, 13.) и невразу-
мительнымъ звукомъ трубы, который не возбуж-
даетъ моего воина къ духовной брани. Я хвалю и
лобызаю ту мудрость, которою прославились не-
знатные, для которой предпочтены униженные,
съ которою рыбаки уловили въ сѣти Евангелія всю
вселенную, побѣдивъ упраздняемую мудрость сло-
вомъ совершеннымъ и сокращеннымъ (Рим. 9, 28.).

(б) Т. е. отецъ Св. Григорія, Епископъ Назіанзскій. Къ нему
же Григорій и далѣе нѣсколько разъ обращается въ своемъ
словѣ.

Не тотъ для меня мѹдрецъ, кто мудръ на словахъ, у кого оборотливъ языкъ, а душа не обучена, кто подобенъ гробамъ, которые снаружи благообразны и красивы, а внутри полны мертвыхъ костей и скрываютъ въ себѣ великое зловоніе, — но тотъ, кто хотя мало говорить о добродѣтели, однако же многое показываетъ на дѣлѣ, и жизнью удостоивъ-ряетъ въ словѣ. Для меня лучше красота видимая, нежели изображаемая словомъ, лучше богатство, которое уже въ рукахъ, нежели воображаемое во снѣ, лучше мудрость не словомъ блистающая, но свидѣтельствуемая дѣлами. Ибо сказано: *разумъ благъ всѣмъ творящимъ и* (Пс. 110, 10.), а не проповѣдующимъ. Самое вѣрное испытаніе сей мудрости — время, а истинный *вѣнецъ хвалы* — *старость* (Притч. 16, 31.). Ибо хотя не должно ублажать челоуѣка *прежде смерти* (Сир. 11, 28.), какъ думаю съ Соломономъ, — не извѣстно, *что родитъ находилъ день* (Прит. 27, 1.), потому что земная жизнь наша подвержена многимъ переворотамъ, и тѣло смиренія туда и сюда порывается и измѣняется: впрочемъ, кто провелъ большую часть жизни неукоризненно, и близокъ уже къ пристани сего общаго моря жизни, тотъ не безопаснѣ ли и не счастливѣ ли другихъ, которымъ предлежитъ далекое плаваніе?

Итакъ не заключай устъ, которыя вѣщали такъ много добраго, отъ которыхъ такъ много плодовъ и порожденій правды. Сколько отъ нихъ чадъ, какія отъ нихъ сокровища, возведи окрестъ очи твои и виждь! Весь народъ сей родилъ ты благоуѣствованіемъ во Христа! Не лишай насъ болѣе

своихъ полезныхъ , хотя и не многихъ словъ , не полагай начала близкой уже потери. Изреки слово, хотя краткое, но для меня любезное и весьма пріятное, хотя не ощущаемое слухомъ, но познаваемое по тому духовному воплю, который Богъ слышитъ отъ безмолвствующаго Моисея, и бесѣдующему умно говорить : *что вопіеши ко Мнѣ* (Исх. 14, 15.)? Собери народъ сей для меня, твоего питомца, потомъ пастыря, а нынѣ первопастыря. Научи меня пастырству, народъ сей — благопокорности. Полюбомудрствуй о настоящемъ бѣдствіи , о судахъ Божіихъ праведныхъ , постигаемъ ли мы ихъ, или не знаемъ великой бездны: о томъ, какъ у Господа, по слову святаго Исаи, и *милость на мрърилъхъ* (Ис. 28, 17.); потому что благодать Его не безрасчетна (хотя казалась такою начавшимъ ранѣ трудиться въ Виноградникъ и не примѣтившимъ неравенства въ самомъ равенствѣ). Полюбомудрствуй о томъ, какъ гнѣвъ Божій, называемый *чашею въ руцѣ Господни* (Пс. 74, 9.) и *чашею паденія испиваемою* (Ис. 51, 17.), соразмѣряется съ грѣхами; потому что Господь, хотя у всѣхъ убавляетъ нѣчто изъ заслуженнаго имъ наказанія, и не растворенное вино гнѣва растворяетъ челоуѣколюбіемъ (Пс. 74, 9.); впрочемъ отъ строгости преклоняется на милость только для тѣхъ, которые вразумляются страхомъ, и отъ малой скорби *пріемлютъ во чрево* обращеніе, и *болтъ* имъ, и *раждаютъ* совершенный *духъ спасенія* (Пс. 74, 9.); а блюдетъ и безъ остатка *изливаетъ дрождіе*, то-есть конечный гнѣвъ на тѣхъ, которые не исцѣляются Его благодію, но еще ожесточаются, подобно тяжко-

сердому Фараону, обременяющему горькими работами и соблюденному въ показаніе силы Божіей надъ нечестивыми (Ис. 9, 16.). Скажи: отъ чего такіе удары и бичи? Гдѣ ихъ основаніе? Слѣдствіе ли это безпорядочнаго и неправильнаго движенія вселенной, неуправляемаго и неразумнаго теченія вещей, какъ будто нѣтъ надъ ними Правителя, и дѣло ли это случая, какъ думаютъ немудрые мудрецы, слѣпо увлекаемые безпорядочнымъ и темнымъ духомъ? Или все съ разумомъ и въ порядкѣ, какъ сначала произведено, прекрасно растворено, сокуплено и приведено въ движеніе по законамъ, извѣстнымъ единому Приведшему все въ движеніе, такъ и послѣ движется и измѣняется, управляемое браздами Промысла? Отъ чего неурожаи, тлетворные вѣтры, градъ, настоящее наше пораженіе и вразумленіе? Отъ чего порча въ воздухѣ, болѣзни, землетрясенія, волненія морей и небесныя явленія? Какъ тварь, созданная въ наслажденіе людямъ, сей общій и равный для всѣхъ источникъ удовольствій, обращается въ наказаніе нечестивыхъ, чтобы мы тѣмъ же самымъ, чѣмъ были почтены, и за что оказались неблагодарными, теперь вразумились и познали силу Божію въ злостраданіяхъ, когда не познали ея въ благотворныхъ дѣйствіяхъ? Какъ однимъ воздаются отъ руки Господни грѣхи сугубы (Иса. 40, 2.); и мѣра беззаконія восполняется симъ усугубленіемъ (чѣмъ и Израиль уцѣломудривается); а для другихъ грѣхи исчерпываются седмикратнымъ воздаяніемъ въ нѣдро ихъ (Ис. 78, 12). И что значитъ мѣра Аморреевъ еще не исполнившаяся (Быт. 15, 16.)? Какъ грѣшникъ или

оставляется безъ наказанія можетъ-быть потому, что блюдетъ для будущаго, или наказывается опять для того, чтобы ему уврачеваться здѣсь? И какъ праведникъ или злостраждеть, а чрезъ сіе можетъ-быть испытуетъ, или благоденствуетъ и тѣмъ охраняется, если онъ бѣденъ умомъ, и не очень возвысился надъ видимымъ, чему cadaго изъ насъ учить совѣсть, это домашнее и неложное судилище? Что значить постигшій насъ ударъ, и отъ чего онъ? Испытаніе ли это добродѣтели, или истязаніе за грѣхи? Но хотя бы и не было это наказаніемъ, лучше принять за наказаніе и смириться подъ крѣпкую руку Божію, нежели превозноситься смѣь, какъ испытаніемъ. Научи же сему и вразуми насъ, чтобы и не слишкѣмъ болѣзненъ былъ для насъ настоящій ударъ, и чтобы намъ не презрѣть его, впавъ во глубину золь (ибо и такимъ недугомъ страждутъ многіе), но чтобы благоразумно принять вразумленіе, и безчувственностію къ нему не навлечь на себя чего-либо бѣльшаго.

Ужасно видѣть безплодіе земли и погибель плодовъ, и притомъ въ какое время? когда уже плоды радовали надеждою и близки были къ собранію. Ужасно видѣть безвременную жатву; видѣть, какъ земледѣльцы скорбятъ о трудахъ, и, будто надъ мертвецами, сидятъ надъ стеблями, которые тихій дождь возрастилъ, а сильный пожалъ, съ которыхъ не исполни руки своя жниай, и нѣдра своего рукояти собираай, надъ которыми не слышно было благословенія, какимъ привѣтствуютъ земледѣльцевъ *мимоходящии* (Пс. 128, 7. 8.). Жалкое зрѣлище—земля поруганная, остриженная, лишенная украшенія

своего! Сіе оплакиваетъ и блаженный Іоиль, трогательнѣе другихъ изобразившій опустошеніе земли и мучительность голода; оплакиваетъ и другой Пророкъ, противопологающій прежней красотѣ земли послѣдовавшее ея безобразіе. Разсуждая о гнѣвѣ Господа, опустошающаго землю, Пророкъ говоритъ: *предъ нимъ рай сладости, и создади поле пагубы* (Іоил. 2, 3.). Тягостно, чрезъ-мѣру тягостно сіе, доколѣ печалитъ одно настоящее, и не беспокоитъ ощущеніе другаго тягчайшаго удара, какъ и въ болѣзняхъ настоящее страданіе всегда болѣзненнѣе не наступившаго. Но и сего тягостнѣе то, что закличаютъ въ себѣ сокровищницы Божія гнѣва. Да не испытаете вы сего! И конечно не испытаете, если прибѣгнете къ милосердію Божію, слезами преклоните къ себѣ Того, Кто *милости хочетъ*, и остатокъ гнѣва отворотите отъ себя, обращеніемъ. Это — еще кротость и человѣколюбіе, снисходительное вразумленіе, первые удары пѣстуна, образующаго младенчество, это еще *дымъ гнѣва*, то-есть начало истязанія, а не *огнь воспламенившійся*, то-есть не самый верхъ гнѣва, не *угліе возгорѣвшееся*, то-есть не послѣдніе удары бича (Пс. 17, 9.). Богъ отчасти угрозилъ намъ, отчасти простеръ на насъ бичъ, отъ инаго удержался силою, иному подвергъ насъ, равно вразумляя и наказаніемъ и угрозою, и пролагая путь гнѣву Своему, Онъ, по преизбытку благости, начинаетъ съ меньшаго, чтобы не имѣть нужды въ большемъ. Но Онъ наказываетъ и большимъ, если бываетъ къ тому вынужденъ.

Знаю сіе *оружіе очищенное* (Пс. 7, 13.), сей *упивающійся мечъ на небеси* (Ис. 34, 5.), которому

повелѣно съць, *изничтожить*, обезчадить (Иезек. 21, 10.), не миловать ни плотей, ни мозговъ, ни костей. Знаю, что Безстрастный, *аки медвѣдица лишаема*, и *яко рысь*, встрѣчающая на пути *Ассириевъ* (Осіи 13, 7. 8.), не древнихъ только, но и всякаго, кто нынѣ Ассиріанинъ беззаконіемъ; и что не лѣзя убѣжать отъ крѣпости и скорости гнѣва Его, когда Онъ бодрствуетъ надъ нашими нечестіями, и когда враговъ Его преслѣдуетъ ревность, готовая *поести сопротивныя* (Евр. 10, 27.). Знаю сіе *истрясеніе и вострясеніе и воскипльнїе*, и *сердца сокрушеніе*, и *разслабленіе колѣнъ* (Наум. 2, 10.), и другія подобныя наказанія, постигающія нечестивыхъ. Не говорю уже о тамошнихъ судилищахъ, которымъ предаются пощаженные здѣсь; почему лучше здѣсь подвергнуться вразумленію и очищенію, нежели претерпѣть истязаніе тамъ, когда настанетъ время наказанія, а не очищенія. Ибо какъ выше смерти *поминай здѣсь Бога* (о чемъ прекрасно *любомудрствуетъ Давидъ*): такъ для отшедшихъ отсюда *нѣтъ исповѣданій и исправленія во адъ* (Пс. 6, 6.); *потому что Богъ ограничилъ время дѣятельной жизни здѣшнимъ пребываніемъ*, а *тамошней жизни предоставилъ изслѣдованіе сдѣланнаго*.

Что мы сотворимъ въ *день наведенія*, которымъ устрашаетъ одинъ изъ Пророковъ (Иса. 10, 3. Сир. 2, 2.), или въ день состязанія Божія съ нами (на горахъ ли и холмахъ оно будетъ, какъ мы слышали (Мих. 6, 2.), или въ другомъ какомъ-либо мѣстѣ, и какимъ-ни-есть образомъ); когда Богъ будетъ обличать насъ, Самъ противостанетъ намъ, по-

ставить предъ лицомъ нашимъ грѣхи наши, — сихъ тяжкихъ обвинителей, — когда полученныя нами благодѣянія противоположить нашимъ беззаконіямъ, будетъ одно наше помышленіе поражать другимъ помышленіемъ, и одно дѣло осуждать другимъ дѣломъ, когда взыщеть съ насъ за то, что достоинство образа Его поругали и омрачили мы грѣхомъ, и наконецъ предасть насъ казни, послѣ того какъ обличимъ и осудимъ сами себя, и нельзя уже будетъ сказать намъ, что страждемъ несправедливо? Для страждущихъ здѣсь это служить иногда утѣшеніемъ въ осужденіи: но тамъ кто будетъ заступникомъ? Какой вымышленный предлогъ, какое ложное извиненіе, какая хитро-придуманная вѣроятность, какая клевета на истину обманеть судилище, и превратить судъ правый, гдѣ у всякаго кладется на вѣсы все — и дѣло, и слово, и мысль, гдѣ взвѣшивается худое съ добрымъ, чтобы тому, что перевѣситъ, и имѣть верхъ, и съ тѣмъ, чего больше, соображаться приговору, послѣ котораго не лзя ни перенести дѣла въ другое судилище, ни найдти высшаго судіи, ни оправдаться новыми дѣлами, ни взять елея для угасшихъ свѣтильниковъ у мудрыхъ дѣвъ или у продающихъ, послѣ котораго не помогаетъ раскаяніе богатаго, страждущаго во пламени и заботящагося объ исправленіи родныхъ, и не дается срока къ перемѣнѣ жизни? Напротивъ того судъ сей будетъ единственный, окончательный и страшный, а еще болѣе праведный, нежели страшный, или лучше сказать, потому и страшный, что онъ праведенъ. Тогда поставятся простолы, Ветхій денми сядеть, раскроются книги, потечеть рѣка

огненная, предстануть предъ взоры свѣтъ и тьма уготованная: и изыдутъ сотворшии благая въ воскресеніе живота, который нынѣ сокровенъ во Христѣ, напоследокъ же съ Нимъ явится, а сотворшии злая въ воскресеніе суда (Іоан. 5, 29.), которымъ осудило уже неувѣровавшихъ судящее имъ слово (12, 48.). И первые наследуютъ неизреченный свѣтъ и созерцаніе святыхъ и царственныхъ Троицы, которая будетъ тогда озарять яснѣе и чище и всецѣло соединится со всецѣлымъ умомъ (въ чемъ единомъ и поставляю особенно царствіе небесное); а удѣломъ вторыхъ, кромѣ прочаго, будетъ мученіе, или вѣрнѣе сказать, прежде всего прочаго, — отверженіе отъ Бога и стыдъ въ совѣсти, которому не будетъ конца.

Все это будетъ послѣ. Что же теперь сотворимъ, братія, сокрушенные, униженные и упоенные не сикерою и не виномъ, которое разслабляетъ и омрачаетъ не надолго, но бѣдствіемъ, которое навелъ на насъ Господь сказавшій: *и ты сердце поколеблися и сотряснися* (Аввак. 2, 16.), и напоевающей духомъ скорби и сокрушенія презрителей, которымъ говорить: *видите презорливи, и смотрите, и чудитесь, и исчезните* (1, 5.)? Какъ стерпимъ Его обличеніе?—Или какой дадимъ отвѣтъ, когда сверхъ множества благодѣяній, за которыя мы не возблагодарили, съ укоризною укажетъ намъ и на сіи наказанія, исчислитъ врачевства, отъ которыхъ мы не исцѣлѣли, назоветъ насъ хотя чадами, но порочными, хотя сынами, но чуждыми и храмлющими по причинѣ непроходимости и стропотности путей своихъ, и скажетъ: «какъ и чѣмъ

надлежало вразумить васъ, и Я не вразумлялъ? Нужны ли были врачевства легчайшія? Онъ употреблены Мною. Миновалъ Я первую казнь Египетскую — кровь, которую Египтяне пили изъ источниковъ и рѣкъ и всякаго собранія водъ; миновалъ также и слѣдующія казни — жабъ и скиповъ и песіихъ мухъ, началъ же съ пятой казни — съ пораженія скотовъ, и воловъ, и овецъ, нанесъ ударъ безсловеснымъ, потому что щадилъ еще словесныхъ. Но на васъ не подѣйствовало сіе бѣдствіе; напротивъ того вы были предо Мною неразумнѣе и бессмысленнѣе пораженныхъ. *Удержавъ дождь отъ васъ. Часть едина надождися, и часть, на нюже не надождихъ, изше* (Амос. 4, 7.): но вы сказали: *укрѣпимся* (Іерем. 18, 12.). Я навелъ на васъ градъ, вразумляя противоположно казнию; пожалъ у васъ виноградники, роци и плоды, но и тѣмъ не сокрушилъ вашей злобы. *Вѣтъ, яко жестокъ еси, и жила желѣзна въя твоя* (Иса. 48, 4.); — такъ можетъ-быть скажетъ Онъ и мнѣ, котораго не исправляютъ сіи удары. — *Преступай преступаетъ, беззаконуй беззаконствуетъ* (Ис. 21, 3.); ничего не произвели и вразумленіе свыше и небесныя кары. *Осудъ мѣхъ отъ огня, истлъ олово, въ чемъ и прежде упрекалъ васъ чрезъ Іеремію, всеу ковачь сребро куеть, лукавства бо ваши не истаяша* (Іер. 6, 29.). Ужели стерпите гнѣвъ Мой? говоритъ Господь. Или рука Моя не сильна нанести новые удары? У Меня есть еще и гнойныя струны, *горящія отъ пепела пещнаго* (Исх. 9, 9.), который разсыпалъ къ небеси Моисей, или другой подобный ему служитель гнѣва Божія, и нака-

зуетъ Египетъ болѣзнію. У Меня есть и саранча, и тма осызаемая, и казнь послѣдняя въ порядкѣ, но первая по тяжести и силѣ, — поражение и гибель первородныхъ.»

Во избѣжаніе оной и въ отвращеніе всегубителя, лучше помазать намъ праги ума, то-есть созерцаніе и дѣятельность, сею великою и спасительною печатію — кровію Новаго Завѣта, вмѣстѣ со Христомъ распявшись и съ Нимъ умерши, чтобы съ Нимъ и совозстать и прославиться нынѣ и въ послѣднее Его явленіе, а не изнемогать, не сокрушаться, и не плакать, когда безвременно и еще въ этомъ темномъ житіи поразить насъ лукавый губитель первородныхъ и посвященныхъ Богу порожденій и движеній жизни нашей. О если бы мнѣ отъ Благаго, Который идетъ ко мнѣ *съ ярости* *страною* (Лев. 26, 24.), потому что и я ходилъ предъ Нимъ *страною*, кромѣ другихъ ударовъ, не получить и сего упрека: *побихъ вы златеницею, раждеженіемъ, желтленицею*, и все сіе ни во что; *отвнѣ обезчуди вы мечь*, и ниже тако обратитесь ко Мнѣ, глаголетъ Господь (Пл. Іер. 1, 20. Амос. 4, 9. 10.)! О, если бы мнѣ не стать тѣмъ виноградникомъ Возлюбленнаго (Ис. 5, 1.), который былъ насажденъ и окопанъ, обнесенъ оградою, защищенъ башнею и всѣмъ, чѣмъ только можно, но запустѣлъ, и *сотвори терніе*, а за сіе оставленъ, такъ что и башня разрушена въ немъ, и огражденіе отнято, и онъ не обрѣзывается и не вскапывается, а предается всѣмъ на разграбленіе, всякое поруганіе и пограніе! Сего я боюсь, о семъ у меня слово, о семъ я болѣзную при настоящемъ пораже-

ніи, и такую возношу молитву (которую и присо-
вокуплю къ сказанному): *согрѣшихомъ, беззакон-*
новахомъ, нечествовахомъ (Дан. 5, 9.); потому
что забыли заповѣди Твои, и ходили въ слѣдъ лу-
каваго сердца своего; потому что жили недостой-
но званія и благовѣствованія Христа Твоего, и свя-
тыхъ Его за насъ страданій и истощанія; потому
что сдѣлались поношеніемъ для Возлюбленнаго Тво-
его. И священникъ и народъ погрѣшили въ од-
номъ: *вси уклонишася, купль непотребни быша.*
Нѣсть творяй судъ и правду, — нѣсть до одина-
го (Пс. 52, 4.). Щедроты Твои и челоуѣколюбіе
Твое и милостивую утробу Бога нашего заключили
мы для себя своими пороками, лукавствомъ начи-
наній своихъ. Ты благъ, а мы поступали беззакон-
но; Ты долготерпѣливъ, а мы достойны наказанія.
Признаемъ благодѣтельность Твою, при всемъ своемъ нера-
зуміи. Еще за не многіе грѣхи свои понесли мы
наказаніе. Ты *страшенъ еси, и кто противоста-*
нетъ Тебѣ (Пс. 75, 8.)? Отъ Тебя вострепещутъ
горы, и величію мышцы Твоей кто воспротивится?
Если заключишь небо, кто отверзетъ? и если рас-
творишь водохранилища Твоя, кто удержитъ? Удоб-
но есть предъ очами Твоими *убожить и богатить,*
жить и мертвить (1 Цар. 2, 6. 7.), поражать
и исцѣлять; Твое изволеніе есть уже совершенное
дѣйствіе. Ты *разгнѣвался еси, и мы согрѣшихомъ*
(Ис. 64, 5.), исповѣдуется нѣкто изъ древнихъ; а
мнѣ теперь должно сказать наоборотъ; мы согрѣ-
шили, и Ты разгнѣвался. Отъ-сего *быхомъ поноше-*
ніе сосѣдомъ нашимъ (Пс. 78, 4.). Ты отвратилъ
отъ насъ лице Свое, и мы исполнились безчестія.

Но престани Господи (Амос. 7, 5.), ослаби Господи (Пс. 38, 14.), очисти Господи (Дан. 9, 19.), не предай насъ до конца за беззаконія наши, и не насъ поражая, вразумляй другихъ, когда сами можемъ уцѣломудриться, видя наказанными другихъ! Кого же увидимъ наказанными? Язычниковъ, незнающихъ Тебя, — и царства, непокорившіяся державѣ Твоей. А мы народъ Твой, Господи, и жезлъ наслѣдія Твоего; посему *накажи насъ, обаче въ благодсти, а не въ ярости Твоей, да не умаленыхъ насъ сотвориши* (Іер. 10, 24.), и да не уничижишь предъ всѣми живущими на землѣ.

Такими словами привлекаю милость. А если бы всесоженіями и жертвами можно было утолить гнѣвъ, то не пожалѣлъ бы и сего. Но вы и сами подражайте уstraшенному священнику. Ей, чада возлюбленныя, ей, участвующіе со мною и въ наказаніи и въ челоуѣколюбіи Божіемъ! Спасите души свои слезами, остановите гнѣвъ, исправивъ начинанія свои, *освятите постъ, проповѣдите цѣльбу, какъ повелѣваетъ вамъ съ нами блаженный Іоилъ, соберите старпйшины, младенцы ссуция сосцы — сей жалкій возрастъ, особенно достойный Божія челоуѣколюбія* (Іоил. 2, 15. 16.). Знаю, что тоже заповѣдано и мнѣ, служителю Господню, и вамъ удостоеннымъ сей же чести: *внити во вретнщахъ, битися день и ночь между степенями жертвенника* (Іоил. 1, 13. 2, 17.), и въ жалкомъ видѣ еще болѣе жалостнымъ голосомъ неотступно вопіять о себѣ и о народѣ, не щадя ни труда, ни слова, ни всего, чѣмъ только умилостивляется Богъ, *зывать: пощади, Господи, люди Твоя, и не даждь достоя-*

нія Твоего на укоризну (Іоил. 2, 17.) и такъ да-
лѣ; тѣмъ большей предаться скорби, чѣмъ выше
наше достоинство, чтобы своимъ примѣромъ на-
учить народъ сокрушенію, и исправленію порочной
жизни, за которыми слѣдуетъ Божіе долготерпѣніе
и прекращеніе наказанія. Итакъ *приидите* всѣ, бра-
тія, *поклонимся и припадемъ, и восплачемъ предъ*
Господемъ, сотворшимъ насъ (Пс. 94, 6.); соста-
вимъ общій плачъ, раздѣлившись по возрастамъ и
подамъ. Возвысимъ гласъ моленія во уши Господа
Саваоа, вмѣсто ненавистнаго Ему вопля (Быт. 19,
13.). Предваримъ гнѣвъ Его исповѣданіемъ; и какъ
видѣли Его разгнѣваннаго, такъ пожелаемъ видѣть
умилостивленнымъ.

Но скажешь: кто знаетъ, что Онъ *обратится* и
раскается (1 Цар. 15, 29.) и оставитъ благосло-
веніе? Достоверно знаю сіе я—споручникъ Божія
человѣколюбія, — знаю, что, оставивъ гнѣвъ, ко-
торый Ему противоестественъ, дастъ Онъ мѣсто
милости, которая Ему естественна. Къ гнѣву при-
нуждаемъ Его мы, а къ милости Самъ Онъ стре-
мится. И если біеть принужденно, то ужели не
помилуетъ, слѣдуя своему естеству? Помилуемъ
только сами себя, открывъ путь праведному благо-
утробію Отца. Посѣемъ слезами, да радостію по-
жнемъ (Пс. 125, 5.). Будемъ Ниневитянами, а не
Содомлянами. Уврачуемъ грѣхъ, чтобы со грѣхомъ
не погибнуть. Послушаемъ Іониной проповѣди,
чтобы не потопилъ насъ огонь и жупель. И если
вышли мы изъ Содома, то пойдѣмъ на гору, убъ-
жимъ въ Сигоръ, взойдемъ туда съ восходящимъ
солнцемъ; не будемъ останавливаться во всемъ пре-

дѣль, не будемъ *озираться* (Быт. 19, 17.), чтобы не отвердѣть въ сланой столпъ, — столпъ подлинно безсмертный, обличающій душу, обращающуюся къ злу.

Знаемъ, что вовсе не грѣшить — дѣйствительно выше челоѡѡка, и принадлежитъ одному Богу (не стану говорить объ Ангелахъ, чтобы не дать повода страстямъ и не отверсть двери злонамѣреннымъ противорѣчїямъ); но какъ неисцѣльность свойственна злой и враждебной природѣ, а равно тѣмъ, которые дѣйствуютъ подъ ея влїанїемъ; такъ, согрѣшивъ, обратиться свойственно людямъ, впрочемъ благопокорнымъ и принадлежащимъ къ части спасаемыхъ. Хотя персть сїя и влечетъ съ собою нѣкоторое зло, и земное жилище обременяетъ умъ (Прем. 9, 15.), стремящїйся горѣ, или сотворенный стремиться горѣ; однако же образъ (Божїй) да очищаетъ тину, и да возводитъ на высоту сопряженную съ нимъ плоть, подѣмля ея на крылахъ ума. Хотя лучше бы намъ не имѣть и нужды въ такомъ очищенїи и не очищаться, сохраняя первобытное свое достоинство (къ которому и поспѣшаемъ изъ училища здѣшней жизни), лучше бы не лишать себя древа жизни горькимъ вкушенїемъ грѣха: однако же и обратиться, согрѣшивъ, лучше нежели падшему оставаться безъ наказанїя. Ибо егोजе любитъ Господь, наказуетъ (Евр. 12, 6.), и подвергать наказанїю есть отеческое дѣло; напротивъ того, всякая душа, оставляемая безъ вразумленїя, дѣлается неисцѣльною. Посему не то тяжело, чтобы терпѣть удары, но гораздо тяжелѣе не уцѣломудрваться подъ ударомъ. Одинъ изъ Пророковъ, разсуждая объ ожесточенномъ и необрѣзанномъ въ

сердцѣ Израилѣ, говоритъ: *Господи! билъ еси ихъ, и не побольша, наказывалъ, и не восхотѣша пріяти наказанія* (Іер. 5, 3.); и еще: *людіе не обратишася, дондеже язвени быша* (Ис. 9, 13.); и еще: *вскую отворишася людіе Мои отвращеніемъ лукавымъ* (8, 5.), которое наконецъ сокрушить ихъ и погубить. Итакъ страшно есть, братія, еже впасти въ руцѣ Бога живаго (Евр. 10, 31.)! Страшно лице Господне на творящія злая, которое рѣшительно истребляетъ зло (Пс. 33, 17.). Страшенъ слухъ Божій, который ощущаетъ гласъ Авелевъ, даже въ безмолвной крови (Быт. 4, 10.). Страшны ноги, настигающія беззаконіе. Страшно исполненіе вселенной; такъ что нигдѣ не лѣзя избѣжать гнѣва Божія, ни воспаривъ на небо, ни удалившись во адъ, ни переселившись на востокъ, ни сокрывшись въ глубинахъ или предѣлахъ моря (Пс. 138, 7—10. Іер. 23, 24.). Еще прежде меня Наумъ, сынъ Елкесеевъ, изрекая пророчество о Ниневіи, страшится Бога ревнива и Господа мстяща съ яростію сопостатомъ (Наум. 1, 2.), до того простирающаго свою строгость, что не остается и мѣста вторичному отмщенію нечестивымъ (Наум. 1, 9.). А когда слышу, какъ Исаія угрожаетъ и говоритъ людямъ Содомскимъ и князьямъ Гоморрскимъ: *что еще узвляетея, прилагаете беззаконіе* (Ис. 1, 5.); тогда весь исполняюсь ужаса, заливаюсь слезами. Онъ говоритъ: не возможно уже найдти новыхъ наказаній за умножающіеся вновь грѣхи; такъ преступили вы всякую мѣру, истощили всѣ роды наказаній, непрестанно своими пороками призывая на себя новую и новую казнь.

Нѣтъ уже ни струпа, ни язвы, ни раны паллящейся, все тѣло стало язвою, и язвою неисцѣльною; ибо нѣсть пластыря приложить, ниже елеа, ниже обязанія (ст. 6.). Умалчиваю о продолженіи угрозы, чтобы не быть для васъ тягостнѣе настоящаго наказанія. По крайней мѣрѣ узнаемъ причину бѣдствія. Отъ чего посохли воздѣланныя поля, истощились житницы, оскудѣли пастбища, умалились земные плоды, равнины наполнились не тукомъ, но сѣтованіемъ, долины не хлѣбомъ наполнены, но огласились воплемъ, не сладость искапали горы, какъ въ послѣдствіи праведнымъ (Юил. 3, 18.), но обезображены, обезчещены, и несутъ на себѣ (въ противномъ только смыслѣ) (в) проклятіе горъ Гелвуйскихъ? Вся земля стала, какъ въ началѣ, пока не облечена была своими украшеніями. *Посѣтилъ еси землю и упоилъ еси ю* (Пс. 64. 10.), но посѣщеніемъ бѣдственнымъ и упоеніемъ пагубнымъ. Печальное зрѣлище! все плодородіе у насъ въ соломѣ, посѣвъ замѣтенъ по малымъ остаткамъ, и жатва наша, узнаваемая болѣе по времени мѣсяцевъ, нежели по числу сноповъ, едва плодоприноситъ начатки Господу. Таково богатство нечестивыхъ; такова жатва сѣющихъ худо, во исполненіе древняго проклятія: *призирать на многа и*

(в) Проклятіе горъ Гелвуйскихъ (2 Цар. 1, 21.) состояло въ томъ, чтобы не сходили на нихъ ни роса, ни дождь. Но здѣсь Св. Богослозь говоритъ, что горы несутъ проклятіе въ противномъ смыслѣ, то-есть проклинаются за то самое, что не сходятъ на нихъ ни дождь, ни роса.

и вносить мала (Агг. 1, 9.), посылать и не по-
 жать (Мих. 6, 15.), посадить и не выжать соки,
 идъже возорють десять супругъ воловъ, сотвори-
 ти корчагъ единъ (Ис. 6, 10.), слышать о плодородіи
 у другихъ, а самимъ быть подъ гнетомъ бѣдности!
 Отъ чего же все это, и какая причина бѣдствія?
 Не станемъ ожидать обличенія отъ другихъ, но
 испытаемъ сами себя. Великое врачевство противъ
зла — исповѣданіе грѣха и удаленіе отъ него. Какъ
 прежде возвѣстилъ я первый народу моему, и ис-
 полнилъ должность стража (ибо чтобы пріобрѣсть
 свою душу и души слушающихъ, не скрывалъ о
 грядущемъ мечѣ); такъ возвѣщу и теперь о непо-
 корности народа моего, признавая грѣхи его сво-
 ими, и чрезъ сіе, можетъ-быть, получу нѣкоторую
 милость и отраду. Одинъ изъ насъ притѣснилъ
 бѣднаго, отнялъ часть земли, съ злымъ умысломъ,
 или непримѣтно, или насильственно, переступилъ
 за межу, притяжалъ домъ къ дому и поле къ по-
 лю, только бы отнять что-нибудь у ближняго, упо-
 требилъ всѣ усилія никого не имѣть сосѣдомъ, какъ
 будто намѣреваясь одинъ жить на землѣ. Другой
 осквернилъ землю лихоимствомъ и корыстолюбіемъ,
 собирая, гдѣ не сѣялъ, и пожиная, гдѣ не расточалъ,
 воздѣлывая не землю, но нужды бѣдныхъ. Иной
 отъ гумна и точила не воздалъ начатковъ Богу,
 все даровавшему, и оказался вмѣстѣ неблагодар-
 нымъ и безразсуднымъ; потому что и за получен-
 ное не возблагодарилъ, и не постарался исходатай-
 ствовать себѣ благопризнательностію, если не дру-
 гое что-нибудь, по крайней мѣрѣ будущее изоби-
 ліе. Другой не оказалъ милости вдовѣ и сиротѣ,

Ч. II. 5

не далъ хлѣба и малаго пропитанія просящему, или лучше сказать, самому Христу, питаемому въ лицѣ скудно питаемыхъ, тогда какъ самъ имѣеть можетъ-быть много и сверхъ всякаго ожиданія, тогда какъ (что уже верхъ несправедливости!) и многія житницы дѣлаются для него тѣсными, тогда какъ однѣ онъ наполняетъ, а другія разоряетъ, чтобы построить обширнѣйшія для будущихъ плодовъ, не зная, что до исполненія надеждъ своихъ похищенъ будетъ смертію, и какъ худой домо-строитель чужихъ благъ, дастъ отчетъ въ томъ, чѣмъ здѣсь изобиловалъ и величался. Иной путь смиренныхъ совращалъ (Ам. 2, 7.) и совратилъ въ неправдахъ праведнаго (Ис. 29, 21.). Иной возненавидѣлъ у вратъ наказующаго и словомъ праведнымъ возгнушался (Амос. 5, 16.). Иной приносилъ жертвы мрежи своей (Аввак. 1, 16.), собирающей много, и имѣя разграбленіе убогаго въ домъхъ (Иса. 3, 14.), не вспомнилъ о Богѣ, или вспомнилъ худо, говоря: *благословенъ Господь! обогатихомся* (Зах. 14, 5.), и замыслилъ беззаконіе, какъ-бы отъ Него имѣя то, за что будетъ наказанъ. *Сихъ бо ради грядетъ гнѣвъ Божій на сыны непокоривыя* (Ефес. 5, 6.). За сіе заключается небо, или отвергается, но къ нашему же бѣдствію, и еще къ большему, когда и поражаемые не обращаемся, и къ близъ-сущему естествомъ не приближаемся (Іер. 23, 23.).

Что скажемъ на сіе мы, которые покупаемъ и продаемъ хлѣбъ, и выжидаемъ тяжелыхъ временъ, чтобы обогатиться, насладиться чужими бѣдствіями, и незаконно присвоить себѣ не собственность Егип-

тянь (какъ сдѣлалъ Іосифъ для высшаго домостроительства, ибо онъ умѣлъ хорошо собирать и раздавать хлѣбъ), но собственность единоплеменниковъ? Чтѣ скажемъ мы глаголющїи: *когда придетъ мльсьцъ, и продамы, и субботы, и отверземъ сокровища* (Амос. 8, 5.), мы двойкими мѣрами и вѣсами нарушающїе справедливость (Втор. 25, 14. Амос. 8, 5), мы наклоняющїе къ себѣ свинцовую мѣру беззаконїя (Зах. 5, 8.)? Чтѣ скажемъ на сіе мы, которые не знаемъ предѣла въ стяжанїи, поклоняемся золоту и серебру, какъ древнїе Ваалу, Астартѣ и мерзкому Хамосу, ставимъ въ великое драгоцѣнныя и блестящїе каменья, мягкія и пышныя одежды—эту пищу моли и добычу разбойниковъ, мучителей и татей, гордимся множествомъ рабовъ и скотовъ, расширяемся по равнинамъ и горамъ, однимъ уже владѣемъ, другое прїобщаемъ, а иное намѣреваемся прїобщить къ своему владѣнїю, уподобляясь упоминаемой Соломономъ пїявицѣ (Прит. 30, 15.), которая ничѣмъ не можетъ насытиться, какъ адъ и земля, огонь и вода, — желаемъ другой вселенной для удовлетворенїя своей любостяжательности, и не довольствуемся предѣлами, какїе положены Богомъ, потому что они тѣсны для нашихъ пожеланїй и алчности? Чтѣ скажутъ возведенные на высокія степени чести, высоко взгромоздившіе свой начальнической стуль, а брови подъемлющїе еще выше мѣста своего лицедѣйствїя, между тѣмъ не помышляющїе о Богѣ, Который выше всего, и о недоступной высотѣ истиннаго царства, не разсуждающїе, что и сами они, имѣя нужду въ таковой же милости, должны начальствовать надъ подчиненными,

какъ надъ сослужителями? Посмотри на сихъ, которые, какъ превосходно осмѣваетъ ихъ божественный Амосъ, — *ласкосердствуютъ на одръхъ стъ костей слононыхъ, и первыми волями мажутся, плещутъ ко гласу пищалей, прилѣплены къ скоропреходящему, какъ къ постоянному, а не соболѣзнуютъ и не состраждутъ въ сокрушеніи Иосифовъ* (Амос. 6, 4. 5. 6.). Надлежало оказать милость тѣмъ, которые прежде впади въ несчастіе, надлежало милостію приобрѣсть себѣ милость, надлежало *плачевольствити nimvcy, зане паде кедръ* (Зах. 11, 2.), надлежало вразумляться поражениемъ ближнихъ, чужими бѣдствіями врачевать свое зло, и воспользоваться тѣмъ преимуществомъ предъ предшественниками, чтобы самимъ чрезъ другихъ получить спасеніе, а не другихъ уцѣломудривать своимъ примѣромъ.

О семъ полюбомудрствуй съ нами, божественная и священная глава, приобрѣтшая долговременностію многую опытностъ, отъ которой происходитъ мудрость, — въ этомъ наставь народъ твой, научи раздѣлять алчущимъ хлѣбъ, и нищихъ безкровныхъ собирать въ домъ, прикрывать наготу и не презирать единокровныхъ, особенно теперь, чтобы наше благотвореніе было отъ скудости, а не отъ избытка, каковое плодоношеніе пріятнѣе Богу, нежели множество приносимаго и великость подаенія. А сверхъ сего и паче всего будь нынѣ Моисеемъ и Финеесомъ. Стань за насъ и умилостиви, *да предстацетъ стчь* (Пс. 105, 30.), или духовною жертвою, или молитвою и умнымъ ходатайствомъ, удержи гнѣвъ Господень; своимъ посредничествомъ

останови послѣдующіе удары. Господь не презираетъ сѣдинъ отца, молящагося о чадахъ. Помолись о прошедшихъ согрѣшеніяхъ; поручись за будущее. Представь Богу народъ очищенный ударами и страхомъ; испроси ему тѣлесную пищу, а паче испроси ангельскую, сходящую съ неба. Если сдѣлаешь сіе, то примиришь съ нами Бога, смягчишь небо, низведешь дождь ранній и поздній. *Господь дастъ благость, и земля наша плодъ свой* (Пс. 84, 13.), — сія попираемая нами — временный, а персть наша — вѣчный, который и вложимъ въ божественныя точила чрезъ тебя, приносящаго насъ и дары наши, во Христѣ Иисусѣ, Господѣ нашемъ, Которому слава во вѣки. Аминь.

С Л О В О 16,

НА ПАМЯТЬ СВАТЫХЪ МУЧЕНИКОВЪ МАККАВЕЕВЪ.

Что скажемъ о Маккавеяхъ.— Настоящее собраніе для нихъ. И хотя не многіе ихъ чествуютъ, потому что подвизались не послѣ Христа; однако же они достойны, чтобы всѣ ихъ чествовали, потому что терпѣли за отеческіе законы. Содѣлавшись мучениками прежде Христовыхъ страданій, чего не совершили бы они, подвергшись гоненію послѣ Христа, и ставъ подражателями Его за насъ смерти? И безъ такого образца показавъ столько доблести, не оказались ли бы они еще болѣе мужественными, если бы страдали, взирая на примѣръ Христовъ? Но есть также таинственное и сокровенное ученіе (весьма вѣроятное для меня и для всякой боголюбивой души), по которому изъ достигавшихъ совершенства прежде пришествія Христова никто не достигалъ сего безъ вѣры во Христа. Ибо Слово, хотя ясно открылось уже въ-послѣдствіи, въ опредѣленное время, однако же умамъ чистымъ было вѣдомо и прежде, какъ показываютъ многіе прославленные и до Христа. Почему и Маккавеевъ не лзя унижать за то, что страдали прежде

Креста. Но поелику пострадали по закону крестному; то и достойны похвалъ, и должны быть почтены словомъ, — почтены не для того, чтобы получила приращеніе собственная ихъ слава (слово прибавить ли славы тѣмъ, чьи дѣла славны?), но чтобы прославились восхваляющіе, и поревновали доблестямъ ихъ слышашіе, въ воспоминаніи о нихъ находя для себя побужденіе къ равнымъ подвигамъ.

Кто и откуда были Маккавеи, чьимъ руководствомъ и наставленіемъ пользуясь въ началѣ, достигли такой доблести и славы, что почтены сими ежегодными торжествами и собраніями, и что для нихъ въ душѣ каждаго соблюдается слава, которая выше видимаго прославленія — все сіе для людей любопытныхъ и трудолюбивыхъ покажетъ сочиненная о Маккавеехъ книга (а), которая, любомудрствуя о томъ, что разумъ есть самовластитель надъ страстями и господинъ наклонностей къ тому и другому, то-есть къ добродѣтели и къ пороку, въ доказательство на сіе, между немалочисленными другими свидѣтельствами, приводитъ и подвиги Маккавеевъ. А для меня достаточно будетъ сказать слѣдующее.

Здѣсь Елеазаръ — начатокъ пострадавшихъ до Христа (какъ Стефанъ — первенецъ страдавшихъ послѣ Христа), іерей и старецъ, сѣдый власами, сѣдый и мудростію, приносявшій прежде жертвы и мо-

(а) Сочиненіе Іосифа Флавія подъ заглавіемъ: *Εἰς Μακκαβαίους ἢ περὶ αὐτοκράτορος; λογιμῶν* (Въ честь Маккавеевъ или о самовластитель разумѣ).

литвы за народъ, а теперъ приносящій самого себя Богу въ жертву совершеннѣйшую, въ очищеніе всего народа. — Благознаменательное предначатіе подвига! вмѣстѣ и велегласное и безмолвное назиданіе! Но онъ приводитъ и семерыхъ юношей — плодъ собственныхъ его наставленій, *жертву живу, святу, благоугодну Богови* (Рим. 12, 1.), жертву, которая славнѣе и чище всякаго подзаконнаго священнодѣйствія. Ибо доблести сыновъ вмѣнять отцу — всего законнѣе и справедливѣе.

Тамъ сыны, мужественные и великіе духомъ, благородныя отрасли благородной матери, ревностные подвижники за истину, достойные временъ не Антіоховыхъ, истинные ученики Моисеева закона, точные блюстители отечественныхъ нравовъ, составляющіе одно изъ чиселъ, уважаемыхъ Евреями, — число отличное таинствомъ седмидневнаго покоя, однимъ дышать, одно имѣють въ виду, одинъ знаютъ путь жизни — умереть за Бога! Они столько же братья по душѣ, какъ и по плоти, ревнують другъ другу въ желаніи смерти, (дивное зрѣлище!) какъ сокровища предвосхищаютъ одинъ у другаго мученія, твердо стоятъ за *пѣстуна*, то-есть за законъ, не столько боятся уготованныхъ имъ мукъ, сколько желаютъ тѣхъ, которыхъ еще не видятъ; одного только страшатся, чтобы мучитель не прекратилъ истязаній, чтобы которому-либо изъ нихъ не остаться неузнаннымъ, не разлучиться по неволѣ съ братьями, и не стать худымъ побѣдителемъ, избжавъ, къ несчастію, страданій.

Тамъ мать бодрая и мужественная, вмѣстѣ чадолюбивая и боголюбивая, терпитъ въ матернемъ

сердцѣ терзанія, невѣроятныя по природѣ. Она не о страждущихъ сынахъ жалѣетъ, но мучится опасеніемъ, что сыновья не будутъ страдать; не столько скорбитъ объ отшедшихъ, сколько желаетъ, чтобы присоединились къ нимъ оставшіеся; у нея болѣе заботы о послѣднихъ, нежели о преставившихся: потому что однимъ предстоитъ еще сомнительная борьба, а другихъ кончина сдѣлала безопасными; однихъ она вручила уже Богу, о другихъ еще беспокоится, какъ приметъ ихъ Богъ. — Какая мужественная душа въ женскомъ тѣлѣ! Какое чудное и великодушное усердіе! Подлинно Аврамова жертва, и если не дерзко будетъ сказать, даже болѣе Авраамовой! Авраамъ охотно приноситъ единого сына, правда, единороднаго, рожденнаго по обѣтованію, — сына, для котораго дано было обѣтованіе, и (что важнѣе) который назначенъ быть начаткомъ и корнемъ не только рода, но и подобныхъ жертвъ: она же осватила Богу цѣлый народъ сыновъ; она и матерей и жрецовъ превзошла числомъ жертвъ готовыхъ на закланіе, всесоженій умныхъ, священноприношеній, поспѣвающихъ къ алтарю. Она указывала на грудь, напоминала о питаніи, свидѣтельствовалась сѣдиною, употребляла старость въ ходатайство за свои прошенія — не для того, чтобы спасти дѣтей отъ смерти, но чтобы побудить ихъ къ страданіямъ; потому что почитала для нихъ опасностію не смерть, но замедленіе смерти. Ничто се не колебало, ничто не приводило въ расслабленіе, не лишало твердости: ни приготовленные деревянные дыбы, ни постановленные колеса, ни блоки, ни подмости, ни острота желѣзныхъ когтей, ни изоц-

ренные мечи, ни кипящіе котлы, ни разведенный огонь, ни грозный мучитель, ни стеченіе народа, ни окружающая воинская стража, ни предстоящіе соплеменники, ни расторженіе членовъ, ни терзаніе плоти, ни потоки текущей крови, ни погубляемая юность, ни настоящіе ужасы, ни ожидаемая страда- нія. И что для другихъ бываетъ всего тяжелѣе въ подобныхъ случаяхъ, то-есть продолжительность бѣдствія, то для нея было всего легче. Она услаж- далась зрѣлищемъ, какъ ни длились страданія не только отъ разнообразія употребляемыхъ истязаній (которыя всѣ дѣйствовали на нее менѣе, нежели на другаго подѣйствовало бы одно какое-нибудь ис- тязаніе), но и отъ того, что гонитель испыталъ всѣ роды рѣчи, то ругалъ, то грозилъ, то ласкалъ. Ибо къ какимъ средствамъ не прибѣгалъ онъ, чтобы достигнуть желаемого?

Но отвѣты юношей мучителю, по моему мнѣнію, столько показываютъ мудрости и мужества, что какъ доблести другихъ, взятыя вмѣстѣ, малы въ сравненіи съ ихъ терпѣніемъ, такъ и самое терпѣ- ніе мало въ сравненіи съ благоразумными ихъ рѣ- чами. И имъ только однимъ свойственно было такъ страдать и съ такимъ любомудріемъ отвѣчать на угрозы мучителя, на все, чѣмъ ихъ устрашали, и что нимало не преодолѣло ни мужественныхъ сыновъ, ни еще болѣе мужественной матери. Она, ставъ выше всѣхъ и съ материнскою любовію со- единивъ силу духа, приносить себя въ прекрасный погребальный даръ дѣтямъ и сама послѣдуетъ за отшедшими прежде нея. И притомъ какъ? — Добро- вольно идетъ на страданія, не допустивъ даже, что-

бы нечистое тѣло прикоснулось къ ея чистой и мужественной плоти. И какія произноситъ она надгробныя слова! — Прекрасны, даже прекраснѣйшіе въ прекрасныхъ были отвѣты сыновъ мучителю. Ибо не прекрасны ли тѣ рѣчи, вооружась которыми, низлагали они мучителя? Но еще прекраснѣе рѣчи матери, сперва увѣщательныя, а потомъ надгробныя.

Итакъ что же произнесено было сынами? Теперь весьма благовременно возобновить сіе въ вашей памяти, чтобы имѣть вамъ изъ сихъ временъ образецъ, какъ подвижничества, такъ и мученическихъ рѣчей. Каждый изъ братьевъ говорилъ что-нибудь свое, какъ ополчали его словомъ слова гонителя, очередь страданія и душевная ревность. Но если всѣ рѣчи ихъ привести въ одну; то говорили они такъ: « Антіохъ, и вы всѣ предстоящіе здѣсь! У насъ одинъ царь — Богъ, отъ Котораго получили мы бытіе, и къ Которому возвратимся; одинъ законодатель Моисей, которому (клянемся въ томъ бѣдствіями, какія претерпѣлъ онъ за добродѣтель, и многими его чудесами) мы не измѣнимъ и не нанесемъ безславія, хотя бы угрожалъ другой Антіохъ, который и тебя свирѣпѣе. Для насъ одно безопасное прибѣжище — соблюдать заповѣди и не нарушать закона, которымъ ограждаемся какъ стѣною. У насъ одна слава — для славы нашего закона презирать всякую славу; одно богатство — тѣ блага, которыхъ надѣемся. А страшнаго для насъ нѣтъ, кромѣ одного — убояться чего-либо паче Бога. Съ такими мыслями и съ такимъ оружіемъ выступаемъ мы на брань; съ такими юношами имѣешь ты дѣло.

Хотя вождѣлѣнны для насъ и мѣръ сей, и отечественная земля, и друзья, и сродники, и сверстники, и сей великій и славный храмъ, и отеческіе праздники, и таинства, и все, въ чемъ поставляемъ свое преимущество предъ другими народами, однако же не вождѣлѣннѣе Бога и страданій за доброе дѣло. Нѣтъ, и не думай сего! Ибо для насъ есть другой мѣръ, который выше и постояннѣе видимаго. Наше отечество—горній Іерусалимъ, котораго никакой Антиохъ не отважится держать въ осаду и не понадеется взять,—такъ онъ крѣпокъ и неодолимъ! Наше родство—Божіе вдохновеніе и всѣ доблестно рожденные. Наши друзья—Пророки и Патріархи, служащіе для насъ образцемъ благочестія. Наши сверстники—всѣ нынѣ бѣдствующіе и современные намъ въ терпѣніи. А храмомъ у насъ великолѣпное небо; и празднество наше—ликостоянія Ангеловъ. У насъ одно великое, даже величайшее, и для многихъ сокровенное таинство—Богъ, Который есть цѣль и здѣшнихъ таинствъ. Итакъ не обольщай больше насъ обѣщаніями вещей мало-важныхъ и ничего нестоящихъ. Не придастъ намъ чести безчестное; не обогатитъ насъ вредное; мы не рѣшимся на такую жалкую куплю. Прекрати свои угрозы; иначе мы сами станемъ грозить тебѣ, чтобы обличить твое безсиліе, и показать, какія у насъ готовы тебѣ казни. Ибо есть у насъ и огонь, которымъ мучимъ гонителей. Не думаешь ли, что борешься съ народами, городами и самыми изнѣженными царями, изъ которыхъ одни одержать верхъ, а другіе, можетъ-быть, останутся и побѣжденными, потому что для нихъ не такого рода

опасность? Ты возражаешь противъ Божія закона, противъ богоначертанныхъ скрижалей, противъ нашихъ отеческихъ постановленій, получившихъ важность и по своему высокому значенію и по давности, возражаешь противъ семи братьевъ, которые живутъ какъ-бы одною душою, и опозорятъ тебя семью побѣдными памятниками. Не важное дѣло побѣдить ихъ, но великій стыдъ потерпѣть отъ нихъ поражение! Мы потомки и ученики тѣхъ, которыхъ путевождь столпъ огненный и облачный, для которыхъ разступилось море, стала рѣка, остановилось солнце, дождимъ былъ хлѣбъ, воздѣяніе рукъ обращало въ бѣгство тысячи враговъ, низлагая ихъ молитвою, предъ которыми укрощались звѣри, къ которымъ не прикасался огонь, которыхъ мужеству дивились и уступали цари. Скажемъ нѣчто и тебѣ самому извѣстное: мы ученики Елеазара, мужество котораго тобою извѣдано. Сперва совершилъ свой подвигъ отецъ, теперь вступаютъ въ борьбу дѣти, жрецъ уже отшелъ, въ слѣдъ за нимъ пойдутъ и жертвы. Ты устрашаешь многими, но мы готовы еще на большее. Да и что сдѣлаешь намъ своими угрозами, горделивецъ? Какое причинишь намъ зло? Никто не превзойдетъ крѣпостію готоваго на всѣ страданія. Что-жъ медлитъ народъ? Почему не приступаютъ къ дѣлу? Для чего ожидать милостиваго повелѣнія? Гдѣ мечи? Гдѣ оковы? Пусть разводять больше огня, выпускаютъ самыхъ сильныхъ звѣрей, готовятъ самыя отличныя орудія мученій, чтобы все было по-царски и стоило дорого! — Я первородный; меня принеси прежде въ жертву. — Я послѣдній изъ братьевъ; лучше измѣнить

порядокъ. — Нѣтъ, пусть кто-нибудь изъ среднихъ сдѣлается первою жертвою, чтобы всѣ мы были почтены равно. Но ты щадишь и ждешь, что перемѣнимъ мысли. Еще, и не разъ, повторяемъ тебѣ тоже слово: мы не вкусимъ нечистаго, не изъявимъ своего согласія; скорѣе ты уважишь наши постановленія, нежели мы покоримся твоимъ; короче сказать, или изобрѣти новыя казни, или убѣдись, что мы презираемъ тѣ, которыя ты намъ приготовилъ.»

Такъ говорили братья мучителю; а какъ убѣждали они другъ друга! и какое представляли изъ себя зрѣлище — подлинно прекрасное и священное! Для душъ боголюбивыхъ оно пріятнѣе всего, что только можно видѣть и слышать. Я самъ, при одномъ воспоминаніи, исполняюсь удовольствіемъ, созерцаю предъ собою мысленно подвижниковъ, и услаждаюсь повѣствованіемъ о нихъ. Они обнимали и лобызали другъ друга; для нихъ наступилъ праздникъ, какъ-бы по совершеніи уже подвиговъ. «Пойдемъ, братія, — взывали они, — пойдемъ, поспѣшимъ на мученія, пока мучитель пылаетъ еще на насъ гнѣвомъ, чтобы намъ не утратить спасенія, если онъ смягчится. Пиръ готовъ; не лишимъ себя онаго. Прекрасно видѣть братьевъ, которые живутъ *вкупль* (Пс. 132, 1.), вмѣстѣ веселятся, и служатъ другъ другу щитомъ; но еще прекраснѣе, если они вмѣстѣ бѣдствуютъ за добродѣтель. Если бы за отеческія постановленія можно было подвизаться съ оружіемъ въ рукахъ; и въ такомъ случаѣ смерть была бы похвальна. Но поелику не сего требуютъ обстоятельства; то принесемъ въ жертву

самыя тѣла. Да почему же и не пожертвовать ими? Если не умремъ теперь; то развѣ никогда не умремъ? развѣ никогда не воздадимъ долгаго природѣ? Лучше обратимъ въ даръ, что надобно уступать по необходимости; перехитримъ смерть; всѣмъ общее обратимъ въ свою собственность, и цѣною смерти купимъ жизнь. Ни одинъ изъ насъ да не будетъ животолюбивъ и робокъ. Пусть мучитель, преткнувшись о насъ, отчаеся и въ другихъ. Пусть самъ онъ назначаетъ порядокъ, кому за кѣмъ страдать; если кто и заключить собою рядъ гонимыхъ, сіе не сдѣлаетъ различія въ горячности нашего усердія. Первый изъ пострадавшихъ да будетъ для другихъ путемъ, а послѣдній — печатію подвига. Всѣ съ равною твердостію положимъ на сердца, чтобы цѣлымъ домою пріобрѣсть намъ вѣнцы, чтобы гонитель не имѣлъ въ насъ ни единой доли, и не могъ, въ киченіи злобы, похвалиться побѣдою надъ всѣми, побѣдивъ одного. Докажемъ, что мы другъ другу братья, не только по рожденію, но и въ самой смерти; постраждемъ всѣ, какъ одинъ, и каждый изъ насъ да постраждетъ равно всѣмъ. Прими насъ, Елеазаръ; послѣдуй за нами, мать; погребни великолѣпно мертвецевъ своихъ, Іерусалимъ, если только останется что для гроба; рассказывай о насъ послѣдующимъ родамъ, и читателямъ твоимъ показывай священное мѣсто погребенія единопутробныхъ!»

Такъ говорили и дѣйствовали они; такъ по старшинству лѣтъ поощряли другъ друга, подобно тому, какъ вепрь остритъ одинъ зубъ другими. Всѣ они сохраняли одинаковую ревность, къ удоволь-

ствію и удивленію единоплеменниковъ, въ страхъ и ужась врагамъ. И враги, хотя смѣло ополчились противъ цѣлаго народа, но единомушіемъ семи братьевъ, подвизающихся за благочестіе, столько были посрамлены, что теряли уже пріятную надежду одолѣть и прочихъ.

А мужественная и подлинно достойная такихъ доблестныхъ сыновъ матеръ, — эта великая и высокая духомъ питомица закона, порываемая двумя сильными движеніями сердца, ощущала въ себѣ смѣшеніе и радости и страха — радости, по причинѣ мужества сыновъ и всего ею видимаго, — страха, по неизвѣстности будущаго и по причинѣ чрезмѣрныхъ мученій. И какъ птица, которая видитъ, что змія ползетъ къ птенцамъ, или другой кто злоумышляетъ противъ нихъ, она летала вокругъ, била крылами, умоляла, раздѣляла страданія дѣтей. И чего не говорила, чего не дѣлала, чтобы воодушевить ихъ къ побѣдѣ! То похищала капли крови, то поднимала отторженные части членовъ, то благоговѣнно припадала къ останкамъ; собирала члены одного сына, а другаго отдавала мучителямъ, и третьяго приготавливала къ подвигу. Всѣмъ возглашала: « Прекрасно, дѣти! прекрасно, добліе мои подвижники, почти безплотные во плоти, защитники закона, моей сѣдины и святаго града, который васъ воспиталъ и возвелъ на такую высоту доблестей! Еще не много; и мы побѣдили! Мучители утомились — сего одного боюсь. Еще не много; и я блаженная изъ матерей, а вы блаженные изъ юношей! — Но вамъ жалко разлучиться съ матерью? — Не

оставлю васъ;—общаю вамъ это. Я не ненавистница дѣтей своихъ.»

Когда же она увидѣла, что всѣ скончали жизнь, и свою смертію избавили ее отъ безпокойствъ; тогда съ свѣтлымъ взоромъ подѣмлетъ главу и, подобно олимпійскому побѣдителю, съ бодрымъ духомъ воздѣвши руки, громко и торжественно говорить: «Благодарю Тебя, Отче Святый! Благодарю Тебя, наставникъ нашъ—законъ! Благодарю тебя, нашъ отецъ и поборникъ чадъ твоихъ, Елеазаръ! Благодарю, что принять плодъ болѣзней моихъ, и я содѣлалась матерью, священнѣйшею изъ матерей! Ничего не осталось у меня для міра, все отдано Богу — все мое сокровище, всѣ надежды моей старости. Какая великая для меня почестъ! какъ прекрасно обезпечена старость моя! Теперь я вознаграждена за воспитаніе ваше, дѣти,—видѣла, какъ подвизались вы за добродѣтель, сподобилась увидѣть всѣхъ васъ увѣнчанными; даже на истязателей вашихъ смотрю какъ на благодѣтелей, готова свидѣтельствовать благодарность мучителю за это распоряженіе, по которому соблюдена я для страданій послѣдняя, чтобы, изведя прежде на позорище рожденных мною, и въ каждомъ изъ нихъ совершивъ мученическій подвигъ, по принесеніи всѣхъ жертвъ, прейдти мнѣ отсель въ полной безопасности. И я не буду рвать на себѣ волосъ, раздирать одежды, терзать ногтями плоти, не стану возбуждать къ слезамъ, созывать плачущихъ, заключаться въ темное уединеніе, чтобы самый воздухъ сѣтоваль со мною, не буду ожидать утѣшителей и предлагать хлѣба скорби. Все это прилично матерямъ

малодушнымъ, которыя бываютъ матерями только по плоти, у которыхъ дѣти умираютъ, не оставивъ по себѣ добраго слова. А вы у меня, любезнѣйшія дѣти, не умерли, но принесены въ даръ Богу; не на-всегда разлучились со мною, но только преселились на-время; не расточены, но собраны вкупѣ; не звѣрь похитилъ васъ, не волна поглотила, не разбойникъ погубилъ, не болѣзнь сокрушила, не война истребила, и не другое какое-либо постигло васъ бѣдствіе болѣе или менѣе важное изъ обычныхъ людямъ. Я стала бы плакать, даже горько плакать, если бы случилось съ вами что-либо подобное. Тогда бы слезами доказала я свое чадолюбіе, какъ доказываю нынѣ тѣмъ, что не проливаю слезъ. Мало сего. Тогда бы я дѣйствительно стала оплакивать васъ; когда бы вы, ко вреду своему, спаслись отъ мученія, когда бы мучители восторжествовали надъ вами и одержали верхъ хотя надъ однимъ изъ васъ, какъ теперь побѣждены вами сами гонители. А что совершилось нынѣ — это похвала, радость, слава, ликованіе и веселіе для оставшихся. Но и я приношусь въ жертву вслѣдъ за вами. И я буду сравнена съ Финеесомъ, прославлена съ Анною. Даже еще больше, потому что Финеесъ ревновалъ одинъ, а вы явились многочисленными карателями блудниковъ, поразивъ блудодѣяніе не плотское, но духовное; и Анна посвятила Богу одного, Богомъ же даннаго, притомъ недавно рожденнаго сына; а я освятила семерыхъ возмужавшихъ, и притомъ пожертвовавшихъ собою добровольно. Да восполнить мое надгробное слово Иеремія, не оплакивающій, но восхваляющій препо-

добную кончину! Вы просвьтились паче снѣга, сгустились паче млека, и лучше камене сапфира сталъ сонмъ вашъ — рожденные и принесенные въ даръ Богу (Плач. Иер. 4, 7.)! Чтò же еще? Присоедини и меня къ дѣтямъ, мучитель, если и отъ враговъ можно ждать милости. Присоедини и меня, — такая борьба будетъ для тебя славнѣе. О какъ бы желала я претерпѣть всѣ тѣ муки, какія терпѣли они, чтобы кровь моя смѣшалась съ ихъ кровію, и старческая плоть — съ ихъ плотію! Для дѣтей люблю самыя орудія ихъ страданій. Но если не будетъ сего; по крайней мѣрѣ прахъ мой да соединится съ ихъ прахомъ, и одинъ гробъ да приметъ насъ! Не позавидуй равночестной кончинѣ тѣхъ, которые равночестны по доблестямъ. Прощайте матери, прощайте дѣти! И матери такъ воспитывайте рожденныхъ вами, и дѣти такъ воспитывайтесь! Прекрасный примѣръ подали мы вамъ, какъ подвизаться подвигомъ добрымъ.» Такъ сказала она, и приложилась къ сынамъ своимъ. Но какъ? спросите.—Какъ на брачное ложе, востекши на костерь, на который была осуждена. Не стала ждать, чтобы кто-нибудь возвелъ ее, не попустила, чтобы нечистое тѣло коснулось ея чистой и мужественной плоти.

Такъ Елеазаръ наслаждался священствомъ; такъ самъ былъ посвященъ и другихъ посвятилъ въ небесныя таинства; не внѣшними кропленіями, но собственною кровію, освятилъ Израиля, и послѣдній день жизни содѣлалъ совершительнымъ таинствомъ! Такъ сыны насладились юностію; не сластолюбію раболѣпствуя, но возобладавъ надъ страстями, очи-

стили тѣло и представились къ безстрастной жизни! Такъ мать насладилась многочадіемъ, такъ украсалась дѣтьми при жизни ихъ, и опочила вмѣстѣ съ отшедшими! Рожденныхъ для міра представила она Богу, по числу ихъ подвиговъ вновь исчислила свои болѣзни рожденія, и старшинство дѣтей узнала изъ порядка, въ какомъ они умирали; потому что подвизались всѣ отъ перваго до послѣдняго, и какъ волна слѣдуетъ за волною, такъ они — одинъ за другимъ оказали доблесть, и одинъ готовѣе другаго шелъ на страданія, уже укрѣпленный примѣромъ предъ нимъ пострадавшихъ. А посему мучитель былъ радъ, что она не была матерью большаго числа дѣтей; иначе остался бы еще болѣе посрамленнымъ и побѣжденнымъ. И тогда только въ первый разъ узналъ онъ, что не все можно преодолѣть оружіемъ, когда встрѣтилъ безоружныхъ юношей, которые, ополчившись однимъ только благочестіемъ, съ большею ревностію готовы были все претерпѣть, нежели съ какою готовился самъ онъ подвергнуть ихъ страданіямъ.

Такая жертва была благоразумнѣе и величественнѣе жертвы Іезеаевой; потому что здѣсь ни пламенность обѣта, ни желаніе нечаемой побѣды, не дѣлали приношенія, какъ тамъ, необходимымъ; напротивъ того совершенно добровольное жертвоприношеніе, и наградою за оное служили однѣ уповаемая блага. Такой подвигъ ничѣмъ не ниже подвиговъ Давида, который преданъ былъ на снѣденіе львамъ и побѣдилъ звѣрей воздѣяніемъ рукъ; онъ не уступаетъ мужеству отроковъ въ Ассиріи, которыхъ Ангель оросилъ въ пламени, когда не согласились

они нарушить отеческаго закона, и не прикасались къ сквернымъ и неосвященнымъ снѣдамъ. А по усердію не мало важнѣе онъ и тѣхъ жертвъ, какія въ-послѣдствіи принесены за Христа. Ибо страдавшіе за Христа, какъ сказалъ я въ началѣ слова, имѣли предъ очами кровь Христову, и вождемъ ихъ въ подвигахъ былъ самъ Богъ, принесшій за насъ столь великій и чудный даръ; а Маккавеи не имѣли предъ собою ни многихъ, ни подобныхъ примѣровъ доблести. Ихъ терпѣнію дивилась вся Іудея; она радовалась и торжествовала, какъ будто бы сама была тогда увѣнчана; потому что и ей предлежалъ при семъ подвигъ, даже величайшій изъ подвиговъ когда-либо предстоявшихъ Іерусалиму — или видѣть въ сей день поправленіе отеческаго закона, или прославиться. Участъ всего Еврейскаго рода зависѣла отъ подвига Маккавеевъ, и находилась какъ-бы на остріи меча. Самъ Антіохъ изумлялся; такъ угрозы его превратились въ удивленіе; потому что великимъ подвигамъ умѣютъ дивиться и враги, когда пройдетъ гнѣвъ, и дѣло оправдываетъ само себя. Посему онъ удалился, не получивъ успѣха, и какъ много хвалилъ отца своего Селевка за уваженіе къ Іудейскому народу и за щедрость къ храму, такъ сильно укорялъ Симона, побудившаго къ войнѣ, признавая его виновникомъ безчеловѣчія и безславія.

Будемъ подражать Маккавеямъ — и священники, и матери, и дѣти, — священники въ честь Елезара, духовнаго отца, показавшаго превосходнѣйшій примѣръ и словомъ и дѣломъ; — матери, въ честь мужественной матери, да окажутся истинно чадолю-

бывыми, и да представляют чадъ своихъ Христу, чтобы самый бракъ освятился таковою жертвою;— дѣти да почтять святыхъ юношей и да посвящаютъ время юности не постыднымъ страстямъ, но борьбѣ со страстями, мужественному ратоборству съ ежедневнымъ нашимъ Антиохомъ, который воветъ посредствомъ всѣхъ членовъ нашихъ и многообразно гонить насъ. Ибо желаю, чтобы были подвижники для всякаго времени и случая, изъ всякаго рода и возраста, подверженнаго и явнымъ нападеніямъ и тайнымъ навѣтамъ враговъ. Желаю, чтобы пользовались древними сказаніями, но пользовались также и новыми, и, подобно пчеламъ, отсюду собирали полезнѣйшее въ составъ единого сладкаго сота, дабы и чрезъ Ветхій и чрезъ Новый Заветъ прославлялся въ насъ Богъ, славимый въ Сынѣ и въ Духѣ, знающій Своихъ и знаемый Своими, исповѣдуемый и исповѣдующій, прославляемый и прославляющій въ самомъ Христѣ, Которому слава во вѣки. Аминь.

С Л О В О 17,

ГОВОРЕННОЕ ВСТРЕВОЖЕННЫМЪ ЖИТЕЛЯМЪ НАЗИ-
АНЗА И ПРОГНѢВАННОМУ ГРАДОНАЧАЛЬНИКУ.

Чрево мое, чрево мое болитъ мнѣ, и чувства сердца моего смущаются (Иерем. 4, 19.), говоритъ въ одной изъ своихъ рѣчей Иеремія, сострадательнѣйшій изъ Пророковъ, оплакивая непокорнаго Израиля, который самъ отъ себя отстраняетъ Божіе челоуѣколюбіе. Чрево́мъ называетъ онъ иносказательно душу свою (что нахожу во многихъ мѣстахъ Писанія): потому ли, что она сокрыта и невидима (а сокровенность есть общая принадлежность души и чрева); или потому, что она приѣмлетъ и, такъ сказать, перевариваетъ словесную пищу (ибо что пища для тѣла, то слово для души). А чувствами именуется можетъ-быть тѣ душевныя движенія и помышленія, особливо же возбуждаемыя чувственностію, которыми праведникъ терзается, воспаляется и увлекается, такъ что не можетъ удержаться отъ горячности духа. Ибо это самое называется у Пророка смущеніемъ (*טוֹ מַצְבּוֹבִים*), то-есть какимъ-то рвеніемъ, смѣшаннымъ съ раздражительностію. Если же кто будетъ разумѣть подъ чувствами и

вышнія чувства, то не погрѣшить; потому что и глаза и уши не только оскорбляются худшими предметами зрѣнія и слуха, но по сострадательности даже желаютъ видѣть и слышать лучшее. Впрочемъ какъ ни разумѣть сіе, праведникъ болѣзнуеть, смущается и равнодушно переноситъ бѣдствія Израиля, какія ни представишь себѣ, тѣлесныя ли, когда смотришь на Израиля чувственно, или духовныя, когда понимаешь его духовно. Ибо тотъ же Пророкъ проситъ себѣ источника слезъ (Иер. 7, 1. 2.), желаетъ виталища послѣдняго, лобызаетъ пустыню, дабы освободиться отъ большей части скорбей и получить нѣкоторое облегченіе отъ внутренней болѣзни, въ безмолвіи оплакавъ Израиля.

Тоже задолго прежде выражаетъ и божественный Давидъ, говоря: *кто дастъ ми криль, яко голубиць, и полещу, и почию* (Пс. 54, 7.)? Онъ проситъ голубинныхъ криль, потому ли что онѣ легки и быстры (каковъ и всякій праведникъ), или потому что онѣ изображаютъ духъ, которымъ однимъ избѣгаемъ бѣдствій, — проситъ, чтобы какъ можно далѣе быть отъ настоящихъ золъ; потомъ показываетъ врачество въ тѣсныхъ обстоятельствахъ — надежду. *Чаяхъ, говоритъ онъ, Бога, спасающаго мя отъ малодушія и отъ бури* (Пс. 54, 9.). Тоже по-видимому дѣлаетъ онъ и въ другомъ мѣстѣ, весьма скоро подавая врачество скорбящему, и словомъ и дѣломъ предлагая намъ добрый урокъ великодушія въ несчастіяхъ. *Отвержеса утѣшитися душа моя* (Пс. 76, 3.), говоритъ онъ. Ты видишь въ семъ безпечность и отчаяніе. Не убоялся ли даже, что Давидъ неисцѣлимъ? Что говоришь?

Ты не пріемлешь утѣшенія? Не надѣнешя отрады? Никто не исцѣлитъ тебя, ни слово, ни другъ, ни сродникъ, ни совѣтникъ, ни состраждущій, ни разсказывающій о своихъ бѣдствіяхъ, ни напоминающій древнее, ни представляющій нынѣшніе примѣры, сколь многіе спасались и отъ гораздо тягостнѣйшихъ несчастій. Но ужели всѣ средства истощены, исчезли, пресѣчены? Ужели погибла всякая надежда? Ужели одно только остается — въ бездѣйствіи ожидать конца? — Такъ говоритъ великій Давидъ, который *въ скорбяхъ распространяется* (Пс. 4, 2.), и окруженный сѣнію смертною возстае съ Богомъ (Пс. 22, 4.)! Чтѣ же дѣлать мнѣ, малому, слабому, земному, не имѣющему такого духа? Давидъ колеблется, кто же спасется? Какую помощь найду въ злостраданіяхъ, или какое утѣшеніе? Къ кому прибѣгну утѣсняемый? — На сіе отвѣтствуетъ тебѣ Давидъ, великій врачъ и заклинающій злыхъ духовъ духомъ, который въ немъ. Къ кому прибѣгнуть? Отъ меня хочешь знать сіе, а самъ не знаешь? Къ Тому, Кто укрѣпляетъ ослабленныя руки, утверждаетъ разслабленныя колѣна (Ис. 35, 3.), проводитъ чрезъ огонь и спасаетъ въ водѣ (Ис. 43, 2. Пс. 65, 12.). Тебѣ не нужно, говоритъ онъ, ни войскъ, ни оружія, ни стрѣльцовъ, ни конниковъ, ни совѣтниковъ, ни друзей, ни внѣшней помощи. Въ себѣ самомъ имѣешь подкрѣпленіе, какое имѣю и я, и всякій желающій. Надобно только пожелать, только устремиться. Утѣшеніе близко, въ устахъ твоихъ, въ сердцѣ твоёмъ. *Помянухъ, говоритъ, Бога и возвеселихся* (Пс. 76, 4.). Чтѣ легче воспоминанія? • Воспомани и ты, и возвеселишься. Какое удобное

врачевство! Какое скорое врачеваніе! Какое величїе дара! Воспомани о Богѣ, и Онъ не только успокоеваетъ малодушіе и скорбь, но производитъ и радость.

Желаешь ли услышать и другія слова о челоуѣколюбїи (Божїемъ)? Если, сказано, обратившись, воздохнешь ко Господу, то спасенъ будешь (Иезек. 33, 19.) Смотрите, какъ спасеніе соединено съ въздыханїемъ. Ты не успѣешь еще выговорить слова, Онъ скажетъ: Я здѣсь! и *речетъ душѣ твоей: спасеніе твое есмь Азъ* (Пс. 34, 4.). Между прошенїемъ и полученїемъ ничто не посредствуетъ: ни золото, ни серебро, ни блестящїе и дорогїе камни, ни все прочее, чѣмъ люди преклоняются на милость. Когда Софонїя, какъ-бы отъ лица Бога, разгнѣваннаго и огорченнаго, сказалъ: *опустошу пути ихъ весьма, еже не проходити: исчезоша гради ихъ, занеже ни единому быти, ни жити* (Соф. 3, 6.); когда поразилъ ужасомъ, сокрушилъ печалїю, навелъ мракъ своею угрозою: тотчасъ низводитъ и свѣтъ благой надежды, и возстановляетъ меня сими словами: *рѣхъ, обаче убойтеся мене, и прїимите наказанїе, и не имате потребитися отъ очїю Его* (ст. 7.). А нѣсколько ниже говоритъ еще радостнѣе и челоуѣколюбивѣе: *Во время оно речетъ Господь: дерзай Сїоне, да не ослабѣютъ руцѣ твои. Господь Богъ твой въ тебѣ, сильный спасти тебя: наведетъ на тя веселїе, и обновитъ тя въ любви Своей... и соберетъ сотреннїя... и спасетъ утѣшеннїя и отриновеннїя прїиметъ* (ст. 16—19.).

Сего требуютъ и святые, и самый разумъ, сего .

желаетъ мое слово. Примите же слово мудрости, дабы вамъ *пришедши во глубину золь не вознерадуть*, какъ говоритъ божественный Соломонъ (Прит. 18, 3.), и не погибнуть отъ собственного невѣжества, а не отъ обдержажшей скорби. Есть, братія, нѣкоторый кругъ въ дѣлахъ человѣческихъ, и самыми противоположностями научаетъ насъ Богъ, все устрояющій и всѣмъ, а во всемъ и нашими дѣлами, управляющій по непостижимымъ и неизслѣдимымъ Своимъ судьбамъ такъ же премудро, какъ премудро Онъ все составилъ и связалъ. Ибо все, такъ сказать, движется и зыблется около неподвижнаго,—но движется не въ основаніи, которое во всемъ твердо и неподвижно (хотя сіе и сокрыто отъ нашей немощи), а въ томъ, что ежедневно встрѣчается и бываетъ. И таково древнее и постоянное опредѣленіе Божіе, чтобы тѣма, разлитая предъ глазами нашими, была *закровъ Его* (Ис 17, 12.). И посему многое въ міроуправленіи мы не иначе можемъ видѣть, какъ въ темныхъ гаданіяхъ и представленіяхъ, потому ли что Богъ смиряетъ нашу кичливость, дабы мы сознавали себя ничтожными предъ истинною и первою мудростію; стремились же къ Нему Единому и всегда старались просвѣщаться тамошними озареніями, или потому что чрезъ непостоянство видимаго и превратнаго Онъ приводитъ насъ къ постоянному и вѣчному. Впрочемъ ничто, какъ сказалъ я, не неподвижно, неравно само себѣ, несамодовольно и неодинаково до конца—ни веселіе, ни скорбь, ни богатство, ни бѣдность, ни сила, ни безсиліе, ни униженность, ни власть, ни настоящее, ни будущее, ни наше, ни чу-

жое, ни малое, ни великое, ни все, что еще на-
 именуемъ. И въ непостоянствѣ остается одно толь-
 ко постояннымъ—измѣненіе во всемъ. Ибо все бы-
 стро кружится и переходитъ, и само себѣ противо-
 бодрствуетъ, такъ что болѣе можно довѣрять вѣтру
 и писанному на водѣ, нежели благоденствію чело-
 вѣческому, потому что зависть полагаетъ преграду
 счастью, а милосердіе несчастію. И это, по моему
 разсужденію, премудро и удивительно, потому что
 скорбь не остается безъ утѣшенія, а счастье безъ
 вразумленія. Тѣ благоразумно поступаютъ, которые
 (такъ какъ отъ смиренія раждается познаніе оправ-
 даній) вразумляются несчастіями и очищаясь, какъ
 золото огнемъ, говорятъ: *благо мнѣ, яко смирилъ*
мя еси (Пс. 118, 17.), съ которыми тоже бываетъ,
 что и съ Петромъ, призвавшимъ спасеніе, когда
 уже утопалъ,—и которые чрезъ болѣзнь болѣе при-
 ближаются къ Богу, и чрезъ скорбь приобрѣтаютъ
 благодѣтеля; потому что болѣзнующая душа близка
 къ Богу, и скудостію обращается къ могущему
 дать, тогда какъ могла бы и презрѣть Его при
 обиліи даровъ.

Посему, братія, будемъ обращать взоръ свой
 горѣ во всякое время и при всякомъ случаѣ, бу-
 демъ ограждать себя благою надеждою, дабы намъ
 и въ радости не потерять страха, и въ скорбяхъ—
 упованія. Будемъ помнить при ясномъ небѣ о не-
 настѣ, и во время бури о кормчемъ; не будемъ
 унывать въ скорбяхъ, не будемъ злыми рабами,
 которые исповѣдуютъ Владыку, когда Онъ *благо-*
сотворитъ имъ (Псал. 48, 19.), и не обращаются
 къ Нему, когда наказываетъ; между тѣмъ какъ

иногда болѣзнь бываетъ лучше здоровья, терпѣніе — отрады, посѣщеніе — пренебреженія, наказаніе — прощенія. Скажу кратко: не будемъ упадать духомъ отъ бѣдствій, ни надмеваться отъ довольства. Покоримся Богу и другъ другу, и начальствующимъ на земли: Богу по всѣмъ причинамъ; другъ другу для братолюбія; начальствующимъ — для благоустройства, и тѣмъ въ большей мѣрѣ, чѣмъ болѣе они кротки и снисходительны. Опасно истощать милосердіе начальниковъ, надѣясь на частое прощеніе; ибо, истощивъ, за ихъ строгость подвергнемся отвѣтственности мы сами, которые нарушаемъ тишину вѣтромъ, наводимъ на свѣтъ мракъ и къ меду примѣшиваемъ полынь. И между нашими законами есть одинъ законъ, — законъ похвальный и прекрасно постановленный Духомъ, Который далъ Свои законы, сличивъ возможное и наилучшее. По сему закону какъ рабы должны быть послушны господамъ (Еф. 6, 5.), жены — мужьямъ, Церковь — Господу, ученики — Пастырямъ и учителямъ; такъ и всѣ, обязанные давать дань, — повиноваться всѣмъ властямъ предержащимъ *не токмо за гнѣвъ, но и за совѣсть* (Рим. 13, 5. 6.), и не дѣлать закона ненавистнымъ, дѣлая зло, не доводить себя до меча; но, очищаясь страхомъ, заслуживать похвалу отъ власти. Одно и то же правило; но оно щадитъ прямое и отсѣкаетъ лишнее. Одно солнце, но оно свѣтитъ здоровому зрѣнію, а омрачаетъ слабое. Хочешь ли, скажу съ дерзновеніемъ нѣчто и изъ своего ученія? Одинъ Христосъ, но Онъ *лежитъ на паденіе и на возстаніе* (Лук. 2, 34.), — на паденіе невѣрнымъ, на возстаніе вѣрующимъ. Для однихъ

Онъ камень претыканія и камень соблазна (1 Петр. 2, 7.), именно для тѣхъ, которые не познали, ниже уразумѣли, но во тьмѣ ходять, или служатъ идоламъ, или не прозирають далѣе письмени, и не хотятъ и не могутъ просвѣтиться чѣмъ-либо кромѣ письмени. Для другихъ Онъ камень краеугольный и камень похваляемый, именно для тѣхъ, которые обуздываются словомъ и утвердились на семь камней. Или, ежели хочешь, Онъ есть та жемчужина, которую добрый купецъ покупаетъ на все свое имѣніе (Матѣ. 13, 45. 46.). Но мы, братія, не исполняющіе своихъ обязанностей, а негодующіе на власть, почти такъ же поступаемъ, какъ и тотъ, кто, самъ погрѣшая противъ законовъ борьбы, обвиняетъ раздаятеля наградъ въ несправедливости, или кто самъ страдая тяжкою болѣзнію и имѣя нужду во врачеваніи не менѣе болѣзненнымъ, винить въ невѣжествѣ и безразсудствѣ врача, который употребляетъ надрѣзыванія и прижиганія. Вотъ отъ меня и утѣшеніе и вмѣстѣ наставленіе для подчиненныхъ! Симъ убогій пастырь возвращаетъ на истинный путь малое стадо, съ которымъ въ радости радоваться, и въ печали стенать повелѣваетъ мнѣ законъ моего пастырскаго служенія!

Что же вы, властители и начальники? Слово уже обращается къ вамъ для того, чтобы не почли насъ совершенно несправедливыми, если убѣждая подчиненныхъ къ исполненію долга, уступимъ вашему могуществу, какъ-бы стыдятся или страшась пользоваться нашею свободою, если будемъ болѣе заботиться о нихъ, а вознерадимъ о васъ, о которыхъ

тѣмъ болѣе надобно позаботиться, чѣмъ полезнѣе сіе для той и другой стороны, чѣмъ важнѣе успѣхъ. А противнаго сему да не будетъ съ нами и съ нашимъ словомъ. Итакъ, что вы говорите? На чемъ намъ помириться? Примете ли дерзновенное слово мое, и законъ Христовъ подчиняетъ ли васъ моей власти и моему престолу? И мы имѣемъ власть большую и совершеннѣйшую; иначе духъ долженъ уступить плоти и небесное земному.

Знаю, что и ты выслушаешь дерзновенное слово; потому что и ты священная овца моего священнаго стада, питомецъ великаго пастыря (а), истинно свыше приведенъ Духомъ, и подобно намъ просвѣщенъ свѣтомъ Святыя и Блаженныя Троицы. Посему слово мое къ тебѣ будетъ непродолжительно и кратко. Ты со Христомъ начальствуешь, со Христомъ и правительствуешь. Онъ далъ тебѣ мечъ не дѣйствовать, но угрожать; и да соблюдется мечъ сей Даровавшему, какъ чистый даръ. Ты самъ образъ Божій, и руководишь образъ, о которомъ здѣсь надобно заботиться, и съ которымъ должно перейти въ другую жизнь; а въ нее мы всѣ перейдемъ, по кратковременной игрѣ въ здѣшней жизни, назовемъ ли ее темницею, или поприщемъ, или предначертаніемъ, или тѣнію жизни истинной. Почти сродство, уважь первообразъ, пребудь съ Богомъ, а не съ міродержителемъ, — со Христомъ Господомъ, а не съ лютымъ мучителемъ. Онъ *человѣкоубійца бль ис-*

(а) Разумѣеть своего отца.

кони (Іоан. 8, 44.). Онъ и первому человѣку, доведя его до преслушанія, нанесъ ударъ и причинилъ бѣдственную жизнь; онъ чрезъ грѣхъ ввелъ законъ наказывать и терпѣть наказанія. А ты, человѣкъ Божій, вспомни, чье ты твореніе и куда призываешься, что имѣешь и чѣмъ ты долженъ, отъ кого у тебя законъ, слово, Пророки, самое боговѣднѣе и небезнадежность получить ожидаемое. Посему подражай Божію человѣколюбію. Въ человѣкѣ всего болѣе божественно то, что онъ можетъ благотворить. Ты можешь стать богомъ, ничего не сдѣлавъ: не пропускай случая къ обоженію. Для Духа одни истощаютъ свое имѣніе, другіе истощаютъ плоть, умираютъ для Христа, и совершенно удаляются отъ міра. Иные посвящаютъ Богу то, что всего для нихъ дороже. И ты безъ сомнѣнія слышалъ о жертвѣ Авраама, которій единороднаго, рожденнаго по обѣтованію, когда въ немъ заключалось обѣтованіе, отдалъ Богу охотнѣе, нежели въ началѣ получалъ отъ Бога. Но мы отъ тебя ничего такого не требуемъ: одно вмѣсто всего принеси—принеси человѣколюбіе, которымъ Богъ благоугождается болѣе, нежели всѣмъ прочимъ вмѣстѣ,—принеси даръ единственный, даръ непорочный, даръ призывающій щедроты Божіи. Присоедини къ страху кротость, раствори угрозу надеждою. Знаю, какъ много можетъ сдѣлать благодать, которая заставляетъ изъ стыда воздавать должное, когда, имѣя возможность принудить, прощаемъ и своимъ благоволеніемъ приводимъ въ стыдъ милуемаго. Ничто да не убѣждаетъ тебя быть не достойнымъ власти, ничто да не отклоняетъ тебя отъ милосердія и кротости—

ни обстоятельства, ни властитель, ни страхъ, ни опасеніе высшихъ начальниковъ, ни превосмогающая дерзость. Старайся пріобрѣсти въ тѣсныхъ обстоятельствахъ благоволеніе свыше. Дай взаимъ Богу милосердіе. Никто не раскаявался изъ принесшихъ что-либо Богу. Онъ щедръ на воздаяніе, наипаче же тамошними благами Онъ вознаграждаетъ тѣхъ, которые здѣсь что-либо принесли и дали Ему взаимъ; иногда же, чтобы увѣритъ въ будущихъ благахъ, Онъ награждаетъ и здѣшними благами. Еще мало, и міръ преидеть, и тѣнь исчезнетъ. Воспользуемся временемъ, искупимъ непостояннымъ вѣчное. Каждый изъ насъ во *епитиміяхъ* (Сир. 8, 6.), и земля много носитъ чужихъ долговъ. Простимъ же, чтобы и намъ простили; отпустимъ, чтобы самимъ испросить отпущеніе. Видишь въ Евангеліи: приводятъ задолжавшаго многими талантами и прощаютъ ему долгъ (потому что онъ приведенъ къ благому владыкѣ); но кому прощаютъ, тотъ самъ не прощаетъ (ибо онъ рабъ и въ своемъ произволеніи), и какое челоуѣколюбіе оказано ему въ большемъ; такого не оказываетъ онъ товарищу въ меньшемъ, что долженъ былъ бы сдѣлать, ежели не по чему другому, то подражая показанному примѣру великодушія. И господинъ гнѣвается, а о послѣдующемъ умолчу. Скажу только, что всякому лучше оказывать милость здѣсь, нежели давать отчетъ тамъ.

Что ты скажешь? Убѣдили ли тебя сіи слова, которыя, по неоднократному твоему признанію, любишь ты, наилучшій изъ начальниковъ, и если бы можно было присоединить, челоуѣколюбивѣйшій, или надобно представить тебѣ вѣсто просьбы и

эту сѣдину (б), число лѣтъ и долговременное священство, священство непорочное, которое, можетъ-быть, и Ангелы, служащіе Чистѣйшему, уважаютъ какъ достойное ихъ собственнаго служенія? Убѣждаетъ ли тебя это, или дерзну на большее? А дерзновеннымъ дѣлаетъ меня скорбь. Представляю тебѣ Христа и Христово истощаніе за насъ и страсти Безстрастнаго, и крестъ и гвозди, которыми я разрѣшенъ отъ грѣха, и кровь, и погребеніе, и воскресеніе, и вознесеніе, и сію трапезу, къ которой мы вмѣстѣ приступаемъ, и образы моего спасенія, совершаемые тѣми же устами, которыми ходатайствую предъ тобою, — это священное и горѣ возносящее насъ тайноводство. Ежели не за одно которое-либо изъ сихъ, то по крайней мѣрѣ за все окажи милость и намъ и себѣ, милость домашней твоей церкви, и сей прекрасной полнотѣ Христовой, которая (такъ представляй себѣ) сама съ нами ходатайствуетъ (хотя и предоставляетъ ходатайство намъ, какъ почтеннымъ ради Почтившаго), и вмѣстѣ съ симъ подчиняется закону начальствованія. Въ одномъ позволь побѣдить себя, — побѣди насъ чело-вѣколюбіемъ! Вотъ привожу къ тебѣ просителей моихъ предъ Богомъ и Ангелами, и царствомъ небеснымъ и тамошними воздаяніями. Уважь мою вѣру, какую я къ тебѣ имѣлъ, и которою другихъ увѣрилъ, дабы также уважили ее въ большемъ и совершеннѣйшемъ. Скажу короче: ты самъ имѣешь Господа на небѣ, Который да будетъ тако-

(б) Разумѣеть своего отца

вымъ же судію для тебя, какимъ ты будешь для подвластныхъ. Но да получимъ всѣ мы и здѣшнюю милость, и тамошнее снисхожденіе во Христѣ Иисусѣ Господѣ нашемъ, Которому слава и держава, Которому честь и царство со Отцемъ и Святымъ Духомъ, какъ принадлежали въ прежнее время и прежде самаго времени, принадлежать и нынѣ и во вѣки вѣковъ. Аминь.

С Л О В О 18,

ГОВОРЕННОЕ ВЪ ПОХВАЛУ ОТЦУ И ВЪ УТЪШЕНІЕ
МАТЕРИ НОННѢ ВЪ ПРИСУТСТВІИ СВ. ВАСИЛІА, КЪ
КОТОРОМУ ОБРАЩЕНО ВСТУПЛЕНІЕ ВЪ СЛОВО.

Человѣкъ Божій (Ис. Нав. 14, 6.), *вѣрный рабъ* (Чис. 12, 7.), *строитель таинъ Божіихъ* (1 Кор. 4, 1.), *мужъ желаній* (Дан. 10. 11) и притомъ *духовныхъ*! Такъ именуетъ Писаніе преуспѣвшихъ и высокихъ по жизни, ставшихъ выше видимаго. Но назову тебя еще *богомъ Фараону* (Исх. 7, 1) всей Египетской и сопротивной силы, *столпомъ и утвержденіемъ* (1 Тим. 3, 15.) Церкви, *Господнею волею* (Иса. 62, 4.), *свѣтиломъ въ мѣрть, содержащимъ слово жизни* (Фил. 2, 15. 16), *опорою Вѣры, обителію Духа*. И могу ли перечислить всѣ наименованія, какія дала тебѣ добродѣтель, съ каждымъ своимъ видомъ принося и усвоивъ новое имя? Скажи однакожъ: откуда приходишь, и что твое дѣланіе (Іон. 1, 8)? Что намѣренъ ты совершить для насъ? Ибо знаю, что все предиріем-

лешь ты съ Богомъ, по Божію внушенію и для блага срѣтающихся тебя. За чѣмъ приходишь? Насъ ли посѣтитъ? Найдти ли пастыря? Или обозрѣтъ паству?

Мы почти не существуемъ, а большею частію бытія съ нимъ (а) преселились отсель, тяготимся *мъстомъ озлобленія* (Пс. 43, 20.), особливо нынѣ, когда свѣдущій кормчій, или свѣтильникъ нашей жизни, свыше указывавшій намъ спасеніе, чтобы, взирая на него, направляли мы путь свой — сей пастырь, со всѣми доблестями, со всею пастырскою опытностію, какую пріобрѣталъ долгимъ временемъ, оставилъ насъ, исполненный дней и благоразумія и, если можно сказать словами Соломона, *увѣнчанный старостію хвалы* (Прит. 16, 31.). Паства въ недоумѣніи и смущеніи. И видишь, какого унынія, какой печали она исполнена; потому что не *упокоевается* уже на *мъсть злачиль*, не *воспитывается на водъ покойль* (Пс. 22, 2.), но ищетъ стремнинъ, пустынь и пропастей, гдѣ можетъ разсѣяться и погибнуть; не надѣется получить когда-либо другаго разумнаго пастыря, и вполнѣ увѣренная, что не получитъ равнаго почившему, желала бы по крайней мѣрѣ имѣть хотя и худшаго, но не многимъ.

Поелику же, какъ сказалъ я, три причины, и каждая въ равной мѣрѣ, дѣлають присутствіе твое необходимымъ, то-есть мы, пастырь и паства; то всѣмъ подай приличное, по живущему въ тебѣ духу служенія, и *устрой слово на судъ* (Пс. 111,

(а) Св. Григорій разумѣетъ почившаго родителя своего.

5), чтобы мы еще болѣе дивились твоей мудрости. Но какъ устроить тебѣ слово? Восхваляи почившаго, сколько требуетъ его добродѣтель, не для того только, чтобы въ надгробный даръ чистому принести чистое слово, но и для того, чтобы другимъ представить жизнь его въ образецъ и въ урокъ благочестія. А намъ кратко преподай любомудрое ученіе о жизни и смерти, о соединеніи и разлученіи души съ тѣломъ, о двухъ мірахъ, о мірѣ настоящемъ и непостоянномъ, и о мірѣ умосозерцаемомъ и всегда пребывающемъ; убѣди насъ презирать въ первомъ все обманчивое, нестройное, безпорядочное, подобно волнамъ, то вверхъ, то внизъ влекущее и увлекаемое, прилѣпляясь же къ тому, что есть въ послѣднемъ неизблемаго, постоянного, боголѣпнаго, всегда одинаковаго, не подлежащаго никакимъ тревогамъ и замѣшательствамъ. Ибо будемъ менѣ скорбѣть, и даже еще радоваться, объ отходящихъ отъ насъ, когда слово твое, отвлекши насъ отъ земнаго, возведетъ къ горнему, настоящія огорченія закроетъ будущимъ, и удостовѣритъ, что и мы сами поспѣшаемъ къ благому Владыкѣ, что водвореніе лучше пришельствія, что каково для пловцевъ тихое пристанище, таково для обураваемыхъ въ здѣшной жизни преставленіе и преложеніе въ жизнь будущую, или, сколько удобствъ и облегченія чувствуютъ совершившіе дальній путь въ сравненіи съ тѣми, которые испытываютъ еще трудности и непріятности путешествія, столько участь достигшихъ небесной гостинницы лучше и спокойнѣе участи идущихъ еще по негладкому и стремнистому пути сея жизни.

Такъ можешь утѣшать насъ. Но чѣмъ утѣпишь паству? Во-первыхъ, общай ей свое покровительство и руководство; ибо всѣмъ хорошо покоиться подъ твоими крылами, и мы гласа твоего жаждемъ больше, нежели томимые естественною жаждою — чистаго источника. Во-вторыхъ, увѣрь, что и теперь не оставилъ насъ добрый пастырь, полагавшій душу за овецъ, но доселѣ съ нами, и пасетъ и пу-теводитъ насъ, и знаетъ своихъ, и свои его знаютъ, хотя невидимъ тѣлесно, но сопребываетъ духовно, воюетъ за паству съ волками, и никому не дозволяетъ разбойнически, или коварно перескакивать черезъ дворъ овчій, чуждымъ гласомъ отвлекать и похищать души, право наставленныя въ истинѣ. А я увѣренъ, что теперь молитвами произведетъ онъ больше, нежели прежде ученіемъ; по-колику сталъ ближе къ Богу, сложивъ съ себя тѣлесныя оковы, освободившись отъ брежня омрачающаго умъ, непокровеннымъ представъ къ непокровенному первому и чистѣйшему Уму, сподобившись (если могу такъ смѣло выразиться) Ангельскаго чина и дерзновенія.

Все сіе самъ ты, по данной тебѣ силѣ слова и духа, и расположишь и исполнишь любомудріемъ гораздо лучше, нежели какъ могъ бы я предначертать. Но чтобы, по невѣднію доблестей пастыря, не слишкомъ сократилось слово о достоинствѣ его, сдѣлаю въ маломъ видѣ нѣкоторый очеркъ похвалы усопшему, воспользовавшись тѣмъ, что мнѣ извѣстно о немъ, и передамъ это тебѣ, какъ превосходному описателю такихъ предметовъ, дабы ты впол-

нѣ изобразилъ красоту его добродѣтели, и сообщилъ во услышаніе и назиданіе всѣмъ.

По правиламъ похвальнаго слова надлежало бы говорить о родѣ, отечествѣ, тѣлесныхъ совершенствахъ, внѣшней знаменитости и о чемъ еще высоко думаютъ люди. Но я, оставляя сіе, начну съ того, что для насъ первоначальнѣе и всего ближе, и скажу (не стыдись прежняго, ибо надѣюсь на послѣднее), что онъ (б) былъ отраслю корня не весьма похвальнаго, не принесшаго плодовъ благочестія, не въ дому Божіемъ насажденнаго, но весьма страннаго и чудовищнаго, который составился изъ двухъ противоположностей — изъ языческаго заблужденія и подзаконнаго мудрованія, допустивъ въ себя нѣкоторыя части того и другаго, а нѣкоторыя устранивъ. Послѣдователи сего ученія, отвергая идоловъ и жертвы, покланяются огню и свѣтильникамъ, а уважая субботу и до мелочи соблюдая постановленія о животныхъ, не принимаютъ обрѣзанія. Ипсистеріями (в) называются сіи не высокіе по вѣрованію люди, и чтутъ единаго Вседержителя. Но что же является изъ человѣка, который возросъ какъ-бы въ сугубомъ нечестіи? Не знаю, что болѣе восхвалить, благодать ли его призвавшую, или собственное его произволеніе? По крайней мѣрѣ такъ онъ очистилъ умное око отъ покрывавшей его нечистоты, и съ такою скоростію устремился

(б) Родитель св. Григорія Богослова.

(в) Наименованіе Ипсистеріевъ происходитъ отъ слова ὑψιστος самый высокій).

къ истинѣ, что для небеснаго Отца и для истиннаго наслѣдія рѣшился до времени быть оставленнымъ отъ матери и лишеннымъ имущества, и безчестіе сіе принялъ охотнѣе, нежели иной самыя высокія почести. Но сколько это ни удивительно, я менѣе дивлюсь сему. И почему? Потому что и многіе другіе приносили подобныя пожертвованія, и всѣмъ надлежитъ взойти въ великій *неводъ* Божій (Матѹ. 13, 47.), всѣхъ должно уловить слово Рыбарей, хотя Евангеліе беретъ въ плѣнъ однихъ ранѣе, другихъ позже.

Но почитаю нужнымъ сказать о томъ, что представляется мнѣ въ немъ наиболѣе удивительнымъ. Еще не одного съ нами будучи двора, онъ былъ уже нашимъ; ибо къ намъ принадлежалъ по своимъ нравамъ. Какъ многіе изъ нашихъ бываютъ не отъ насъ, потому что жизнь дѣлаетъ ихъ чуждыми общему тѣлу; такъ многіе изъ не принадлежащихъ къ намъ бываютъ нашими, поколику добрыми нравами предваряють вѣру, и обладая самою вещию, не имѣютъ только имени. Изъ числа послѣднихъ былъ мой отецъ — вѣтвь еще чуждая, но по жизни преклоненная къ намъ. Онъ столько отличался цѣломудріемъ, что былъ вмѣстѣ и весьма любезнымъ и самымъ скромнымъ, хотя трудно сойдтись обоимъ симъ качествамъ. А правдивость его имѣетъ ли нужду въ сильнѣйшемъ и очевиднѣйшемъ доказательствѣ, когда знаемъ, что онъ, проходя первыя должности въ государствѣ, не приумножилъ своего имѣнія и одною драхмою (г), хотя видѣлъ, что

(г) Малая монета.

другіе на общественное достоиніе налагають Бриареевы руки (д), и пухнуть отъ гнусныхъ поборовъ; ибо такъ называю несправедное обогащеніе? Но тоже самое служитъ немалымъ доказательствомъ и благоразумія; впрочемъ оно еще болѣе обнаружится послѣдующимъ словомъ. Самую вѣру, какъ разсуждаю, получилъ онъ въ награду за сіи добродѣтели. И я объясню, какимъ именно образомъ получилъ ее; потому что не прилично умалчивать о дѣлѣ столь важномъ.

Жену люблю кто обрѣцетъ (Притч. 31, 10)? говоритъ, какъ слышу, Божественное Писаніе. Это даръ Божій, и Господь устрояетъ доброе супружество. Такъ разсуждаютъ даже язычники; ихъ изреченіе, что для человѣка прекраснѣйшее приобрѣтеніе — добрая жена, и всего хуже злая (е). И нельзя сказать, чтобы въ семь отношеніи былъ кто-нибудь счастливѣе отца моего. Думаю, что если бы кто, ища для себя совершеннѣйшаго супружества, обошелъ всѣ концы земли и весь родъ человѣчскій; то не нашелъ бы лучшаго и согласнѣйшаго. Въ немъ такъ соединились всѣ превосходныя, и мужескія и женскія, качества, что бракъ былъ не плотскимъ только союзомъ, но не менѣе того и союзомъ добродѣтели. Супруги, превосходя другихъ, не могли превзойти другъ друга, потому что въ обоихъ добродѣтель была одинаковой силы

(д) Бриарей по языческому баснословію былъ сторукой, и потому самый хищный, гигантъ.

(е) Слова Гезіода изъ творенія его подъ названіемъ: труды и дни.

и цѣны. Жена, данная Адаму помощникомъ по нему (Быт. 2, 18.), потому что добро чловѣку быть не единому, изъ сотрудницы сдѣлалась врагомъ, стала не супругою, но противницею, обольстивъ мужа сластолюбіемъ и древомъ познанія лишивъ древа жизни. Но жена, данная Богомъ моему родителю, была для него не только сотрудницею, что еще не очень удивительно, но и предводительницею. Она сама, и словомъ и дѣломъ, направляла его ко всему превосходному. И хотя почитала для себя первымъ долгомъ, по закону супружества, покоряться мужу во всемъ другомъ; однако же не устыдилась быть его наставницею въ благочестіи. Конечно, достойна она въ семъ удивленія; но еще достоудивительнѣе покорствующій ей добровольно. Если другія жены тщеславятся и превозносятся красотою, какъ естественною, такъ и поддѣльною; то она знала одну красоту, красоту душевную, и старалась сохранять или уяснять въ себѣ, по мѣрѣ силъ, образъ Божій; а поддѣльныя и искусственныя украшенія отвергала, предоставляя ихъ опредѣлившимъ себя на зрѣлица. Она знала одно истинное благородство — быть благочестивою, и знать, откуда мы произошли, и куда пойдемъ; одно надежное и неотъемлемое богатство — иждивать свое имущество для Бога и для нищихъ, особенно же для обѣднѣвшихъ родственниковъ. Удовлетворить только ихъ нуждамъ, по ся мнѣнію, значило не прекратить бѣдствіе, а напомнить объ ономъ; благодѣтельствовать же со всею щедростію почитала она дѣломъ, которое могло доставить и ей прочную славу, и имъ совершенное утѣшеніе.

Если однѣ изъ женъ отличаются бережливостію, а другія благочестіемъ; ибо трудно совмѣщать оба качества: то она превосходила всѣхъ тѣмъ и другимъ, и въ каждомъ достигла верха совершенства, и оба умѣла соединить въ одной себѣ. Попечительностію и неусыпностію, по предписаніямъ и правиламъ Соломоновымъ для жены доблей, такъ она умножила все въ домѣ, какъ-бы вовсе не знала благочестія. Но и столько была усердна къ Богу и ко всему Божественному, какъ-бы нисколько не занималась домашними дѣлами. Одно не терпѣло у ней уцѣра отъ другаго, но одно другимъ взаимно поддерживалось. Укрылось ли отъ нея какое время и мѣсто молитвы? О семъ у нея ежедневно была самая первая мысль. Лучше же сказать, кто, приступая къ молитвѣ, имѣлъ столько упованія получить просимое? Кто оказывалъ такое уваженіе рукъ и лицу священниковъ? Кто такъ высоко цѣнилъ всякій родъ любомудрой жизни? Кто больше, чѣмъ она, изнурялъ плоть постомъ и бдѣніемъ? Кто благоговѣннѣе ея стоялъ во время всенощныхъ и дневныхъ псалмопѣній? Кто чаще ея восхвалялъ дѣвство, хотя сама несла брачныя узы? Кто былъ лучшею заступницею вдовъ и сиротъ? Кто въ такой мѣрѣ облегчалъ бѣдственное состояніе плачущихъ? Да и слѣдующее, для пныхъ можетъ-быть маловажное, даже не имѣющее никакой цѣны, какъ не для многихъ доступное (ибо что не удобно-исполнимо, тому по зависти съ трудомъ и вѣрнѣе), для меня весьма достойно уваженія, какъ изобрѣтеніе вѣры и порывъ духовнаго жара. Въ священныхъ собраніяхъ и мѣстахъ, кромѣ необходимыхъ

и таинственныхъ возглашеній, никогда не слышно было ея голоса. Въ древности то, что на жертвенникъ не восходила сѣкира, и при сооруженіи его не было видно и слышно орудій каменосѣяцевъ, имѣло важность по тому высшему знаменованію, что все посвящаемое Богу должно быть естественно и безыскусственно. Почему же и въ ней не признать важнымъ того, что чествовала святыню молчаніемъ, никогда не обращала хребта къ достойной трапезѣ, не плевала на полъ въ Божіемъ храмѣ; встрѣтись съ язычницею, никогда не слагала руки съ рукою, не прикасалась устами къ устамъ, хотя бы встрѣтившаяся отличалась скромностію и была изъ самыхъ близкихъ; со вкушавшими нечистой и скверной трапезы, не только добровольно, но и по принужденію, не раздѣляла соли, не могла, вопреки требованію совѣсти, пройти мимо, и даже видѣть оскверненнаго дома; ни слуха, ни языка, которыми принимала и вѣщала Божественное, не оскверняла языческими повѣствованіями и зрѣлищными пѣснями; потому что освященному не прилично все неосвященное? Но и сего удивительнѣе то, что она, хотя и сильно поражалась горестями, даже чужими, однакоже никогда не предавалась плотскому плачу до того, чтобы скорбный гласъ исторгся прежде благодаренія, или слеза упала на вѣжди, таинственно запечатлѣнная (ж), или при наступленіи свѣтлаго праздника оставалась на ней печальная одежда, хотя не однократно и многія постигали ее скорби. Ибо душѣ боголюбивой свой-

(ж) Крестнымъ знаменіемъ.

150.
 1-й отдѣлъ
 3-й гл. 109.

ственно подчинять Божественному все чловѣческое. Умолчу о дѣлахъ еще болѣе сокровенныхъ, которыми свидѣтель одинъ Богъ, и о которыхъ знали развѣ вѣрныя рабыни, бывшія въ томъ ея повѣренными. А о томъ можетъ-быть не должно и упоминать, что касалось до меня; такъ какъ я не соотвѣтствую ея надеждамъ, хотя и великихъ ей стало усилій, еще до рожденія, не страшась будущаго, обѣщать, а по рожденіи вскорѣ посвятить меня Богу. Впрочемъ Богу такъ было угодно, что обѣтъ ея не вовсе не исполненъ и приношеніе не отвергнуто. Таковыя совершенства частію были уже въ ней, а частію приумножались и возрастали постепенно. Какъ солнце и утренними лучами производить самое пріятное дѣйствіе, но полуденные лучи его теплѣе и свѣтлѣе; такъ и она, показавши не малые успѣхи въ благочестіи съ самаго начала, возсіяла напоследокъ обильнѣйшимъ свѣтомъ.

Посему введшій ее въ домъ свой, какъ издревле и отъ предковъ боголюбивую и христіюлюбивую, отъ отцевъ получившую въ наслѣдство добродѣтель, а не отъ дикой маслины, подобно ему, привитую къ маслинѣ доброй, — и тогда уже имѣлъ немалое побужденіе къ благочестію. Она, по презыбтку вѣры, не потерпѣла быть въ союзѣ съ иновѣрнымъ, и хотя была самая терпѣливая и мужественная изъ женъ, однако въ томъ единственно не могла сохранить любомудрія, чтобы одною половиною быть въ соединеніи съ Богомъ, а другою частію самой себя оставаться въ отчужденіи отъ Бога. Напротивъ того, она желала, чтобы къ союзу плотскому присоединился и союзъ духовный. А потому день и

ночь принадлежала къ Богу, въ постѣ и со многими слезами просила у Него даровать спасеніе главѣ ея, и неутомимо дѣйствовала на мужа, старалась приобрести его различными способами: упреками, увѣщаніями, услугами, отлученіемъ, а болѣе всего своими нравами и пламенною ревностію о благочестіи, чѣмъ всего сильнѣе преклоняется и умягчается сердце, добровольно давая себя нудить къ добродѣтели. Ей надобно было, какъ водѣ, пробивать камень, непрестанно падая на него по каплѣ, отъ времени ожидать успѣха въ томъ, о чемъ старалась, какъ и показало послѣдствіе. О семъ она просила, сего надѣялась, не столько съ жаромъ юныхъ лѣтъ, сколько съ горячностію вѣры. Ибо и на настоящее не полагался никто такъ смѣло, какъ она на упваемое, по опыту зная щедродаровитость Божію.

Но въ дѣлѣ спасенія содѣйствовалъ ей разсудокъ, принимавшій по-немногу врачество, содѣйствовало и сонное видѣніе, каковыя Богъ нерѣдко посылаетъ въ даръ душѣ достойной спасенія. Какое же видѣніе?—Здѣсь начинается для меня самая пріятная часть повѣствованія. Отцу моему представилось, будто бы (чего никогда прежде не дѣлалъ, хотя и многократно просила и умоляла о томъ жена) поеть онъ слѣдующій стихъ Давида: *возвеселихся о рекшихъ мнѣ: въ домъ Господень пойдемъ* (Псал. 121, 1.). И псалмопѣніе необыкновенно, и вмѣстѣ съ пѣснію вселяется самое желаніе! А какъ скоро услышала получившая исполненіе желаемаго; пользуется временемъ, объясняетъ видѣніе въ самую добрую сторону, что было и справедливо; самую

радостію своею обнаруживаетъ величіе благодѣянія, и ускоряетъ дѣло спасенія, дабы не воспрепятствовало что-нибудь призванію и не разрушило того, о чемъ столько старалась. И какъ въ то время собиралось въ Никею большое число Архіереевъ, противостать Аріеву неистовству — сему злу, недавно появившемуся и вводившему сѣченіе въ Божествѣ; то родитель предаетъ себя Богу и проповѣдникамъ истины, исповѣдуетъ предъ ними свое желаніе и ищетъ у нихъ общаго спасенія; потому что одинъ изъ нихъ былъ знаменитый Леонтій, правившій тогда нашею митрополіею.

И здѣсь по благодати совершилось чудо, умолчавъ о которомъ, я много бы погрѣшилъ противу благодати. Не мало людей, бывшихъ свидѣтелями онаго. Учители точности впадаютъ въ нѣкоторую духовную ошибку, а благодать прообразуетъ будущее, и къ оглашенію примѣшивается образъ священства. Подлинно невольное посвященіе! Ему велятъ преклонить колѣно, и въ семъ положеніи совершается онъ словами оглашенія; почему многіе изъ присутствовавшихъ, не только люди высокаго ума, но и гораздо ихъ низшіе, прорекаютъ будущее, не неясными знаменіями будучи удостовѣрены въ имѣющемъ послѣдовать.

Въ скоромъ времени присоединяется къ сему чуду другое. Предложу о семъ во услышаніе однихъ вѣрныхъ: ибо душамъ нечистымъ все прекрасное кажется невѣроятнымъ. Родитель приступаетъ къ возрожденію водою и духомъ, чрезъ которое, какъ исповѣдуемъ предъ Богомъ, образуется и совершается человекъ Христовъ, земное прела-

гается въ духъ и возсозидается. Приступаетъ же къ омовенію съ пламеннымъ желаніемъ, съ свѣтлою надеждою, предпочистивъ себя, сколько могъ, ставъ по душѣ и по тѣлу гораздо чище готовившихся принять скрижали отъ Моисея. Ибо ихъ очищеніе простиралось на однѣ одежды, состояло въ кратковременномъ цѣломудріи и въ томъ, чтобы обуздать нѣсколько чрево; а для него вся протекшая жизнь была приуготовленіемъ къ просвѣщенію и очищеніемъ до очищенія, ограждающимъ даръ, дабы совершенство вѣрено было чистотѣ, и даруемое благо не подвергалось опасности отъ навыковъ противоборствующихъ благодати. При выходѣ изъ воды осіяваетъ его свѣтъ и слава достойная того расположенія, съ какимъ приступилъ онъ къ дарованію вѣры. Сіе явственнo было и для другихъ. Хотя они сохранили тогда чудо въ молчаніи, не осмѣливаясь разглашать, потому что каждый почиталъ себя одного видѣвшимъ; однако же вскорѣ сообщили о томъ другъ другу. Но тому, кто крестилъ и совершилъ его таинствомъ, видѣніе было весьма ясно и вразумительно, и онъ не могъ сохранить его втайнѣ, но всенародно возвѣстилъ, что помазалъ Духомъ своего преемника.

И да не сомнѣвается въ семъ никто изъ слышавшихъ и знающихъ, что и Моисей былъ еще малъ, а по людскому мнѣнію и вовсе не заслуживалъ вниманія, когда призывается купиною горящею, но не сгарающею, вѣриже же Тѣмъ, Кто явился въ купинѣ, и симъ первымъ чудомъ утверждается въ вѣрѣ, — тотъ, говорю, Моисей, у котораго разсѣкается море, дождится хлѣбъ, камень источаетъ воду, столбъ

огненный и облачный попеременно путеводствуетъ, воздѣяніе рукъ служить побѣднымъ знаменіемъ и, назнаменуя крестъ, побѣждаетъ многія тысячи. И Исаія, зритель славы и Серафимовъ, а послѣ него Іеремія, получившій великую силу надъ народами и царями, — одинъ до пророчества слышитъ Божій гласъ и очищается углемъ. (Ис. 6, 7. 8.), а другой познается до созданія и освящается до рожденія (Іер. 1, 5.). А Павелъ, великій проповѣдникъ истины, наставникъ язычниковъ въ Вѣрѣ, будучи еще гонителемъ, осіявается свѣтомъ, познаетъ Гонимата, пріемлетъ на себя великое служеніе, и потомъ наполняетъ благовѣствованіемъ всякій слухъ и разумѣніе. Нужно ли перечислять всѣхъ, которые призваны и присвоены Богомъ чрезъ чудеса подобныя тѣмъ, какими утверждёнъ въ благочестіи мой родитель?

И не лзя сказать, что одно начало было таково, такъ невѣроятно и необычайно, а послѣдующія дѣла обезславили чѣмъ-нибудь предшествовавшее, какъ бываетъ съ людьми, которые скоро начинаютъ чувствовать пресыщеніе въ добрѣ, и потомъ нерадятъ уже о преуспѣяніи, или и вовсе обращаются къ прежнимъ порокамъ. О немъ, говорю, не лзя сего сказать; напротивъ того онъ весьма былъ внимателенъ къ самому себѣ и къ предначатому. Въ немъ все имѣло взаимное согласіе, и бывшее до священства съ преимуществами священства, и бывшее по принятіи онаго съ прежними совершенствами. Не иначе прилично и начинать, какъ онъ кончилъ; не инымъ чѣмъ должно и оканчивать, какъ тѣмъ, съ чего онъ началъ.

Онъ пріемлетъ священство не съ такою опро-

метчивостію , не съ такимъ нарушеніемъ порядка, какъ дѣлается сіе нынѣ, но когда ничего уже не было пренебрежено, чтобы по очищеніи себя самого, пріобрѣсти опытность и силу очищать другихъ , какъ требуетъ сего законъ духовнаго послѣдованія. И когда пріемлетъ; тѣмъ паче прославляется въ немъ благодать , какъ благодать истинно Божія , а не человѣческая, и не какъ самозаконное стремленіе , или , по выраженію Соломона , *произволеніе духа* (Еккл. 1, 14.). Ибо Церковь, ему ввѣряемая, уподоблялась пажити, заросшей лѣсомъ и одичавшей; она недавно поступила подѣ епископское правленіе, и прежде моего родителя украшалась единымъ только мужемъ, который былъ чуднаго и ангельскаго нрава, но очень простъ въ сравненіи съ нынѣшними предстоятелями народовъ. А какъ и тотъ вскорѣ преставился; то она снова оставалась долгое время въ небреженіи , и отъ безначалія пришла въ запустѣніе. Но родитель мой съ начала безъ большаго труда умягчилъ нравы людей, какъ благоразумными пастырскими наставленіями, такъ и тѣмъ, что себя самого, подобно прекрасно отдѣланному духовному изваянію, предлагалъ въ образецъ всякаго превосходнаго дѣла. Потомъ со всѣмъ усердіемъ занявшись Божіимъ словомъ, хотя и поздно началъ учиться, въ непродолжительное время пріобрѣлъ столько мудрости, что нимало не уступалъ трудившимся долго, и получилъ отъ Бога ту особенную благодать, что содѣлался отцемъ и учителемъ Православія, не колеблющимся въ разныя стороны, смотря по обстоятельствамъ, какъ нынѣшніе мудрецы, не обоюдно и ухищренно защищающимъ

наше ученіе, какъ поступаютъ люди, не имѣющіе въ себѣ твердаго основанія вѣры, или корчемствующіе истиною. Напротивъ того, онъ былъ благочестивѣе сильныхъ въ словѣ, и сильнѣе въ словѣ отличающихся правомысліемъ; справедливѣе же сказать, занимая второе мѣсто по дару слова, превосходилъ всѣхъ благочестіемъ. Вѣдая и единого Бога въ Троицѣ покланяемаго и три (Впостаси) въ единомъ Божествѣ, онъ не держался ни Савеліева ученія объ единомъ, ни Аріева о трехъ, то-есть, Божества, какъ не сокращалъ и не разлагалъ безбожно, такъ и не разсѣкалъ на особства, неравныя или по величинѣ, или по естеству. Ибо въ комъ все непостижимо и выше нашего разумнія, въ томъ можетъ ли быть постигнуто, или объяснено самое высочайшее? И какъ измѣрять безконечное, чтобы и Божество, находя въ Немъ степени приращенія и уменьшенія, подчинить тому же самому, что свойственно вещамъ ограниченнымъ? Такъ разсуждая, сей великій Божій человекъ, истинный Богословъ, не иначе какъ съ Духомъ Святымъ приступавшій къ такимъ предметамъ, сдѣлалъ (о другомъ чемъ нужно ли и говорить?), что Церковь сія могла наименоваться новымъ Іерусалимомъ и другимъ ковчегомъ, носимымъ по водамъ, какъ при великомъ Ноѣ, отцѣ сего втораго міра; особливо же ковчегомъ, потому что явно спаслась отъ потопленія душъ и устремленія еретиковъ. И въ какой мѣрѣ она уступала другимъ Церквамъ числомъ вѣрующихъ, въ такой же мѣрѣ превзошла ихъ славою, испытавъ на себѣ тоже, что и священный Внелеемъ, которому ничто не воспрпятствовало быть

и малымъ градомъ и матерію градовъ во вселенной; потому что въ немъ родился и воспитывался Христосъ, и Творецъ и Побѣдитель міра.

Доказательствомъ же сказанному служить слѣдующее. Когда мы, вовлеченные въ худое общеніе ухищреннымъ писаніемъ и реченіемъ (з), увидѣли противъ насъ возмущившимися ревностнѣйшихъ членовъ Церкви; тогда въ-разсужденіи его одного были увѣрены, что онъ не погрѣшилъ мыслию, и чернило не очернило его души, хотя и уловленъ по простотѣ, и имѣя нековарное сердце, не уберется отъ коварства. Онъ одинъ, или вѣрнѣе сказать, онъ первый примирилъ съ собою и съ другими тѣхъ, которые по ревности къ благочестію возстали противъ насъ, и какъ послѣдніе оставили насъ, такъ первые возвратились къ намъ изъ уваженія къ Пастырю и сознавая чистоту ученія. Такъ прекращено великое смятеніе въ Церквахъ и буря ста въ тишину (Ис. 106, 29.), удержанная его молитвами и увѣщаніями; при чемъ (если должно сколько-нибудь похвалиться) и я участвовалъ въ благочестіи и дѣятельности; ибо помогалъ ему во всякомъ добромъ дѣлѣ, и какъ-бы сопутствовалъ и слѣдилъ за нимъ, почему и удостоился совершить большую часть дѣла. Но на семъ да остановится слово, предупредившее нѣсколько порядкомъ событій.

(з) Св. Богословъ разуметь здѣсь то обстоятельство, случившееся съ его родителемъ, что онъ, по простотѣ, подписался къ изложенію Вѣры, составленному прикровенными Аріанами, въ которомъ слово *μονοθεος* (единосушный), съ малою перемѣною замѣнено было словомъ *ὁμοθεος* (подобосушный.)

Кто же, или исчислить множество его доблестей, или, желая умолчать о нѣкоторыхъ, безъ труда найдеть такія, о которыхъ можно и не говорить? Ибо все, что ни представится вновь уму, оказывается лучшимъ предшествовавшаго, и не могу остановить-ся на семь. Другіе сочинители похвальныхъ словъ затрудняются тѣмъ, о чемъ имъ говорить, а я больше затрудняюсь тѣмъ, о чемъ мнѣ не говорить. Самое обиліе обращается для меня нѣкоторымъ образомъ во вредъ; и мысль, пытаясь взвѣсить его дѣла, сама подвергается испытанію; потому что не въ силахъ найдти, которому изъ равноцѣнныхъ качествъ отдать преимущество. Что видимъ на стоячихъ водахъ, когда упавшій камень дѣлается средоточіемъ многихъ одинъ за другимъ появляющихся круговъ, при чемъ каждый образующійся внутри кругъ непрестанно расторгаетъ собою круги внѣшніе; тоже самое происходитъ теперь и со мною. Едва приходитъ что-либо на мысль, какъ уже слѣдуетъ за тѣмъ и еще и еще новое; и не успѣю сдѣлать выбора, какъ представлявшееся прежде уступило уже мѣсто представившемуся вновь.

Кто былъ ревностиѣ его въ дѣлахъ общественныхъ? Кто оказалъ болѣе любомудрія въ дѣлахъ домашнихъ? Ибо и домъ и соразмѣрное имущество даровалъ ему Богъ, все устрояющій премудро и разнообразно. А къ нищимъ — сей самой презрѣнной части равночестьяго съ нами естества — у кого было сострадательнѣе сердце, щедрѣе рука? Дѣйствительно, какъ приставникъ чужаго имущества разсуждалъ онъ о собственномъ, чѣмъ только могъ, облегчая нищету, и иждивая не одни избытки, но и са-

мое необходимое, что конечно служитъ весьма яснымъ доказательствомъ его нищелюбія. Не только, по закону Соломонову, давалъ *часть седмицъ* (Еккл. 11, 2.), но не расчитывалъ, если приходится и осмѣй; охотнѣе расточалъ, чѣмъ иные пріобрѣтаютъ; отъялъ *отъ себе союзъ и рукобіеніе* (что, какъ дамаю, означаетъ скупость и развѣдыванія — достоинъ, или нѣтъ пріемлющій милостыню) и *глаголь роптанія* при подаваніи (Ис. 58, 9.), чѣмъ страждутъ многіе, подавая, но безъ усердія, которое важнѣе и совершеннѣе самаго подаванія. Ибо гораздо лучше для достойныхъ простирать руку и недостойнымъ, нежели изъ опасенія — встрѣтиться съ недостойными, лишать, благодаренія и достойныхъ. Сіе, по моему мнѣнію, и означаетъ то, что надобно посылать хлѣбъ свой даже на воду (Еккл. 11, 1.); онъ не разсыплется и не пропадетъ предъ праведнымъ Судією, но достигнетъ туда, гдѣ положено будетъ все наше, и гдѣ найдемъ его во время свое, хотя о томъ и не думаемъ.

Но всего превосходнѣе и выше въ родителѣ было то, что онъ, при равнодушіи къ богатству, былъ равнодушенъ и къ славѣ. И я хочу показать, въ какой именно мѣрѣ и какимъ образомъ. И имѣніе и усердіе подавать были у него общія съ супругою; потому что оба соревновали другъ другу во всемъ прекрасномъ. Но большая часть подаваній лежала на ея рукахъ; потому что она въ подобныхъ дѣлахъ была лучшею и вѣрнѣею распорядительницею. И подлинно жена щедролубивая! Если бы позволили ей черпать изъ Атлантическаго, или другаго обширнѣйшаго моря, и того бы ей не

достало: такъ велико и непомерно было въ ней желаніе подавать милостыню! Она подражала Соломоновой *півѣщъ* (Прит. 30, 15.), только въ противномъ—въ ненасыщаемости добрымъ, препобѣждала же въ себѣ алканіе худшаго, и не знала сытости только въ усердіи дѣлать добро. Все имущество, какое у нихъ было, и какое присовокупилось въ-послѣдствіи, почитала она скуднымъ для своего желанія; но если бы можно было, въ пользу нищихъ (какъ неоднократно слыхалъ я отъ нея) отдала бы себя и дѣтей. А потому родитель ей предоставилъ подаванія въ полную свободу, что, мнѣ кажется, выше всякаго примѣра. Ибо и въ другомъ можно безъ труда найти равнодушіе къ богатству; его губятъ, чтобы заставить о себѣ говорить и чтобы пріобрѣсть значительность въ обществѣ; его даютъ также въ заемъ Богу чрезъ нищихъ, и въ семъ единственно случаѣ расточающіе сберегаютъ его для себя. Но едва-ли скоро найдемъ челоуѣка, который бы уступилъ другому и самую славу, пріобрѣтаемую щедростію. Ибо честолюбіе дѣлаетъ многихъ готовыми къ расточительности; но гдѣ подаваніе невидно, тамъ и тратятъ неохотно. — Такъ расточала рука моего родителя; а большая часть сихъ дѣлъ его пусть останется извѣстною только знавшимъ его. Если и о мнѣ говорятъ что-либо подобное; оно выходитъ изъ того-же источника, и составляетъ часть одного потока.

О комъ справедливѣе можно сказать, что онъ съ Богомъ дѣйствовалъ, когда избиралъ людей для алтаря, или ревновалъ о поруганіяхъ оному, или со страхомъ очищалъ священную трапезу отъ не-

освященныхъ? Кто съ такою непоколебимостію воли, съ такою строгою справедливостію судилъ дѣла, ненавидѣлъ порокъ, чтилъ добродѣтель, предпочиталъ добродѣтельныхъ? Кто былъ столько снисходителенъ къ согрѣшающимъ, и оказывалъ столько пособій благоуспѣвающимъ? Кто лучше зналъ время жезла и палицы (и) (Пс. 22, 4.), и чаще дѣйствовалъ палицею? Чьи очи были паче *на вѣрныя земли* (Пс. 100, 6.), и кромѣ другихъ были на тѣхъ, которые въ уединеніи и внѣ брака живутъ для Бога, презрѣвъ землю и все земное? Кто больше обуздывалъ высокомеріе и любилъ смиренномудріе? И любилъ не притворно и не на показъ, какъ многіе нынѣ представляющіе изъ себя мужей любомудрыхъ, и по наружности столько же нарядные, какъ и тѣ глупыя жены, которыя, по недостатку собственной красоты, прибѣгаютъ къ румянамъ и прекрасно (сказалъ бы я) позорятъ себя, дѣлаясь безобразнѣйшими отъ самаго благообразія, и гнуснѣйшими по причинѣ своей гнусности. Но онъ поставлялъ смиреніе не въ одеждѣ, а въ благоустройствѣ души; и выражалъ оное не согбеніемъ выи, не пониженіемъ голоса, не наклоненіемъ внизъ лица, не густотою усовъ, не обритіемъ головы, не походкою; такъ-какъ все сіе прикрываетъ челоуѣка не на долго, и вскорѣ изобличается, потому что и все притворное непостоянно. Напротивъ того, онъ былъ всѣхъ выше по жизни, и всѣхъ смиреннѣе во мнѣніи о себѣ. По добродѣтели недоступенъ (i),

(и) Перваго для наказанія, второй для подпоры.

(i) То-есть, неподражаемъ.

а въ обращеніи весьма доступенъ. Онъ не отличалъ себя одеждою, въ равной мѣрѣ убѣгая и превозношенія и униженія; но внутреннимъ достоинствомъ былъ выше многихъ. И хотя не менѣе всякаго другаго укрощалъ недугъ и ненасытность чрева, однако же не думалъ о семъ высоко; одно дѣлалъ для того, чтобы очистить себя; другое, чтобы не возгордиться, привлекая славу новостію. Ибо все дѣлать и говорить съ тѣмъ, чтобы за сіе прославляли посторонніе, свойственно человѣку мірскому, для котораго нѣтъ инаго блаженства, кромѣ настоящей жизни. А человѣкъ духовный и Христіанинъ долженъ имѣть въ виду одно спасеніе, и, что ведетъ къ нему, высоко цѣнить, а что не ведетъ, презирать, какъ ничего нестоющее; и потому ни во что ставить все видимое, заботиться же единственно о томъ, какъ достигнуть внутренняго совершенства, и то почитать выше всего, что можетъ самого сдѣлать наиболѣе достойнымъ, а чрезъ него и другихъ привлечь къ совершенству.

Но превосходнѣйшими качествами въ моемъ родителѣ, ему преимущественно свойственными, и для многихъ не безызвѣстными были простота, нравъ чуждый всякаго лукавства и непамятозлобіе. И въ Ветхомъ и въ Новомъ Завѣтѣ видимъ, что одинъ преуспѣвалъ въ одномъ, другой въ другомъ, въ какой мѣрѣ каждый удостоивался получить отъ Бога какую-либо благодать, на примѣръ: Іовъ — твердость и непреодолимость въ страданіяхъ; Моисей и Давидъ — кротость; Самуилъ — даръ пророчества и прозрѣнія въ будущее; Финеесъ — равность, по которой дано ему и имя; Петръ и Павелъ — неуто-

мимость въ проповѣданіи ; сыны Зеведеовы — велегласіе, почему и названы сынами грома. Но для чего перечислять всѣхъ?—я говорю знающимъ. Стефанъ и отецъ мой ничѣмъ столько не отличались, какъ незлобіемъ. Первый въ опасности жизни не возненавидѣлъ убійцъ, но побиваемый камнями молился за убивающихъ, какъ Христовъ ученикъ, за Христа страждущій и плодоносящій Богу нѣчто высшее самой смерти—долготерпѣніе. У послѣдняго не бывало промежутка времени между выговоромъ и прощеніемъ, такъ что скоростію помилованія почти закрывалось огорченіе, причиненное выговоромъ. Слышимъ и вѣруемъ, что есть дрожжи гнѣва и въ Богѣ—остатокъ негодованія на достойныхъ сего; ибо *Богъ отмщеній Господь* (Пс. 93, 1.). И хотя по челоуколюбію Своему преклоняется Онъ отъ строгости къ милосердію; однако же не совершенно прощаетъ грѣшниковъ, чтобы милость не сдѣлала ихъ худшими. Такъ и родитель мой ни мало не питалъ негодованія на огорчившихъ, хотя и не былъ вовсе неуязвимъ гнѣвомъ, особенно же препобѣждался ревностію въ дѣлахъ духовныхъ; кромѣ тѣхъ случаевъ, когда бывалъ приготовленъ и вооруженъ, и оскорбительное встрѣчалъ какъ врага усмотрѣннаго издали; тогда, какъ говорится, не поколебали бы его и тысячи. Но и гнѣвъ его былъ пріятель; онъ былъ не *ярость по подобію змиину* (Пс. 57, 5.), которая воспламеняется внутри, готова ко мщенію, съ перваго движенія переходитъ въ гнѣвъ и желаніе возмездія, но походилъ на жало пчелы, уязвляющее, а не умерщвляющее. Челоуколюбіе же его было болѣе, нежели челоу-

ческое Въ числѣ угрозъ бывали иногда колеса и бичи, являлись исполнители наказанія; бывала опасность пожатія ушей, удара въ щеку, пораженія въ челюсть; и тѣмъ прекращалась угроза. Съ преступника совлекали одежду и обувь, распростирали его по землѣ, и потомъ гнѣвъ обращаемъ былъ не на обидчика, а на того, кто усердно содѣйствовалъ, какъ на служителя злу. Могъ ли кто быть его милостивѣе и достойнѣе приносить дары Богу? Не рѣдко едва приходилъ въ раздраженіе, какъ уже прощаль раздражившаго, стыдясь его паденій, какъ своихъ собственныхъ. Роса долѣе выдерживаетъ солнечный лучъ, падающій на нее утромъ, чѣмъ въ немъ удерживался какой-либо остатокъ гнѣва. Напротивъ того, едва начиналъ говорить, какъ съ словами проходило и негодованіе, оставляя по себѣ одно добротолубіе. Да и никогда не продолжалось его негодованіе по захожденіи солнца, не питало гнѣва, который губить и благоразумныхъ, не оставляло худыхъ слѣдовъ въ тѣлѣ, но сохранялось спокойствіе и среди самаго возмущенія. А потому онъ испыталъ на себѣ ту необычайность, что хотя не онъ одинъ подвергалъ наказаніямъ, однако же его одного любили и уважали наказываемые; потому что онъ побѣждалъ вспыльчивость милостію. И дѣйствительно, терпѣть наказаніе отъ праведнаго лучше, нежели умащаться елеемъ нечестиваго. Ибо самая суровость одного пріятна по причинѣ пользы, а милость другаго подозрительна по причинѣ его злонравія.

Но при такихъ душевныхъ качествахъ, имѣя нравъ простой и богоподобный, родитель мой

былъ для оскорбителей нѣсколько и страшень своимъ благочестіемъ; вѣрнѣе же сказать, всего болѣе поражала ихъ самая пренебрегаемая ими простота. Ибо не произносилъ онъ ни одного слова, молитвеннаго или клятвеннаго, за которымъ бы не послѣдовало тотчасъ или долговременное благо, или временная скорбь. Но первое выходило изъ глубины души, а послѣднее являлось только на устахъ, и было одно отеческое вразумленіе. Такъ многихъ изъ огорчившихъ его постигло не позднее воздаяніе и не сзади идущее правосудіе, какъ сказано у стихотворца (к); но они были поражаемы при первомъ движеніи гнѣва, раскаявались, притекали къ нему, падали на колѣна, получали прощеніе, и отходили прекрасно побѣжденными—исправившимися, уцѣломудренными и прощенными. Ибо и прощеніе не рѣдко ведетъ ко спасенію, обуздывая обидчика стыдомъ, изъ состоянія страха приводя его въ чувство любви и самое твердое благорасположеніе. Вразумленія же бывали различны; иныхъ бросали вверхъ волы, сдавленные ярмомъ и нечаянно набѣжавшіе, чего не случалось съ ними прежде; другихъ повергали на землю и топтали кони, дотолѣ самые покорные и смиренные; а нѣкоторыхъ постигала сильная горячка, и мучили мечтанія о собственныхъ проступкахъ. Для иныхъ бывали вразумленія и другаго рода, и претерпѣваемое ими научало ихъ послушанію.

(к) У Пиндара.

Такова и столь извѣстна была въ родителей моемъ кротость! Но кому же уступалъ онъ въ искусствѣ вести дѣла и въ дѣятельности? Конечно никому. Напротивъ того, хотя онъ былъ кротокъ въ большей мѣрѣ, нежели кто-либо другой; однако же при кротости былъ и дѣтеленъ. Хотя простота и суровость суть два качества всего болѣе одно другому противящіяся и противоположныя, потому что первая при кротости не дѣтельна, а другая при дѣятельности не человѣколюбива; впрочемъ въ немъ оба сія качества были соединены чуднымъ образомъ. Въ ходатайствахъ, предстательствахъ и во всѣхъ дѣлахъ правленія онъ дѣйствовалъ, какъ человѣкъ строгій, но съ кротостію, и уступалъ, какъ человѣкъ недѣятельный, но съ искусствомъ. Соединяя въ себѣ мудрость змія въ-разсужденіи зла, и незлобіе голубя въ-разсужденіи добра, онъ не попускалъ и благоразумію дѣлаться злотворнымъ, и простотѣ доходить до слабоумія, но изъ обоихъ совершенствъ, какъ можно было лучше, составилъ одну добродѣтель. Чтò же удивительнаго, если при такихъ доблестяхъ, такъ священноначальствуя, и снискавъ у всѣхъ такую славу, удостоился онъ наконецъ и знаменій, каковыми Богъ утверждаетъ благочестіе?

Вотъ одно изъ совершившихся на немъ чудесъ. Онъ страдалъ недугомъ, и изнемогъ въ тѣлесныхъ силахъ. Да и удивительно ли, что святые подвергаются страданіямъ? Сіе нужно или для очищенія даже малой нечистоты, или для испытанія въ добродѣтели и для искуса въ любомудрїи; или для назиданія болѣе немощныхъ, чтобы изъ примѣра

ихъ научались терпѣнію и не унывали въ страда-
ніяхъ. И такъ онъ былъ боленъ, а наступило время
святой и преславной Пасхи, сего царя дней, сея
пресвѣтлой ночи, разсѣявшей грѣховную тьму,—
ночи, въ которую при обильномъ свѣтѣ празднуемъ
собственное свое спасеніе, и какъ умерли съ умерщ-
вленнымъ за насъ Свѣтомъ, такъ и совозстаемъ съ
Воставшимъ. Въ такое время постигла его болѣзнь,
и она была, скажу не распространяясь, сильная го-
рячка съ жаромъ; вся внутренность пылала, силы
оскудѣли, а пищи не было, сонъ бѣжалъ, больной
метался и чувствовалъ трепетаніе во всѣхъ чле-
нахъ. Во рту вся внутренность—нёбо и что далѣе
нёба покрылось вередями, столько болѣзненными и
частыми, что трудно и опасно было проглотить
даже воды. Не помогали ни искусство врачей, ни
неотступныя молитвы домашнихъ, ни всѣ другія
пособія. Въ такомъ положеніи находился родитель,
дышалъ слабо и едва примѣтно, не узнавалъ пред-
стоящихъ, но весь былъ занятъ своею кончиною,
тѣмъ, чего давно желалъ, и что было ему угото-
вано. А мы были тогда во храмѣ, славили тайну и
молились; ибо, отчаявшись въ другихъ пособіяхъ,
прибѣгли къ великому Врачу, къ силѣ настоящей
ночи—къ сей послѣдней помощи. Но что готовилъ
намъ день? празднество или плачь, торжество или
погребеніе неприсутствовавшего съ нами? Сколько
слезъ пролито тогда всѣмъ народомъ! сколько слы-
шно было гласовъ, воплей и пѣсней срастворен-
ныхъ псалмопѣніями! У святилища просили священ-
ника, у таинства—таинника, у Бога—достойнаго
предстателя. И сіе совершалось съ предначатія

моей Маріамы, ударяющей въ тимпанъ не побѣд-
ный, но молитвенный, и наученной скорбію въ пер-
вый разъ отложить стыдъ и вопіять къ людямъ и
къ Богу, умоляя людей раздѣлить горестъ сѣтую-
щей и пролить съ нею слезы, а Бога прося услы-
шать молящихся, и вспоминая предъ Нимъ всѣ
прежнія чудеса Его (ибо скорбь избрѣтательна).
Что же творить Богъ сея ноци и болящаго? Съ
трепетомъ приступаю къ продолженію повѣствованія;
со страхомъ внимайте и вы, слушатели, а не
съ сомнѣніемъ, что и неприлично, когда говорю я
и о немъ. Наступило время тайнодѣйствія, началось
благоговѣнное стояніе и чинъ безмолвнаго вниманія
совершаемому; и Животворящимъ мертвыхъ, также
силою священной ноци, возставленъ болящій. Въ
немъ оказывается, сперва слабое, потомъ сильнѣй-
шее движеніе; послѣ сего, весьма тихимъ и невнят-
нымъ голосомъ назвавъ по имени одного изъ пред-
стоящихъ служителей, велитъ ему подойти, подать
одежду и поддерживать руки. Слуга съ изумле-
ніемъ подходитъ и охотно исполняетъ приказаніе.
Больной, опираясь на его руки, какъ на жезлъ,
подражаетъ Моисею на горѣ, и изнемогшія руки
устроивъ на молитву, вмѣстѣ съ народомъ своимъ
усердно совершаетъ таинство, или даже предначи-
наетъ совершеніе краткими, сколько могъ, словами,
но совершеннѣйшимъ, какъ думаю, умомъ. И
какое чудо! безъ алтаря предстоитъ алтарю, безъ
жертвенника жрецъ, священнодѣйствующій вдали
отъ священнодѣйствуемаго! Но и оно предложено
было ему Духомъ Святымъ, что и сознавалъ самъ
онъ, но не видѣли сего присутствующіе. Потомъ,

произнеся, какъ слѣдуетъ, слова Благодаренія (л) и благословивъ народъ, возлегаетъ онъ опять на одръ, и принявъ нѣсколько пищи, также вкусивъ сна, обновляется въ силахъ. Между тѣмъ, пока возрастало и укрѣплялось по-немногу здоровье, наступилъ новый день праздника, какъ именуемъ первый Господскій день, слѣдующій за днемъ Воскресенія. Тогда приходитъ во храмъ, со вѣсѣмъ церковнымъ соборомъ обновляетъ спасеніе, и приноситъ въ жертву святые Дары. И сіе, по моему мнѣнію, чѣмъ менѣе чуда, совершившагося на Езекии, котораго въ болѣзни, по молитвѣ его, прославилъ Богъ прибавленіемъ лѣтъ жизни, и это самое, по прошенію исцѣленнаго, ознаменовалъ возвращеніемъ тѣни на нѣсколько степеней, почтивъ такимъ образомъ царя вмѣстѣ и благодатію и знаменіемъ, прибавленіемъ долготы дня увѣривъ въ прибавленіи дней жизни?

Черезъ нѣсколько времени совершилось подобное чудо и надъ моею матерью, также достойное того, чтобы не умалчивать о немъ. Ибо приобщивъ здѣсь повѣствованіе объ ономъ, сколько почтимъ ее, достойную всякой чести, столько благоугодимъ и родителю. Мать моя всегда была крѣпка и мужественна, во всю жизнь не чувствовала недуговъ; но и ее постигаетъ болѣзнь. Изъ многихъ страданій, чтобы не продолжать слова, наименую самое тяжкое—отвращеніе отъ пищи, продолжавшееся многіе дни и неизлечиваемое никакимъ врачевствомъ.

(л) Евхаристіи.

104) Какъ же питаетъ ее Богъ? Не манну испосылаетъ, какъ древле Израилю; не камень разверзаетъ, чтобы источить воду жаждущимъ людямъ; не чрезъ врановъ питаетъ, какъ Илию; не чрезъ восхищаемаго пророка насыщаетъ, какъ некогда Данила, томимаго голодомъ во рвѣ. Но какимъ же образомъ? Ей представилось, будто бы я, особенно ею любимый (она и во снѣ не предпочитала мнѣ никого другаго), являюсь къ ней вдругъ ночью съ корзиною и самыми бѣлыми хлѣбами, потомъ, произнеся надъ ними молитву и запечатлѣвъ ихъ крестнымъ знаменіемъ, по введенному у насъ обыкновенію, подаю ей вкусить, и тѣмъ возстановляю и подкрѣпляю ея силы. И сіе ночное видѣніе было для нея чѣмъ-то дѣйствительно существеннымъ; ибо съ сего времени пришла она въ себя и стала не безнадѣжна. А случившееся съ нею обнаружилось яснымъ и очевиднымъ образомъ. Когда при наступленіи дня взшелъ я къ ней рано утромъ; съ перваго раза увидѣлъ ее въ лучшемъ прежняго положеніи; потомъ сталъ, по обыкновенію, спрашивать: какъ провела ночь, и что ей нужно? — Она нимало не медля и рѣчисто сказала: «самъ ты, любезный сынъ, напиталъ меня, и потомъ спрашиваешь о моемъ здоровьи. Ты весьма добръ и сострадательнъ!» Въ то же время служанки показывали мнѣ знаками, чтобы я не противорѣчилъ, но принялъ слова ея равнодушно, и открытіемъ истины не приводилъ ея въ уныніе.

Еще присовокуплю одно происшествіе, касающееся обоихъ. Плылъ я Парѣнскимъ моремъ на корабль Егинскомъ изъ Александрии въ Грецію.

Время было самое неудобное для плаванія; но меня влекла страсть къ наукамъ, особливо же ободряло то, что корабельщики были какъ-бы свои. Но едва нѣсколько совершили мы пути, поднялась страшная буря, какихъ, по словамъ пльвшихъ со мною, и не бывало дотолѣ на ихъ памяти. Всѣ пришли въ страхъ при видѣ общей смерти: но я бѣдный боялся болѣе всѣхъ за свою душу; ибо подвергался опасности умереть некрещеннымъ, и среди губительныхъ водъ желалъ воды духовной. Посему вопіялъ, просилъ и молилъ себѣ, хотя малой отерочки. Соединяли вопль свой и пльшіе со мною, не смотря на общую опасность, усерднѣе иныхъ родственниковъ. Странные подлинно челоувѣколюбцы, наученные состраданію бѣдствіемъ! Такъ страдалъ я: но со мною страдали и родители, въ ночномъ видѣніи раздѣляя мое бѣдствіе. Они съ суши подавали помощь, своею молитвою какъ-бы заговаривая волны; о чемъ узналъ я, когда въ-послѣдствіи, по возвращеніи домой высчиталъ время. Тоже самое открылъ и намъ спасительный сонъ, какъ скоро мы вкусили оный, потому что буря нѣсколько утихла. Ночь явственно мнѣ представила, что держу Эринію, которая страшно смотритъ и грозитъ опасностію. А нѣкто изъ пльвшихъ со мною, оказывавшій ко мнѣ особенное благорасположеніе и любовь, и весьма безпокоившійся о мнѣ, видѣлъ, что во время опасности мать моя вошла въ море, и взявши корабль безъ большаго труда извлекла его на сушу. И видѣніе оправдалось; ибо море стало укрощаться, а мы вскорѣ, по непродолжительномъ бѣдствіи на морѣ, пристали къ Родосу. Во время

сей-го опасности и я принесъ себя въ даръ, давъ обѣтъ, если спасусь, посвятить себя Богу, и посвятивъ спасся.

И сіе касается обонхъ; но думаю, что иные изъ коротко знавшихъ моего родителя, давно удивляются мнѣ, который такъ долго останавливаюсь на сихъ предметахъ, какъ будто это одно и могу поставить ему въ похвалу, а доселѣ не упомянулъ о тягостныхъ временахъ, съ которыми онъ боролся, какъ будто сего или не знаю, или не почитаю важнымъ. Итакъ присовокупимъ и сіе къ сказанному.

Наше время произвело на свѣтъ первое, а думаю и послѣднее, зло—царя отступника отъ Бога и отъ здраваго смысла. Почитая для себя малымъ дѣломъ покорить Персовъ, а великимъ—низложить Христианъ, при содѣйствіи побуждающихъ его къ тому демоновъ, не оставилъ онъ безъ испытанія ни одного вида нечестія: убѣждалъ, угрожалъ, лжеумствовалъ, привлекалъ къ себѣ не только ухищреніями, но и силою. Онъ не умѣлъ утаиться, какъ ни прикрывалъ гоненіе злоухищренными выдумками; но не употреблялъ своей власти и открытымъ образомъ, чтобы мы непременно были уловлены, какъ ни есть, или обманомъ, или насиліемъ. Но найдется ли человѣкъ, который бы болѣе моего родителя или презиралъ, или послужилъ къ низложенію сего царя? Доказательствомъ пренебреженія, кромѣ многого другаго, служитъ слѣдующее. Когда стрѣлки, съ предводителемъ своимъ, посланные царемъ отнимать у насъ, или разрушать священные наши храмы, послѣ нападеній на многія другія мѣста, съ такою же дерзкою мыслию пришли сюда, и началь-

никъ ихъ, по царскому указу, сталъ требовать храма: тогда не только не совершилъ онъ желаемаго, но если бы по собственному благоразумію, или по чьему-либо совѣту, не согласился уступить моему отцу, то былъ бы растоптанъ ногами. Такъ Іерей воспламенялъ всѣхъ гнѣвомъ на него и ревностію о храмѣ! Но кто же болѣе моего родителя способствовалъ къ низложенію отступника? Онъ и открыто, не смотря на обстоятельства, всенародными молитвами и моленіями поражалъ губителя, и наединѣ выводилъ противъ него свое почное ополченіе — простертіе на землѣ, изнуреніе престарѣлой и маститой плоти своей, орошеніе пола слезами. Въ таковыхъ подвигахъ провелъ онъ почти цѣлый годъ, любомудрствуя предъ единымъ Тайновѣдцемъ, отъ насъ же стараясь укрыться; потому что, какъ сказалъ я, не любилъ хвалиться своею набожностію. И конечно утаился бы, если бы не взошелъ я однажды нечаянно; и увидѣвъ слѣды его распростертія на землѣ, не вывѣдалъ у одного изъ служителей, что сіе значило, и такимъ образомъ не узналъ ночной тайны.

Вотъ и другое повѣствованіе о подобномъ опытѣ мужества и относящееся къ тому же времени. Кесарія была въ волненіи, по случаю избранія Архіерея; потому что одинъ скончался, и искали другаго. Споры были жаркіе, и трудно было положить имъ конецъ. Городъ, по свойству жителей, а особенно въ настоящемъ случаѣ по горячности вѣры, склоненъ былъ къ мятежамъ; а знаменитость каеэдри еще болѣе усиливала страсть къ преніямъ. Въ такомъ положеніи находилось дѣло, когда прибыло

нѣскольکو Епископовъ, чтобы дать городу Архіерея. Народъ раздѣлился на многія части, какъ обыкновенно бываетъ въ такихъ случаяхъ; одинъ предлагалъ того, другой другаго, руководясь, кто дружескими связями, кто страхомъ Божиимъ. Наконецъ всѣ приходять въ согласіе, и одного изъ первостепенныхъ гражданъ (м), отличнаго по жизни, но еще не запечатлѣннаго божественнымъ Крещеніемъ, взявъ противъ воли его, при содѣйствіи военной силы, вступившей тогда въ городъ, возводятъ на престолъ, а потомъ представляютъ Епископамъ, убѣждая ихъ, и даже насильно требуя, чтобы избраннаго сподобили Таинства и нарекли Архіереемъ. Поступокъ не весьма законный, однако же показывающій сильную и пламенную вѣру! И нельзя сказать, чтобы здѣсь оказалъ себя кто-нибудь болѣе праводушнымъ и богобоязненнымъ, нежели мой родитель. Ибо чѣмъ окончилось дѣло, и до чего простерся мятежъ? Вынужденные Епископы очистили избраннаго Крещеніемъ, нарекли и возвели на престолъ, дѣйствуя болѣе руками, нежели произволеніемъ и расположеніемъ духа, какъ показало послѣдствіе. Ибо они, едва съ радостію удалились изъ города и получили полную свободу располагать собою, какъ совѣщаваютъ между собою совѣтъ (не знаю, духовный ли?), и опредѣляютъ признавать какъ все совершенное ими не имѣющимъ силы, такъ и поставленіе Епископа незаконнымъ, поставляя ему въ вину сдѣланное имъ

(м) Евсевія.

принужденіе (хотя и самъ онъ потерпѣлъ не меньше), и воспользовавшись нѣкоторыми выраженіями, какія онъ будто бы произнесъ тогда, показавъ въ нихъ болѣе опрометчивости, нежели мудрости. Но великій Архіерей и правдивый цѣнитель дѣлъ не послѣдовалъ давшимъ такое опредѣленіе, и не одобрилъ ихъ мнѣнія; но пребылъ непреклоннымъ и непреодолимымъ, какъ-бы онъ вовсе не потерпѣлъ никакого принужденія. Ибо разсуждалъ: поелику принужденію подверглись обѣ стороны; то надобно, чтобы или обвиняющіе были обвинены, или прощающіе прощены, или, что справедливѣе, прощающіе не прощены. Если поставившіе достойны извиненія, то необходимо достойнъ онаго и поставленный. А если послѣдній не достоинъ, то ни подъ какимъ видомъ не достойны первые. Гораздо было лучше тогда претерпѣть бѣдствіе и упорствовать до конца, нежели входить въ совѣщаніе послѣ, и притомъ въ такія времена, когда всего полезнѣе прекращать старыя вражды, а не заводить новыя. Такъ происходило дѣло. Между тѣмъ приближался царь, исполненный ярости на Христіанъ, и, будучи раздраженъ рукоположеніемъ, угрожалъ повопоставленному; городъ былъ какъ-бы на остріѣ бритвы, и неизвѣстно было, не погибнетъ ли онъ черезъ день, или найдетъ еще сколько-нибудь челоуѣколюбія, и спасется. Препрежнее негодованіе на гражданъ за храмъ богини счастья, разрушенный ими во времена счастливыя, усилено было послѣднимъ избраніемъ Епископа, которое царь почиталъ наравнѣ съ разграбленіемъ народнаго достоянія. Притомъ областный начальникъ, который и прежде не

былъ друженъ съ новопоставленнымъ по разномыслию въ дѣлахъ гражданскихъ, старался сдѣлать ему какое-нибудь зло, чтобы тѣмъ угодить времени. Посему писалъ онъ къ рукополагавшимъ, чтобы обвинили новопоставленнаго, и писалъ не просто, но даже съ угрозами, давая знать, что требуетъ сего самъ царь. Тогда пришло письмо и къ моему родителю. Но онъ, нимало не устрасъ, немедленно отвѣчалъ со всею смѣлостію и полнымъ присутвіемъ духа, какъ видимъ изъ самаго отвѣта. Ибо писалъ такъ: «Достопочтенный правитель! мы во всѣхъ дѣлахъ своихъ имѣемъ единаго Судію и Царя, противъ Котораго нынѣ встаютъ. Онъ и теперъ будетъ судить насъ за рукоположеніе, которое совершено нами законно и по Его изволенію. Для васъ весьма удобно, если захотите, сдѣлать намъ насиліе въ чемъ-либо другомъ; но никто не отниметъ у насъ права защищать такое дѣло, которое совершено нами законно и справедливо; развѣ издадите еще законъ, запрещающій намъ располагать и собственными нашими дѣлами.»—Таковому отвѣту удивился и самъ получившій его, хотя нѣсколько времени и негодовалъ на оный, какъ сказывали многіе, коротко знавшіе сего начальника. Имъ остановлено и стремленіе царя; городъ спасенъ отъ опасности, (а не худо присовокупить еще) и мы избавлены отъ стыда.—Такъ дѣйствовалъ Епископъ малаго города, занимавшій второстепенную каѳедру! Такъ первенствовать не гораздо ли лучше, чѣмъ вѣщать съ высшихъ престоловъ? Не лучше ли начальствовать самымъ дѣломъ, а не по имени только?

Кто же такъ удаленъ отъ обитаемой нами вселенной, чтобы не зналъ его дѣянiя, послѣдняго по порядку, но перваго и важнѣйшаго по силѣ? — Въ томъ же городѣ, и по такой же причинѣ, произошло опять смятенiе, потому что потерпѣвшiй такое прекрасное принужденiе (н) въ скоромъ времени скончался и переселился къ Богу, за Котораго твердо и мужественно подвизался онъ во время гоненiя. Споры были тѣмъ безразсуднѣе, чѣмъ жарче. Ибо не безъизвѣстно было, кто преимуществуетъ предъ всѣми; какъ солнце передъ звѣздами. Каждый видѣлъ это ясно, особенно всѣ почтеннѣйшiе и безпристрастнѣйшiе изъ гражданъ, всѣ принадлежавшiе алтарю, и наши Назореи (о), на которыхъ однихъ, по крайней мѣрѣ большею частiю, должны были бы лежать подобныя избранiя, въ какомъ случаѣ Церковь не терпѣла бы никакого зла; тогда какъ избранiя сiи зависятъ отъ людей богатыхъ и сильныхъ, а еще болѣе отъ буйства и безразсудности черни, даже между чернiю отъ людей самыхъ послѣднихъ. Почему можно теперь думать, что народныя начальства благоустроеннѣе нашего (п) начальства, которому приписывается божественная благодать, и что въ подобныхъ дѣлахъ лучшiй правитель страхъ, а не разумъ. Ибо кто изъ благомыслящихъ сталъ бы искать другаго, миновавъ те-

(н) Епископъ Кесарiйскiй Евсевiй.

(о) Монашествующiе.

(п) Духовнаго.

бя, священная и божественная глава (р), — тебя, написаннаго на рукахъ Господнихъ (Ис. 49, 16.), не связаннаго брачными ꙗузами, нестяжателя безплотнаго и почти безкровнаго, въ знаніи словесъ перваго по Словѣ, между любомудрыми мудраго, между мірскими премірнаго, друга моего и сотрудника, (выражусь даже смѣлѣе) соучастника души моей, вмѣстѣ со мною жившаго и учившагося? Я желалъ бы, чтобъ слову дана была свобода, чтобъ оно изобразило тебя въ другомъ мѣстѣ, а не въ твоёмъ присутствіи сіе описывало, гдѣ должно оставить большую часть, избѣгая подозрѣнія въ лести. Но на чемъ остановилась рѣчь? — Духъ зналъ приснаго Ему (ибо можетъ ли не знать Онъ?); однако же зависть противоборствовала. Стыжусь говорить о семъ, не желалъ бы слышать и отъ другихъ, съ такимъ усердіемъ осмѣивающихъ наши дѣла. Подобно рѣкамъ обойдемъ камни лежащіе на теченіи, почтивъ молчаніемъ достойное забвенія, и обратимся къ продолженію слова. Мужъ исполненный Духа (с) совершенно зналъ, что угодно Духу; онъ разсуждалъ, что не должно унижаться, и въ борьбѣ съ крамолою и предубѣжденіемъ уступать больше людской милости, нежели Богу; а на противъ того надобно имѣть въ виду одно — пользу Церкви и общее спасеніе. Посему писалъ, увѣщавалъ, соглашалъ народъ, священниковъ и всѣхъ служащихъ алтарю, свидѣтельствовалъ, подавалъ

(р) Св. Григорій обращаетъ слова сіи къ св. Василию Великому.

(с) Родитель Св. Григорія Богослова.

голосъ, рукополагалъ даже заочно, и заставлялъ чужихъ, подобно своимъ, уважать сѣдину. Наконецъ, поелику требовала нужда, чтобы рукоположеніе его (т) было согласно съ правилами, а число нарекающихъ было не полно и не доставало одного: то самъ удрученный старостию и недугомъ, отрывается отъ болѣзненнаго одра, съ бодростию юноши идетъ, или лучше сказать, съ мертвымъ и едва дышущимъ тѣломъ приносится въ городъ, увѣренный, что если постигнетъ его смерть, то попечительность сія составитъ для него прекрасную погребальную ризу. И здѣсь совершается нѣчто чудное, но не невѣроятное; онъ укрѣпляется трудомъ, юнѣетъ усердіемъ, распоряжаетъ, препирается, возводитъ на престолъ, возвращается домой, и носилы его служатъ ему не гробомъ, но Божиимъ кивотомъ. И если недавно восхвалялъ я его великодушіе, то въ семь случаевъ оказалось оно еще въ большей мѣрѣ. Когда сослужители его не могли снести стыда, что они побѣждены, а старецъ со властію располагаетъ дѣлами, и за сіе негодовали на него и злословили его: тогда онъ укрѣпился терпѣніемъ, и одержалъ надъ ними верхъ, взявъ въ пособіе себѣ дѣйствительнѣйшее средство — кротость и то, чтобы на злословіе не отвѣчать злословіемъ. Ибо для побѣдившаго на самомъ дѣлѣ какая опасность остаться побѣжденнымъ на словахъ? А посему когда самое время оправдало его мнѣніе; такъ плѣнилъ онъ великодушіемъ своихъ против-

(т) Св. Василія Великаго во Архієпископа Кесарійскаго.

никовъ, что, перемѣнивъ негодованіе въ удивленіе, они извинялись передъ нимъ, припадали къ колѣнамъ, стыдились прежнихъ поступковъ, и отложивъ ненависть, признали его своимъ патріархомъ, законодателемъ и судіею.

Съ таковою же ревностію возставалъ онъ и противъ еретиковъ, когда ополчились на насъ вмѣстѣ съ нечестивымъ царемъ, и поработивъ почти уже всѣхъ, думали и насъ совратить и приобщить къ другимъ. И здѣсь оказалъ онъ намъ не малую помощь, какъ самъ, такъ можетъ-быть и чрезъ меня, котораго онъ, какъ молодаго пса нехудой породы, для упражненія въ благочестіи выводилъ противъ сихъ лютыхъ звѣрей.

За одно жалуясь на обоихъ (у). Не огорчитесь моимъ дерзновеніемъ; ибо объявлю скорбь свою, хотя это и горестно! — Жалуясь на обоихъ, что меня, огорченнаго бѣдствіями жизни сел, любящаго пустыню, какъ едва-ли любить кто другой изъ нашихъ, употреблявшаго всѣ усилія, какъ можно скорбе, уклониться отъ общей бури и праха, и спастись въ безопасное мѣсто, подъ благовиднымъ именемъ священства (не знаю, какимъ образомъ), предали вы на сіе безпокойное и злокозненное торжище душъ, отъ чего немало зла, или уже потерпѣлъ я, или надѣюсь еще потерпѣть; ибо понесенныя мною страданія обезнадеживаютъ даже и въ будущемъ, хотя разумъ, предполагая лучшее, и увѣряетъ въ противномъ.

(у) На своего родителя и Св. Василія Великаго, изъ которыхъ послѣдній рукоположилъ его въ Епископа.

Но не умолчу о слѣдующемъ добромъ качествѣ въ моемъ родителѣ. Онъ во всемъ былъ терпѣливъ и выше нуждъ земной оболочки. Когда же страдалъ отъ послѣдняго недуга, начавшагося вмѣстѣ съ старостію, весьма продолжительнаго и мучительнаго: тогда болѣзненное состояніе было для него нѣчто общее со всѣми людьми, но въ перенесеніи болѣзни не имѣлъ онъ ничего общаго съ другими; а напротивъ того здѣсь видно было нѣчто ему одному свойственное и подобное чудесамъ, совершившимся съ нимъ прежде. Часто не проходило дня, даже часа, въ который бы не чувствовалъ онъ болѣзненныхъ припадковъ; но укрѣплялъ себя единою Литургіею, и болѣзнь, какъ-бы гонимая чьимъ повелѣніемъ, оставляла его. Проживъ почти до ста лѣтъ, сверхъ предѣловъ, положенныхъ Давидомъ пребыванію нашему на землѣ, и изъ нихъ сорокъ пять лѣтъ, что составляетъ мѣру человѣческой жизни, проведя въ священствѣ, отрѣшается онъ наконецъ отъ жизни въ старости доброй. И какъ отрѣшается? Въ молитвенномъ положеніи и съ словомъ молитвы, не оставляя и слѣда злобы, но оставивъ множество памятниковъ добродѣтели. А потому у каждаго на языкѣ и въ сердцѣ уваженіе къ нему болѣе, нежели человѣческое. И не легко найдти человѣка, который бы, вспоминая о немъ, не лобызалъ его въ своемъ воображеніи, по слову Писанія, *положивъ на устѣхъ руку* (Іов. 39, 34). Такова была жизнь его, таковы послѣдніе дни жизни, такова кончина!

Поелику же нужно было, чтобы и для потомства остался памятникъ его щедрости; то можно ли же-

лать лучшаго, чѣмъ этотъ храмъ, воздвигнутый имъ Богу и для насъ? Не многимъ воспользовавшись изъ народнаго подаянія, а большую часть пожертвовавъ отъ себя, совершилъ онъ дѣло, о которомъ не лзя умолчать, разумѣю храмъ, величиною превосходящій многіе, и красотою почти всѣ другіе храмы. Имѣя видъ равносторонняго осмиугольника, надъ прекрасными столпами и крыльцами подымають онъ вверхъ свои своды съ изображеніями на нихъ, не уступающими самой природѣ, а сверху осіяваетъ небомъ и озаряетъ взоры обильными источниками свѣта, какъ истинная его обитель; со всѣхъ сторонъ окруженъ переходами, выдающимися подъ равными углами, сдѣланными изъ блестящаго вещества и заключающими внутри себя большее пространство. Сія изяществомъ дверей и преддверій, приглашаетъ онъ издали приходящихъ; не говорю уже о внѣшнемъ украшеніи, о красотѣ четверугольныхъ камней, непримѣтно между собою соединенныхъ, изъ которыхъ одни, въ основаніяхъ и надглавіяхъ, украшающихъ углы, мраморные, а другіе добыты здѣсь, но ничѣмъ не уступаютъ чужеземнымъ. Не говорю о различныхъ видахъ и цвѣтомъ, выдавшихся и вдавшихся поясахъ отъ основанія до вершины, которая, ограничивая взоръ, подавляетъ собою зрителя. Но какъ могло бы слово въ столь короткое время изобразить произведеніе, которое требовало большаго времени, многихъ трудовъ и искусства? Или довольно будетъ сказать одно то, что когда другіе города украшаются многими, и частными и общественными, зданіями, намъ одно сіе зданіе пріобрѣтеть

славу у многихъ? Таковъ сей храмъ! А какъ для храма нуженъ сталъ іерей; то отъ себя же даетъ и іерея, не могу сказать, соотвѣтствующаго ли храму, однакоже даетъ. Поелику же требовались и жертвы; то предлагаетъ въ жертву страданія сына и его терпѣніе въ страданіяхъ, да будетъ отъ него Богу, вмѣсто подзаконной жертвы, всеплодіе словесное, жертва духовная, прекрасно потребляемая.

Что скажешь, отецъ мой? Достаточно ли сего? И сіе мое похвальное слово, напутственное или надгробное, примешь ли въ воздаяніе за труды, какими ты обременялъ себя для моего образованія? И дашь ли, по древнему обычаю, миръ слову? Здѣсь ли положишь ему предѣлъ, не терпя того, чтобы оно вполнѣ было соразмѣрно твоимъ заслугамъ? Или пожелаешь какихъ дополненій? Знаю, что и симъ удовлетворишься. Но хотя и достаточно этого; позволь еще присовокупить слѣдующее. Повѣдай намъ: какой сподобился ты славы, какимъ облеченъ свѣтомъ, какимъ облечется вскорѣ супружница твоя, какимъ облечены чада, которыхъ самъ ты предалъ погребенію; прими и меня въ тѣже селенія, или прежде новыхъ злостраданій, или по краткомъ злостраданіи въ жизни сей! А прежде горнихъ селеній, симъ сладостнымъ камнемъ, который приготовилъ ты для обоихъ, еще здѣсь почитивъ твоего и соименнаго тебѣ іерея, извини меня за сіе слово, съ твоего позволенія и предложенное и предначатое, и безбѣдно веди, во-первыхъ, всю твою паству и всѣхъ Архіереевъ, именовавшихъ тебя отцемъ своимъ, а преимуществен-

но меня потерпѣвшаго отъ тебя принужденіе, и надъ которымъ ты властительствовалъ отечески и духовно; веди безбѣдно, чтобы мнѣ не всегда жаловаться на твое принужденіе.

Что же думаешь ты (ф), судія словъ и движеній моихъ? Если сказаннаго достаточно, и ожиданіе твое удовлетворено: произнеси приговоръ; я приемлю оный. Ибо судъ твой по-истинѣ судъ Божій. Если же слово мое ниже и его (х) славы, и твоего ожиданія: помощникъ близко; — какъ благовременный дождь, пошли гласъ твой, котораго ожидаютъ его доблести. И конечно не маловажны причины, по которымъ онъ обязываетъ тебя къ сему, и какъ пастырь пастыря, и какъ отецъ сына по благодати. Что удивительнаго, если тотъ, кто чрезъ тебя возгремѣлъ въ слухъ вселенной, самъ насладится, сколько-нибудь твоимъ гласомъ?

Что же остается еще? Вмѣстѣ съ духовною Саррою, супругою великаго отца нашего Авраама, и ему равнолѣтною, полюбомудрствовать нѣсколько о погребальномъ. Матерь моя! — не одинаково естество Божеское и человѣческое, или, говоря общѣ, неодинаково естество божественнаго и земнаго. Въ божественномъ неизмѣняемо и безсмертно какъ самое бытіе, такъ и все имѣющее бытіе; ибо въ постоянномъ все постоянно. Что же бываетъ съ нашимъ естествомъ? — Оно течетъ, соглѣваетъ, и испытываетъ перемѣну за перемѣной. Посему жизнь и смерть, нами такъ назы-

(ф) Обращеніе къ Св. Василю Великому.

(х) Родителя Св. Григорія Богослова.

ваемыя, какъ ни различны по-видимому между собою, входятъ нѣкоторымъ образомъ одна въ другую и смѣняють другъ друга. Какъ жизнь, начинаясь тлѣніемъ — нашею матерью, и продолжаясь черезъ тлѣніе — непрестанное измѣненіе настоящаго, оканчивается тлѣніемъ — разрушеніемъ сея жизни: такъ смерть, избавляющая насъ отъ здѣшнихъ бѣдствій и многихъ приводящая въ жизнь горнюю, не знаю, можетъ ли быть названа въ собственномъ смыслѣ смертію. Она страшна только именемъ, а не самымъ дѣломъ; и едва-ли не безразсудной предаемся мы страсти, когда боимся того, что не страшно, а гонимся, какъ за вожделѣннымъ, за тѣмъ, чего должно страшиться. Одна для насъ жизнь — стремиться къ жизни; и одна смерть — грѣхъ, потому что онъ губить душу. Все же прочее, о чемъ иные думаютъ много, есть сонное видѣніе, играющее дѣйствительностію, и обманчивая мечта души. Если же такъ будемъ разсуждать, мать моя; то не будемъ и о жизни думать высоко, и смертію огорчаться чрезъ-мѣру. Что ужаснаго въ томъ, что преселяемся мы отсель въ жизнь истинную, избавившись превратностей, пучинъ, сѣтей, постыднаго оброка и вмѣстѣ съ постоянными и непреходящими существами будемъ ликовать какъ малые свѣты окрестъ великаго Свѣта? Тебя печалить разлука; да возрадуетъ же надежда. Для тебя страшно вдовство; но оно не страшно для него. И гдѣ же будетъ доброта любви, если будемъ для себя избирать легкое, а ближнему отдѣлять труднѣйшее? Во всякомъ случаѣ что тяжкаго для той, которая сама вскорѣ разрѣшится? Срокъ бли-

Ч. II. 10

зокъ; скорбь не продолжительна. Не станемъ малодушными помыслами обращать легкаго въ тягостное. Великаго лишились мы; за то и обладали великимъ. Потери несутъ всѣ, а обладают не многіе. Да не сокрушаетъ первое, но да утѣшаетъ послѣднее. Справедливость требуетъ, чтобы лучшее одерживало верхъ. Ты съ великимъ мужествомъ и любомудріемъ переносила потерю дѣтей, которыя были еще въ цвѣтущихъ лѣтахъ и годны для жизни; перенеси же смерть престарѣлой плоти, утружденной уже жизнію, хотя душевная сила и сохраняла въ ней чувства здоровыми. Но ты имѣешь нужду въ попечителѣ? Гдѣ же твой Исаакъ, котораго оставилъ онъ тебѣ въ-замѣнъ всѣхъ? Требууй отъ него малаго — руководенія и услугъ; и воздай ему вѣщнее — матернее благословеніе, молитвы и будущую свободу. Но ты негодуешь за предложеніе совѣтовъ: хвалю за сіе; потому что сама подавала совѣты многимъ—всѣмъ, кто ни прибѣгалъ къ твоему благоразумію во время продолжительной твоей жизни. Не къ тебѣ и слово, любомудрѣйшая изъ женъ; пусть будетъ оно общимъ врачевствомъ утѣшенія для плачущихъ, да разумѣютъ сіе люди, предпосылающіе подобныхъ себѣ людей!

С Л О В О 19,

ГОВОРЕННОЕ СВ. ГРИГОРИЕМЪ ВОГОСЛОВОМЪ О СЛОВАХЪ СВОИХЪ ЮЛІАНУ, ПРОИЗВОДИВШЕМУ НАРОДНУЮ ПЕРЕЧИСЬ И УРАВНЕНІЕ ПОДАТЕЙ.

Какая насильственная власть, которая постоянно мучить меня изъ любви! Какая моя мудрость и опытность, когда каждый праздникъ вызываютъ меня на борьбу! Я не нахожу въ себѣ никакой мудрости, ни опытности, какъ ни разбираю и ни испытываю самъ себя. Одно, правда, сознаю въ себѣ, что можетъ-быть и не маловажно, хотя нѣкоторше называютъ это скудоуміемъ,—я бы желалъ каждую минуту умерщвлять въ себѣ жизнь, а жить жизнію сокровенною во Христѣ, стать не мелочнымъ купцомъ, но на все, что имѣю у себя, купить драгоценную жемчужину, все преходящее и тлѣнное промѣнявъ на постоянное и небесное. Такое пріобрѣтеніе конечно всего важнѣе и надежнѣе для имѣющаго умъ. Но если сіе для меня невозможно, то я желалъ бы устоять по крайней мѣрѣ въ другомъ, и престоль уступить желающимъ, а самому всю жизнь быть ребенкомъ и ученикомъ, пока не измою всей горечи сладкими водами ученія. Пусть было бы сіе однимъ и первымъ дѣломъ моего любо-

иудрія или скудоумія; а вторымъ и важнѣйшимъ слѣдующее: поелику я не въ-состояніи удерживать словомъ моимъ слово многихъ и овладѣвшее нынѣ всѣми стремленіе и желаніе учить и говорить о духовномъ, не имѣя въ себѣ Духа; то идти другимъ путемъ, сколько я увѣренъ, и лучшимъ и менѣе труднымъ, ставъ примѣромъ молчанія, научить всѣхъ безмолвію; и кто высоко о мнѣ думаетъ, того устыдитъ превосходствомъ, а кто низко и менѣе надлежащаго, того довести до скромности равенствомъ достоинствъ. Такова причина моего молчанія, такова тайна нашего воздержанія!

Но что со мною дѣлается? Меня влекутъ и порываютъ туда и сюда; входятъ о трудахъ моихъ въ тяжбу, безъ милосердія, требуя съ меня слова, какъ нѣкоего долга; любятъ меня больше, нежели самъ я себя; и всѣ стали мудрѣе меня, потому что лучше меня знаютъ время, когда говорить, и когда молчать. Они говорятъ, что не перестанутъ въ меня, какъ въ желѣзо кремнемъ, бить укоризнами, пока отъ малой искры не воспламенится огонь слова. А нѣкоторые изъ нихъ общаются уже и выгоды отъ моихъ словъ, поставляютъ мнѣ на видъ большія награды; во-первыхъ ту, что они сами себѣ сдѣлаютъ добро, предавъ себя Богу и мнѣ въ плодоношеніе слова; потомъ ту, что по случаю переписи окажется добро и всѣмъ присутствующимъ здѣсь, то-есть моему клиру, если клиръ отца моего вмѣстѣ и мой, и моему стаду, съ которыми я поступилъ бы очень несправедливо, если бы не имѣлъ усердія благодѣтельствовать имъ всѣми мѣрами. А самая лучшая награда та, что они за мое слово сами

предлагають то, чего бы посредствомъ слова надлежало домогаться съ большимъ усиліемъ. Прекрасно соревнованіе, которымъ стараются побѣдить меня! Похвально воздаяніе! Видите, какво дѣйствіе моего молчанія; оно сдѣлало самыя слова мои для васъ болѣе вождельными. Видите, каковъ плодъ нашего безславія. О если бы такова была польза слова, какова польза молчанія!

Итакъ, поелику вамъ сіе угодно, вы побѣдили непобѣдимага, восторжествовали надъ моимъ любомудріемъ; произнесу вамъ нѣчто лучшее молчанія. А слѣдственно произнесу не что-либо нѣжное, пріятное и усладительное для многихъ своимъ благозвучіемъ (такую бесѣдою худо воздалъ бы я любящимъ меня), но скажу что-нибудь весьма мужественное и сильное, отъ чего вы могли бы сдѣлаться лучшими, какъ возведенные отъ плоти къ духу и достаточно возвысившіеся умомъ.

Сынове челоувѣчестіи, начну вамъ словами велегласнаго Давида, *доколь тяжкосердіи, вскую любите суету, и ищите лжи* (Пс. 4, 3.), почитая чѣмъ-то великимъ здѣшнюю жизнь, забавы, мелкую славу, ничтожную власть и ложное благоденствіе, которыя имѣющимъ ихъ принадлежатъ не больше, чѣмъ только надѣющимся имѣть, и надѣющимся не больше, чѣмъ вовсе нечающимъ? Все это, какъ прахъ вихремъ, восхищается и переносится отъ одного къ другому, или, какъ дымъ, разливается, какъ сновидѣніе, надъ нами издѣвается, какъ тѣнь неудержимо; когда уходитъ, не безнадежно для непріобрѣтшихъ, и когда приходитъ, не вѣрно для обладающихъ. Какъ не обратимъ взоръ къ небу,

горь? не истрезвимся? не очистимъ гноя съ глазъ? не познаемъ, въ чемъ истинное богатство? въ чемъ подлинная знаменитость? гдѣ неутрачиваемое достоинство? въ чемъ безконечное блаженство? гдѣ незыблемое, непремѣняемое, не подвергающее насъ на вѣтамъ благо? Не ихъ ли станемъ приобрѣтать, если бы такъ случилось, со многими усиліями и трудами? Не такими ли будемъ наслаждаться надеждами, если должно здѣсь чѣмъ-нибудь наслаждаться? Не помыслимъ ли о святыхъ мученикахъ и о прочихъ святыхъ, которые, подобно какимъ-то общимъ узамъ, обьяли собою всю вселенную, и въ честь которыхъ совершается настоящее празднество? Для чего они и раны, и узы, и истязанія, и прещеніе огнемъ, и остріе мечей, и лютость звѣрей, и тьму, и голодъ, и пропасти, и расхищеніе имѣній, и отторженіе членовъ, а наконецъ и самую смерть—все терпѣли охотно, какъ-бы подвизаясь въ чужемъ тѣлѣ? Чѣмъ желали они быть, что наследовать? Не всякому ли сіе извѣстно, хотя бы и не говорилъ я? Почему и намъ съ тою же надеждою, предъ тѣмъ же Раздаятелемъ награды и Подвигоположникомъ не ополчиться противъ того же мучителя, столько же и нынѣ, какъ и въ то время, жестокаго гонителя душъ, невидимаго врага и противника? Почему не подвизаться съ такимъ же мужествомъ на общемъ позорищѣ, то-есть на позорищѣ міра (если не при крайней опасности, при чемъ и освобожденіе скоро, то въ ежедневныхъ трудахъ и бореніяхъ), чтобы удостоиться тѣхъ же вѣнцевъ, или чего-нибудь весьма къ тому близкаго? А я всякому мужу и женѣ, старцу и юношѣ, городскому жителю и по-

селянину, простолюдину и начальнику, богатому и бѣдному, такъ какъ всѣхъ призываетъ одинъ подвигъ, даю совѣтъ одинъ — приготовить къ сему подвигу охотно, не разслабѣвать, не медлить, не терять времени, котораго возвратить уже не возможно. Ибо настоящее время есть время дѣланія, а будущее — время воздаянія.

Слышите, что говоритъ Спаситель: *возстаните, идемъ отсюда* (Іоан. 14, 31.); говорить не тогдашнимъ только ученикамъ, которыхъ изводитъ мѣстно изъ Іудей, но и всѣмъ послѣдующимъ, чтобы всѣхъ преселить отсель и привлечь къ Себѣ вознесенному, по обѣтованію (Іоан. 12, 32.). Послѣдуемъ за благимъ Владыкою, убѣжимъ отъ мірскихъ похотей, убѣжимъ отъ обманчиваго міра и міродержителя; всецѣло посвятимъ себя Творцу; почтимъ образъ Божій, уважимъ званіе, измѣнимъ жизнь. Для чего унижаемъ себя, будучи высокими? Для чего останавливаемся на видимомъ? Пусть всякій, во всякое время, при всякомъ образѣ жизни и обстоятельствъ, по мѣрѣ собственной своей силы, и по мѣрѣ данной ему благодати, принесетъ Богу плодъ, какой можетъ, чтобы добродѣтелями всякой мѣры наполнить намъ всѣ горнія обители, пожавъ столько, сколько посѣяли, или, лучше сказать, столько вложивъ въ Божіи житницы, сколько воздѣлали. Пусть приносятъ въ даръ, — кто богатство, а кто нищету; кто усердіе къ ближнему, а кто охотное принятіе предлагаемаго усердіемъ; кто похвальное дѣло, а кто глубокое наблюденіе; кто благовременное слово, а кто благоразумное молчаніе; кто непреткновенное ученіе и жизнь ему не противорѣчущую, а кто благо-

послушный и благопокорный слухъ; кто чистое дѣвство, совершенно отрѣшающее отъ міра, а кто честный бракъ не вовсе отлучающій отъ Бога; кто воздержаніе безъ надменія, а кто и употребленіе безъ похотливости; одинъ ничѣмъ неразвлекаемое упражненіе въ молитвахъ и пѣсняхъ духовныхъ, другой тщательное защищеніе требующихъ помощи. Всѣ же да приносятъ слезы, очищеніе отъ грѣховъ, восхожденіе и усиліе простираться впередъ. Прекраснымъ будетъ плодоношеніемъ и простота, и уцѣломудренный смѣхъ, и обузданный гнѣвъ, и глазъ, удерживаемый отъ безчинія, и умъ не допускаемый до разсѣянности.

Какъ бы ни было маловажно приносимое Богу, и какъ бы ни далеко отстояло отъ совершенства, но оно не столько мало, чтобы Богъ не нашелъ сего угоднымъ и вовсе не принялъ, хотя и праведнымъ судомъ взвѣшиваетъ милость. И Павлово насажденіе пріемлетъ Онъ какъ Павлово; пріемлетъ и напоеніе Аполлосово, и двѣ лепты вдовицы, и мытарево смиреніе, и Манассіину исповѣдь. Когда Моисей водружалъ на землѣ скинію во образъ небеснаго; тогда всѣ приносили, что было имъ вѣльно. А добротные подаатели (мужи и жены), одни золото, другіе сребро и дорогіе камни для верхней ризы, другія *виссонъ сканыи и червленицу пряденую; одни багряницу, кожи овни очервленены, другія самое худшее, влсы козии* (Исх. гл. 25 и 35); каждый и каждая, что имѣли у себя на тотъ разъ, все приносили въ дѣло скиніи, и никто изъ самыхъ бѣдныхъ не остался безъ приношенія. Такъ и мы въ честную Божию скинію сея церкви,

юже водрузи Господь, а не человекъ (Евр. 8, 2.), въ скинію, созидаемую изъ различныхъ украшеній добродѣтели, хотя одинъ меньше, а другой больше, но всё будемъ вносить одинаково, при строительствѣ Духа слагаемые и сочетаваемые въ дѣло совершенно, въ жилище Христово, въ храмъ святой. Безъ сомнѣнія же, не внесемъ столько, сколько получили, хотя и все внесемъ. Ибо и то отъ Бога, что мы существуемъ, знаемъ Бога и имѣемъ, что внести. Но всего прекраснѣе и челоуѣколюбивѣе то, что Богъ измѣряетъ подаваніе не достоинствомъ подаваемого, но силами и расположеніемъ плодоносящаго.

Итакъ не медли сдѣлаться щедрымъ, но будьте имъ теперь, и по недостатку достойнаго, не отказывай во всемъ. Напротивъ того одно внеси, другое пожелай внести, а объ иномъ молись, чтобы Богъ даровалъ прощеніе немощи. Онъ говоритъ: *да не лишися предо Мною тощъ* (Исх. 23, 15). Никто да не будетъ тощъ и бесплоденъ; ни одна душа да не окажется лишенною плодородія и чадородія. Всякій да плодоноситъ Богу, что у него есть и составляетъ его собственность: согрѣшающій—исправленіе; текущій подвигомъ добрымъ—неослабность; юный—воздержаніе; сѣдина—благоразуміе; богатый—щедрость; бѣдный—благодарность; начальствующій—некичливость; судія—кротость. *Священницы облекитесь* (или, правильнѣе сказать, облечемся) *правдою* (Пс. 131, 9.). Не будемъ расточать овецъ паствы, не погубимъ тѣхъ, за кого положилъ душу *Пастырь добрый*, Который знаетъ Своихъ и Своими знаемъ, *глашаетъ по име-*

ни (Іоан. 10, 3.), вводитъ овецъ и изводитъ ихъ изъ невѣрія въ вѣру, изъ настоящей жизни въ будущее упокоеніе. Побоймся того, чтобы, во исполненіе угрозы, съ насъ не начался судъ (1 Петр. 4, 17.), намъ не принять *отъ руки Господни сугубы грѣхи* (Ис. 40, 2.); потому что сами не входимъ, и препятствуемъ тѣмъ, которые могутъ взойдти.

Овцы не пасите пастырей, и не выступайте изъ своихъ предѣловъ; для васъ довольно, если вы на доброй пажити. Не судите судей, не предписывайте законовъ законодателямъ. *Нѣсть бо нестроенія и безпорядка Богъ, но мира и порядка* (1 Кор. 14, 33.). Посему да не замышляетъ стать головою, кто съ трудомъ служить рукою или ногою, или другимъ еще менѣ важнымъ членомъ тѣла; напротивъ того, братія, *кѣждо въ званіи, въ немже призванъ бысть, въ томъ да пребываетъ* (1 Кор. 7, 20.), хотя бы и достоинъ былъ высшаго. Довольствоваться настоящимъ гораздо похвальнѣе, нежели домогаться званія, какого не получилъ. Кому можно безъ опасности слѣдовать за другимъ, тотъ не желай начальствовать съ опасностію для себя. Да не нарушается законъ подчиненія, которымъ держится и земное и небесное, чтобы чрезъ многоначаліе не дойти до безначалія.

Образовавшіе въ себѣ даръ слова не слишкомъ полагайтесь на сей даръ, не мудрствуйте до излишества и паче разума, не желайте во всемъ, даже и со вредомъ, одерживать верхъ, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ, только было бы полезно, уступайте надъ

собою и побѣду. Принесите слово въ даръ Слово; обратите ученость въ оружіе оправданія, а не смерти.

Воины *досольни будите оброки вашими* (Лук. 3, 14.), и не требуйте сверхъ положеннаго. Такъ повелѣваетъ вамъ со мною Іоаннъ, великій проповѣдникъ истины, гласъ предтекашій Слово. Чтѣ же разумѣтъ онъ подъ оброкомъ? Очевидно царское содержаніе и подарки, какіе дѣлаютъ по закону за отличія. А отъ кого *лишшеe?* Остерегаюсь произнести неприязненное слово; но вы сами поймете, хотя и воздержусь.

Градоправители *воздадите Кесарева Кесареви, и Божіа Богови* (Матѣ. 22, 21.). *Емуже дань, а емуже страхъ* (Рим. 13, 7.). А когда говорю страхъ, запрещаю любостяжаніе. Какую же получимъ себѣ выгоду? — можетъ-быть скажете вы. — Великую, изъ всѣхъ величайшую, и если угодно, при посредствѣ моемъ, благія надежды и первенство въ горнемъ градѣ, а не въ семъ маломъ и малѣйшемъ изъ городовъ, въ которомъ (изъ уваженія къ мѣсту моего воспитанія скажу еще скромно) и начальствовать нѣтъ большой чести и славы. Пожелаемъ тамъ быть первыми, приобрѣтемъ тамошнюю славу; въ-замѣнъ сострадательности, какой не видимъ къ себѣ здѣсь, упокоимся въ нѣдрахъ Авраамовыхъ.

Будемъ *праведный судъ судить* (Іоан. 7, 24.), *измемъ нища и убога* (Пс. 81, 4.); *помилуемъ вдовицу и сироту, искупимъ убиваемыхъ* (Притч. 24, 11.), *или* (выражусь гораздо легче) *не будемъ*

сами убивать; не презримъ просящаго у насъ даже крохъ со стола; не пройдемъ мимо покрытаго струпами и лежащаго въ нашихъ воротахъ. Не будемъ предаваться забавамъ, когда другіе злостраждутъ; не погнушаемся подобнымъ себѣ рабомъ, чтобы не подпасть намъ, друзья и братія, одной участи съ богачемъ, не *страдать во пламени*, не отдѣляться *пропастію* отъ праведныхъ, не просить нищаго Лазаря *концемъ перста устудить палимый языкъ нашъ* (Лук. 16, 24—26.), и просить напрасно. Будемъ добродушны, милосерды, сострадательны; будемъ подражать Владыкѣ, Который велитъ восходить солнцу для добрыхъ и злыхъ, и всѣхъ одинаково питаетъ дождемъ. Не дозволимъ себѣ обогащаться нищетою другихъ; не отступимъ такъ далеко отъ Божіей правдивости; не смѣшаемъ богатства своего съ чужими слезами, отъ которыхъ оно, какъ отъ ржавчины и моли, пропадетъ, или (скажу словомъ Писанія) *изблуется* (Іов. 20, 15.). Но ежели мы алчны болѣе, чѣмъ должно; то есть и добрая любостыжательность. Дадимъ здѣсь нѣчто малое, чтобы тамъ обогатиться.

Сіи правила общи для всѣхъ, а не для однихъ только гражданскихъ начальниковъ; потому что для общаго недуга и врачевства общія. А ты, составляющій у насъ перепись, переписывай насъ правдиво; веди не тщательную перепись моихъ словъ, отъ которыхъ нѣтъ, или мало, пользы, и только пріятность и удовольствіе для слуха, но святую и челоуѣколюбивую перепись моего народа, уваживъ, если не что другое, то самое время; потому что и Спаситель раждается во время переписи. Сказано:

изыде повелѣніе отъ Кесаря Августа написати всю вселенную. Перепись началась. Взыде же и Иосифъ въ Вифлеемъ, написатися съ Марією обрученною ему, зане быти ему отъ дому и отечества Давидова (Лук. 2, 1—5.). И въ сіе-то время раждается Спаситель; о чудо! Создатель и Владыка всего раждается въ бѣдной и малой обители. Устрашимся тайны, почтимъ домостроительство, и сами принесемъ нѣчто въ даръ времени. Нынѣ Ангелы радуются; нынѣ пастыри осіяваются; нынѣ звѣзда течетъ съ востока къ великому и неприступному Свѣту; нынѣ волхвы поклоняются, приносятъ дары, познають Царя всяческихъ, и прекрасно по звѣздѣ угадываютъ Небснаго. Нынѣ Иродъ неистовствуетъ, избиваетъ дѣтей, и за Освободителя истребляетъ тѣхъ, которые должны были получить свободу. Но мы станемъ съ поклоняющимися и Обнищавшему за насъ до тѣла (а) принесемъ не ливанъ, какъ Богу, не золото, какъ Царю, не смирну, какъ вкусившему за насъ смерть, но дары таинственные, превышающіе видимое, то-есть ничего не возьмемъ, ни въ чемъ не уступимъ богатству предпочтенія предъ бѣдностію, не обидимъ твари для твари. Ты со Христомъ ведешь перепись, со Христомъ взвѣшиваешь, со Главою назначаешь цѣну, съ Словомъ вычисляешь. Нынѣ для тебя наипаче раждается Христость, есть Богъ, и содѣлывается человѣкомъ и живетъ съ человѣки (Варух. 3, 8.).

(а) Или до принятія на себя тѣла, какъ-бы нѣкотораго рубища, или до сложенія съ Себя и самаго тѣла въ смерти крестной.

Что показываетъ слово сіе? Оно, по моему разсужденію, вразумляетъ тѣхъ, кому повѣряютъ подобныя дѣла, что Богъ всегда входитъ въ важнѣйшія распоряженія Правительствъ. И съ одной стороны, чтобы устыдить производящихъ перепись, во время переписи вступаетъ въ общеніе съ плотію и съ людьми, а съ другой стороны, чтобы утѣшить насъ въ рабствѣ и научить искренности (чего также не должно вынискать изъ вида), Самъ платитъ *дидрахму* за Себя и за Петра, досточестнѣйшаго изъ учениковъ (Матѣ. 17, 24—27.). Ибо для насъ сталъ Онъ человѣкомъ и принялъ зракъ раба, за наши беззаконія веденъ былъ на смерть. Такъ поступалъ Спаситель, Который, какъ Богъ, могъ спасти единымъ изволеніемъ. Но Онъ содѣлалъ то, что для насъ важнѣе и наиболѣе насъ пристыжаетъ, сталъ намъ подобострастнымъ и равночестнымъ. Ужели же мы, ученики кроткаго, челоуѣколюбиваго и столько для насъ послужившаго Христа, не будемъ подражать милосердію Владыки? Ужели не будемъ милостивы къ подобнымъ намъ рабамъ, чтобы и самимъ заслужить милость Господа, Который возмѣряетъ, какъ сами будемъ мѣрить? Ужели не захотимъ чрезъ кротость пріобрѣсть души своей? Довольно для свободныхъ рабства, довольно и того различія, что созданные изъ одной персти, кто властвуетъ, а кто состоитъ подъ властію; кто налагаетъ подати, а кто вносится въ число дающихъ подать; кто можетъ дѣлать неправду и зло, а кто молится и употребляетъ всѣ усилія, чтобы не потерпѣть зла. Довольно различія между созданными по единому образу, въ одномъ достоинствѣ, между

наслѣдниками одной и тойже жизни, между тѣми, за которыхъ Христось равно умеръ! Довольно сего для свободныхъ! Не будемъ отягчать сего ига и наказанія за первый нашъ грѣхъ. Да погибнетъ зло и первое основаніе зла—лукавый, *сплцимъ намъ встъявий плевелы* (Матѣ. 13, 25.) (чѣмъ означается, что началомъ зла бываетъ нерадѣніе о добрѣ, равно какъ началомъ тьмы—удаленіе свѣта)! Вотъ что произведено древомъ и горькимъ вкушеніемъ, и завистливымъ зміемъ и преслушаніемъ, за которое осуждены мы проводить жизнь въ потѣ лица. Отъ-сего я сталъ нагъ и безобразенъ, позналъ наготу, облекся въ кожаную ризу, низпалъ изъ рая, обратился въ землю, изъ которой взять, и вмѣсто наслажденія имѣю одно то, что узналъ собственное свое бѣдствіе, вмѣсто кратковременнаго удовольствія осужденъ на непрестанную скорбь и неприязнь къ тому, который ко вреду былъ много возлюбленъ и привлекъ меня къ себѣ посредствомъ вкушенія. Такова мнѣ награда за грѣхъ! Въ-слѣдствіе сего я долженъ родиться на трудъ, жить и разрушаться. Грѣхъ есть мать нужды, и нужда—любостязательности, и любостязательность—браней, а бранями произведены на свѣтъ подати—самое тягостное въ нашемъ осужденіи. Но по крайней мѣрѣ мы, подлежащіе тому же осужденію, не станемъ увеличивать наказанія, и не будемъ злы къ другимъ. Богъ требуетъ отъ насъ взаимнаго чело-вѣколюбія, хотя Самъ и наказываетъ насъ.

Будетъ и другая перепись, другій составитель переписи; если ты слыхалъ о *книгѣ живыхъ* (Пс. 68, 29.) и о *книгѣ неснасаемыхъ*. Тамъ всѣ мы

будемъ вписаны, или, лучше сказать, уже вписаны, каждый по достоинству проведенной имъ жизни. Тамъ и богатство имѣеть не больше, и бѣдность не меньше, а также и милость и вражда, и все прочее, чѣмъ здѣсь закрывается справедливость. Всѣ мы вписаны перстомъ Божиимъ, и въ день откровенія отверста намъ будетъ книга. *Малъ и великъ тамо есть* (Иов. 3, 19.), и *рабъ купно съ господиномъ*, скажу словами Соломона (Премудр. 18, 11.), и Царь съ подвластнымъ, и знатность подлѣ вводимыхъ въ перепись. Умолчу о томъ, что и выговорить ужасно; однакожь скажу, что, какъ сами пишемъ, такъ и будемъ написаны. Сіе-то написаніе содѣлай и ты для себя какъ можно болѣе милостивымъ, оказавши намъ милость и человѣколюбіе.

Что скажешь на сіе? Что напишешь, наилучшій другъ и сверстникъ, слушавшій со мною однихъ учителей и одни уроки, хотя Богъ и сопрічислилъ меня нынѣ къ лучшему (повременю говорить: къ труднѣйшему) жребію—учить васъ, облеченныхъ властію? Что скажешь ты, плодъ благочестиваго отечества и рода, священная отрасль священныхъ родителей и корень еще болѣе священныхъ чадъ? Какъ примешь слова мои? Убѣдительно ли онѣ? или потребуешь, чтобъ я долѣе услаждалъ тебя?— Правда, не гадать о семъ нужно, но достовѣрно можно знать, что слова мои издавна имѣютъ надъ тобою силу. И если не на другое что, то на самыя слова положиться могу, что онѣ всегда удобно ведутъ тебя къ прекрасному, и ты или предшествуешь имъ, или послѣдуешь. Ибо симъ-то именно

и отличаются мудрые отъ людей обыкновенныхъ. Однакоже присовокуплю нѣчто къ сказанному.

Ты воздашь уже награду словамъ моимъ, какова бы она ни была. Но и слова мои воздаютъ тебѣ и приводятъ къ тебѣ нищихъ, весь ликъ Іереевъ, ликъ любомудрыхъ, никакими узами не привязанныхъ къ дольному, обладающихъ только собственными тѣлами, и тѣлами несовершенно, ничего неимѣющихъ для Кесаря, но все посвятившихъ Богу — пѣснопѣнія, молитвы, бдѣнія, слезы, стяжаніе не легко пріобрѣтаемое, то-есть, чтобы умирать для міра, жить для Христа, изнурять плоть, отвлекать душу отъ тѣла. Ихъ — служителей и таинниковъ Божіихъ, прозрителей въ небесное, начатокъ нашего рода, опору и вѣнцы Вѣры, драгоценныя жемчужины, камни храма, для котораго основаніе и краеугольный камень — Христосъ, то-есть прекрасной полноты Церкви, ихъ пощадивъ или всецѣло воздавъ Богу, совершишь ты превосходнѣйшее дѣло и для нихъ, и для себя, и для всѣхъ насъ. И я желаю, чтобы это богатство пришло тебѣ отъ насъ, а не великія сокровища золота и серебра, которыя теперь существуютъ, но вскорѣ существовать не будутъ.

Таково вамъ плодоношеніе моего слова! Оно ниже вашей надежды, но соразмѣрно моимъ силамъ. Воздайте и вы мнѣ нѣчто большее моего приношенія, — благопокорность, чтобы, сверхъ всего прочаго, менѣ имѣть нужды въ моихъ словахъ, *разумляюще другъ друга въ поощреніи любви и добрыхъ дѣлъ* (Евр. 10, 24.), чтобы сподобившись милости-

ваго и челоуѣколюбиваго написанія на небесахъ, и ликовствуя предъ Царемъ всяческихъ, въ чемъ и состоитъ все занятіе написанныхъ тамъ, совершать Богу хвалу, созерцая и превознося единую славу и свѣтлость Божества — Отца и Сына и Святаго Духа. Ибо Ему слава, и честь, и поклоненіе во вѣки вѣковъ. Аминь.

С Л О В О 20,

О ПОСТАВЛЕНІИ ЕПИСКОПОВЪ И О ДОГМАТЪ СВЯТЫЯ ТРОИЦЫ.

Когда смотрю на усиливающуюся нынѣ болѣзнь языка, на скороспѣлыхъ мудрецовъ, на производимыхъ вновь Богослововъ, для которыхъ довольно только захотѣть, чтобы стать мудрыми: тогда ощущаю потребность высшаго любомудрія, ищу съ Іереміею *виталица послѣдняго* (Іер. 9, 2.), и желаю быть одинъ съ самимъ собою. Ибо для меня всего кажется лучше, замкнувъ какъ-бы чувства, отрѣшившись отъ плоти и міра, безъ крайней нужды не касаясь ни до чего человѣческаго, бесѣдуя съ самимъ собою и съ Богомъ, жить превыше видимаго, всегда носить въ себѣ божественные образы, чистые, не смѣшанные съ дольными и обманчивыми впечатлѣніями, быть и непрестанно дѣлаться какъ-бы неомраченнымъ зеркаломъ Бога и божественнаго, приобрѣтать ко свѣту свѣтъ, — къ менѣе ясному лучезарнѣйшей; пока не взойдемъ къ Источнику тамошнихъ озареній и не достигнемъ блаженнаго конца, когда дѣйствительность сдѣлаетъ

не нужными зеркала. Посему едва-ли кто въ-состояніи преодолѣть влекущее долу вещество, развѣ уже обучилъ себя долговременнымъ любомудріемъ, и постепенно отторгалъ отъ низкаго и сопряженнаго со тьмою, что есть въ душѣ благороднаго и свѣтовиднаго, или удостоился Божіей милости, или, сверхъ того и другаго, прилагалъ всевозможное стараніе вознести взоръ свой горѣ. А пока нѣтъ силъ преодолѣть вещественное, достаточно очистить слухъ и мысли; до тѣхъ поръ не безопасно принимать на себя попеченіе о душахъ и вдаваться въ богословствованіе.

И чѣмъ приведенъ я въ такой страхъ? Не почитите меня боязливымъ сверхъ мѣры; напротивъ похвалите даже мою предусмотрительность. Отъ самаго Моисея слышу, что, когда бесѣдовалъ съ нимъ Богъ, хотя и многіе призваны на гору, а въ числѣ ихъ и Ааронъ съ двумя сынами, священниками, однако же повелѣно было, чтобы прочіе поклонились издавеча, а къ Богу приступилъ одинъ Моисей, народу же не дозволено и восходить на гору (Исх. 24, 1. 2.). И не задолго прежде сего молніи, громы, трубы, вся гора дымящаяся, страшныя угрозы и другія подобныя грозныя явленія удерживали народъ внизу горы, и для него много было, по надлежащемъ очищеніи, слышать одинъ гласъ Божій. Между тѣмъ Моисей и на гору восходить, и вступаетъ внутрь облака, и приближается къ Богу, и приѣмлетъ законъ, — для народа законъ письмени, а для тѣхъ, которые выше народа, законъ духа. Знаю также, что было съ священникомъ Иліемъ, и нѣсколько послѣ него съ Озою.

Первый понесъ наказаніе за беззаконіе дѣтей, на которое они отваживались при жертвоприношеніяхъ, хотя не только не одобрялъ ихъ нечестія, но многократно дѣлалъ имъ строгіе выговоры. Другой дерзнулъ только прикоснуться къ Кивоту, увлекаемому тельцемъ, и хотя поддержалъ Кивотъ, но самъ погибъ; такъ Богъ охранялъ неприкосновенность Кивота! Знаю еще, что простому народу не безопасно было прикасаться къ стѣнамъ храма; почему и нужны стали другія внѣшнія стѣны (3 Цар. 6, 5.). И самыя жертвы потреблять позволялось не всякому, не во всякое время и не на всякомъ мѣстѣ; тѣмъ паче не дерзали часто входить во Святая-Святыхъ, и не только прикасаться, но даже простирать взоръ къ завѣсѣ, или къ очищению, или къ Кивоту. Зная все сіе, а вмѣстѣ и то, что не достоинъ великаго Бога и Жертвы, и Архидіакона, кто не представитъ себя самого въ живую жертву Богу, или, лучше сказать, самъ не содѣлается святымъ и живымъ храмомъ живаго Бога, — зная все сіе, могъ ли я, какъ самъ необдуманно приступить къ преподаванію ученія о Богѣ, такъ и одобрить приступающаго къ сему дерзновенно? И желаніе не похвально, и предпріятіе трудно!

Посему надобно очистить сперва самихъ себя, а потомъ уже бесѣдовать съ Чистымъ. Иначе испытанъ на себѣ тоже, что было съ Маноемъ, и узрѣвъ явившагося Бога, должны будемъ сказать: погибли мы, жена, яко Бога видѣхомъ (Суд. 13, 22.)! Или, подобно Петру, станемъ высылать съ корабля Иисуса, какъ недостойные такого посѣщенія. Или, подобно сотнику, будемъ просить врачеванія, но не

примемъ Врача. Конечно, и изъ насъ инъй (пока онъ—сотникъ, надъ многими первенствуетъ во злѣ и служить еще Кесарю—міродержителю влеко-
мыхъ долу) скажетъ о себѣ: *нѣсмь достоинъ, да подѣ кровѣ мой внидеши* (Матѣ. 8, 8.). Но когда увижу Иисуса, хотя малъ я ростомъ духовно, подобно Закхею, однакоже взойду на смоковницу, *умертвивъ уды, яже на земли* (Кол. 3, 5.) и *измождивъ тѣло смиренія* (Филип. 3, 20.); тогда и Иисуса приму къ себѣ, и услышу: *днесь спасеніе дому сему* (Лук, 19, 9.); тогда дѣйствительно получу спасеніе; начну совершеннѣе любомудрствовать, прекрасно расточая собранное мною худо, то-
есть и деньги и ученіе.

Поелику же опредѣлено мною въ словѣ, каковъ долженъ быть Богословъ; то предложу краткое ученіе о Богѣ, уповая на помощь самого Отца, и Сына, и Святаго Духа, о Которыхъ у насъ слово. Но молю Бога, чтобы мнѣ о Немъ, подобно Соломону, и не помыслить и не произнестъ чего-либо собственнаго. Ибо когда Соломонъ говоритъ: *безумнѣе бо есмь отъ всѣхъ чловѣкъ, и разума чловѣческаго нѣсть во мнѣ* (Притч. 30, 2.); конечно не съ тѣмъ намѣреніемъ говорить сіе, чтобы изобличить совершенное свое неразуміе. Ибо возможно ли оно въ томъ, кто паче всего просилъ себѣ у Бога смышленности, и получилъ мудрость и даръ созерцанія и широту сердца—обильнѣе и неисчетнѣе песка морскаго (3 Цар. 3, 29.)? И какъ бы тотъ, кто былъ столько мудръ и сподобился такого дара, сталъ называть себя безумнѣйшимъ изъ людей, если не въ томъ смыслѣ, что въ немъ нѣтъ собст-

венной своей мудрости, а дѣйствуетъ мудрость Божія и совершеннѣйшая? И Павелъ, когда говорить: *живу некому азъ, но живетъ во мнѣ Христосъ* (Гал. 2, 20.), разумѣетъ не то, что онъ совершенно мертвъ, но что живетъ жизнью совершеннѣйшею, чѣмъ многіе другіе; потому что онъ содѣлался причастникомъ истинной жизни, которой не полагаетъ предѣла никакая смерть.

Итакъ мы поклоняемся Отцу и Сыну и Святому Духу, раздѣляя личныя свойства, и соединяя Божество. Не смѣшиваемъ трехъ (впостасей) въ одно, чтобъ не впасть въ недугъ Савелліевъ, и единого не дѣлимъ на три (сущности) разнородныя и чуждыя другъ другу, чтобы не дойти до Аріева безумія. Ибо для чего, какъ растеніе, скривившееся на одну сторону, со всѣмъ усиліемъ перегибать въ противную сторону, исправляя кривизну кривизною, а не довольствоваться тѣмъ, чтобы, выправивъ только до середины, остановиться въ предѣлахъ благочестія? Когда же говорю о серединѣ, разумѣю истину, которую одну и должно имѣть въ виду, отвергая какъ неумѣстное смѣшеніе, такъ и еще болѣе нелѣпное раздѣленіе. Ибо въ одномъ случаѣ, изъ страха многобожія сокративъ понятіе о Богѣ въ одну впостась, оставимъ у себя однѣ голыя имена, признавая, что одинъ и тотъ же есть и Отецъ и Сынъ и Святой Духъ, и утверждая не столько то, что всѣ Они одно, сколько то, что каждый изъ Нихъ ничто; потому что, переходя и перемѣняясь другъ въ друга, перестаютъ уже быть тѣмъ, что Они сами въ Себѣ. А въ другомъ случаѣ, раздѣляя Божество на три сущности, или (по Арі-

еву, прекрасно такъ называемому, безумію) одна другой чуждыя, неравныя и отдѣльныя, или безначальныя, несоподчиненныя и, такъ сказать, противоположныя, то предадимся Іудейской скудости, ограничивъ Божество однимъ Нерожденнымъ, то впадемъ въ противоположное, но равное первому зло, предположивъ три начала и трехъ Боговъ, что еще нелѣпѣе предъидущаго.

Не должно быть такимъ любителемъ Отца, чтобы отнимать у Него свойство быть Отцемъ. Ибо чѣмъ будетъ Отцемъ, когда отстранимъ и отчуждимъ отъ Него вмѣстѣ съ тварію и естество Сына? Не должно быть и такимъ Христолюбцемъ, чтобы даже не сохранить у Него свойства—быть Сыномъ. Ибо чѣмъ будетъ Сыномъ, если не относится къ Отцу, какъ виновнику? Не должно въ Отцѣ умалять достоинства—быть началомъ, принадлежащаго Ему, какъ Отцу и Родителю. Ибо будетъ началомъ чего-то низкаго и недостойнаго, если Онъ не виновникъ Божества, созерцаемаго въ Сынѣ и Духѣ.— Не нужно все сіе, когда надобно и соблюсть вѣру въ единаго Бога, и исповѣдывать три Упостаси, или три Лица, притомъ каждое съ личнымъ Его свойствомъ. Соблюдется же, по моему разсужденію, вѣра въ единаго Бога, когда и Сына и Духа будемъ относить къ единому Виновнику (но не слагать и не смѣшивать съ Нимъ),—относить, какъ по одному и тому же (назову такъ) движенію и хотѣнію Божества, такъ и по тождеству сущности. Соблюдется вѣра и въ три Упостаси, когда не будемъ вымышлять никакого смѣшенія, или сліянія, въ-слѣдствіе которыхъ у чествующихъ болѣе, чѣмъ должно, одно,

могло бы уичтожиться все. Соблюдутся и личныя свойства, когда будемъ представлять и нарицать Отца безначальнымъ и началомъ (началомъ, какъ Виновника, какъ источникъ, какъ присносущный Свѣтъ); а Сына — нимало не безначальнымъ, однакоже и началомъ всяческихъ.

Когда говорю: началомъ; ты не привноси времени, не ставь чего-либо средняго между Родившимъ и Рожденнымъ, не раздѣлай естества худымъ вложеніемъ чего-то между совѣчными и сопребывающими. Ибо если время старше Сына; то безъ сомнѣнія Отецъ сталъ виновникомъ времени прежде, нежели — Сына. И какъ былъ бы Творцемъ времени Тотъ, Кто Самъ подъ временемъ? Какъ былъ бы Онъ Господомъ всего, если время Его упреждаетъ и Имъ обладаетъ? Итакъ Отецъ безначаленъ; потому что ни отъ кого иного, даже отъ Себя Самого, не заимствовалъ бытія (а). А Сынъ, если представляешь Отца виновникомъ, не безначаленъ (потому что началомъ Сыну Отецъ, какъ виновникъ); если же представляешь себѣ начало относительно ко времени, — безначаленъ (потому что Владыка временъ не имѣетъ начала во времени).

А если изъ того, что тѣла существуютъ во времени, заключишь, что и Сынъ долженъ подлежать времени; то безтѣлесному припишешь и тѣло. И

(а) Если бы Отецъ происходилъ Самъ отъ Себя, то могъ бы Онъ быть отдѣляемъ Самъ отъ Себя, такъ что въ одномъ могли бы мы представлять двухъ, — одного предсуществовавшего, и другаго изъ Него происходящаго.

если на томъ основаніи, что раждающееся у насъ прежде не существовало, а потомъ приходитъ въ бытіе, станешь утверждать, что и Сыну надлежало изъ небытія придти въ бытіе; то уравниешь между собою несравнимое—Бога и человѣка, тѣло и безтѣлесное. Въ такомъ случаѣ Сынъ долженъ и страдать и разрушаться, подобно нашимъ тѣламъ. Ты изъ рожденія тѣлъ во времени заключаешь, что и Богъ такъ раждается. А я заключаю, что Онъ раждается не такъ, изъ того самаго, что тѣла такъ раждаются. Ибо что не сходно по бытію, то не сходно и въ рожденіи; развѣ допустишь, что Богъ и въ другихъ отношеніяхъ подлежитъ законамъ вещества, на примѣръ: страдаетъ и скорбитъ, жаждетъ и алчетъ, и терпитъ все свойственное какъ тѣлу, такъ вмѣстѣ и тѣлу и безтѣлесному. Но сего не допускаетъ твой умъ; потому что у насъ слово о Богѣ. Посему и рожденіе допускай не иное, какъ Божеское.

Но спросишь: если Сынъ рожденъ, то какъ рожденъ?—Отвѣчай прежде мнѣ, неотступный совопросникъ: если Онъ сотворенъ; то какъ сотворенъ? А потомъ и меня спрашивай: какъ Онъ рожденъ?—Ты говоришь: «и въ рожденіи страданіе, какъ страданіе въ сотвореніи. Ибо безъ страданія ли бываетъ составленіе въ умѣ образа, напряженіе ума, и представленнаго совокупно разложеніе на части? И въ рожденіи также время, какъ творимое создается во времени. И здѣсь мѣсто, и тамъ мѣсто. И въ рожденіи возможна неудача, какъ въ сотвореніи бываетъ неудача (у васъ слышалъ я такое умствованіе); ибо часто, что предназначталъ умъ, того не выполняли руки.»—Но и ты говоришь, что все со-

ставлено словомъ и хотѣніемъ. *Той рече, и быша: Той повель, и создашася* (Пс. 32, 9.). Когда же утверждаешь, что создано все Божіимъ словомъ; тогда вводишь уже не человѣческое твореніе. Ибо никто изъ насъ производимаго имъ не совершаетъ словомъ. Иначе не было бы для насъ ничего ни высокаго, ни труднаго; если бы стоило только сказать, и за словомъ слѣдовало исполненіе дѣла. Посему если Богъ созидаемое Имъ творить словомъ, то у Него не человѣческой образъ творенія. И ты, или укажи мнѣ человѣка, который бы совершилъ что-нибудь словомъ, или согласишься, что Богъ творить не какъ человѣкъ. Предначертай по волѣ своей городъ; и пусть явится у тебя городъ. Пожелай, чтобы родился у тебя сынъ; и пусть явится младенецъ. Пожелай, чтобы совершилось у тебя что-либо другое; и пусть желаніе обратится въ самое дѣло. Если же у тебя не слѣдуетъ ничего такого за хотѣніемъ, между тѣмъ какъ въ Богѣ хотѣніе есть уже дѣйствіе, то явно, что иначе творить человѣкъ, и иначе — Творецъ всего — Богъ. А если Богъ творить не по-человѣчески: то какъ же требуешь, чтобы Онъ раждалъ по-человѣчески? Ты нѣкогда не былъ, потому началъ бытіе, а послѣ и самъ раждаешь, и такимъ образомъ приводишь въ бытіе то, что не существовало, или (скажу тебѣ нѣчто болѣе глубокомысленное) можетъ-быть и самъ ты производишь не то, что не существовало. Ибо и Левій, какъ говоритъ Писаніе, *еще въ чреслахъ отчихъ блже* (Евр. 7, 10.), прежде нежели произошелъ на свѣтъ. И никто да не уловляетъ меня на семь словъ; я не говорю, что Сыиъ такъ произошелъ отъ Отца, какъ

существовавший прежде въ Отцѣ, и послѣ уже приходящій въ бытіе; не говорю, что Онъ сперва былъ несовершенъ, а потомъ сталъ совершеннымъ, каковъ законъ нашего рожденія. Дѣлать такія привязки свойственно людямъ непріязненнымъ, готовымъ нападать на всякое произнесенное слово. Мы не такъ умствуемъ; напротивъ того исповѣдуя, что Отецъ имѣеть бытіе нерожденно (а Онъ всегда былъ, и умъ не можетъ представить, чтобы когда-либо не было Отца), исповѣдуемъ вмѣстѣ, что и Сынъ былъ рожденъ, такъ что совпадаютъ между собою и бытіе Отца и рожденіе Единороднаго, отъ Отца сущаго, и не послѣ Отца, развѣ допустимъ послѣдовательность въ одномъ только представленіи о началѣ, и о началѣ, какъ о Виновникѣ (не разъ уже возвращаю къ тому же слову дебелость и чувственность твоего разумнія).

Но ежели безъ пытливости принимаешь рожденіе (когда такъ должно выразиться) Сына, или Его самостоятельность (*ἰπρόσβις*), или пусть изобрѣтетъ кто-нибудь для сего другое болѣе свойственное предмету реченіе (потому что умопредставляемое и изрекаемое превосходитъ способы моего выраженія); то не будь пытливъ и касательно исхожденія Духа. Достаточно для меня слышать, что есть Сынъ, что Онъ отъ Отца, что иное Отецъ, иное Сынъ; не любопытствую о семъ болѣе, чтобы не подпасть тому же, что бываетъ съ голосомъ, который отъ чрезмѣрнаго напряженія прерывается, или съ зрѣніемъ, которое ловить солнечный лучъ. Чѣмъ кто больше и подробнѣе хочетъ видѣть, тѣмъ больше повреждаетъ чувство, и въ какой мѣрѣ разсма-

триваемый предметъ превышаетъ объемъ зрѣнія, въ такой человѣкъ теряетъ самую способность зрѣнія, если захочетъ увидѣть цѣлый предметъ, а не такую часть его, какую могъ бы разсмотрѣть безъ вреда. Ты слышишь о рожденіи; не допытывайся знать, каковъ образъ рожденія. Слышишь, что Духъ исходитъ отъ Отца; не любопытствуй знать, какъ исходитъ.

Но если любопытствуешь о рожденіи Сына и объ исхожденіи Духа; то полюбопытствую и я у тебя о соединеніи души и тѣла: какъ ты — и персть, и образъ Божій? Чтò въ тебѣ движущее, или движимое? Какъ одно и то же и движеть, и движется? Какъ чувство пребываетъ въ томъ же человѣкѣ, и привлекаетъ внѣшнее? Какъ умъ пребываетъ въ тебѣ, и раждаетъ понятіе въ другомъ умѣ? Какъ мысль передается посредствомъ слова? Не говорю о томъ, чтò еще труднѣе. Объясни вращеніе неба, движеніе звѣздъ, ихъ стройность, мѣры, соединеніе, разстояніе, предѣлы моря, теченія вѣтровъ, перемѣны годовыхъ временъ, изліянія дождей. Ежели во всемъ этомъ ничего не разумѣешь ты, человѣкъ (уразумѣешь же можетъ-быть со временемъ, когда достигнешь совершенства; ибо сказано: *узрю небеса, дѣла персть Твоихъ* (Пс. 8, 4.), а изъ сего можно догадываться, что видимое теперь не самая истина, но только образъ истины); ежели и о себѣ самомъ не позналъ, кто ты, рассуждающій о сихъ предметахъ; ежели не постигъ и того, о чемъ свидѣтельствуешь даже чувство: то какъ же предпріемлешь узнать въ-подробности, чтò такое и какъ великъ Богъ? — Это показываетъ великое неразуміе!

Если же повѣришь нѣсколько мнѣ, не дерзновенному Богослову; то скажу тебѣ, что одно ты уже постигъ, а чтобы постигнуть другое, о томъ молись. Не пренебрегай тѣмъ, что въ тебѣ; а прочее пусть остается въ сокровищницѣ. Восходи посредствомъ дѣла, чтобы чрезъ очищеніе приобрести чистое. Хочешь ли со-временемъ стать Богословомъ и достойнымъ Божества? — Соблюдай заповѣди, и не выступай изъ повелѣній. Ибо дѣла, какъ ступени, ведутъ къ созерцанію. Трудись тѣломъ для души. И можетъ ли кто изъ людей стать столько высокимъ, чтобы придти въ мѣру Павлову? Однако же и онъ говоритъ о себѣ, что видитъ только *зерцаломъ въ гаданіи*, и что наступитъ время, когда узреть *лицемъ къ лицу* (1 Кор. 13, 12.). Положимъ, что на словахъ и превосходимъ мы инаго любомудріемъ; однако же, безъ всякаго сомнѣнія, ты ниже Бога. Можетъ-быть, что ты и благоразумнѣе другаго; однакоже предъ истинною въ такой же мѣрѣ ты малъ, въ какой бытіе твое отстоитъ отъ бытія Божія. Намъ дано обѣтованіе, что познаемъ нѣкогда, сколько сами познаны (1 Кор. 13, 12.). Если не возможно имѣть мнѣ совершеннаго познанія здѣсь; то что еще остается? чего могу надѣяться? — Безъ сомнѣнія скажешь: небеснаго царства. — Но думаю, что оно не иное что есть, какъ достиженіе чистѣйшаго и совершеннѣйшаго. А совершеннѣйшее изъ всего существующаго есть вѣдѣніе Бога. Сіе-то вѣдѣніе, частію да хранимъ, частію да приобретаемъ, пока живемъ на землѣ, а частію да сберегаемъ для себя въ тамошнихъ сокровищницахъ,

чтобы въ награду за труды пріять всецѣлое познание Святыя Троицы, что Она, какова и колика (если позволено будетъ выразиться такъ), въ самомъ Христѣ Господѣ нашемъ, Которому слава и держава во вѣки вѣковъ, аминь.

С Л О В О 21,

ПОХВАЛЬНОЕ АЕАНАСИЮ ВЕЛИКОМУ, АРХИЕПИСКОПУ АЛЕКСАНДРІЙСКОМУ.

Хваля Аѳанасія, буду хвалить добродѣтель; ибо одно и то же — наименовать Аѳанасія и восхвалить добродѣтель; потому что всѣ добродѣтели въ совокупности онъ въ себѣ имѣлъ, или, справедливѣе сказать, имѣеть, такъ какъ предъ Богомъ живы всѣ, жившіе по Богу, хотя и преселились они отсель; почему Богъ и называется Богомъ Авраамовымъ, Исааковымъ и Иаковлевымъ, какъ Богъ *не мертвыхъ, но живыхъ* (Матѳ. 22, 32.).

А хваля добродѣтель, буду хвалить самого Бога, отъ Котораго въ людяхъ добродѣтель и даръ возведенія или возвращенія къ Нему чрезъ сродное озареніе. Ибо изъ многихъ и великихъ даровъ, которые мы получили и получимъ еще отъ Бога, и которыхъ числа и великости никто изречь не можетъ, даръ наибольшій и наиначе свидѣтельствующій о Божіемъ къ намъ челоуѣколюбіи, есть наше къ Нему стремленіе и сродство съ Нимъ. Чтò солнце для существъ чувственныхъ, то Богъ для

духовныхъ; одно освѣщаетъ міръ видимый, Другій — невидимый; одно тѣлесные взоры дѣлаетъ солнцевидными, Другій разумныя естества — богоподобными. И какъ солнце, доставляя возможность видящему видѣть, а видимому быть видимымъ, само гораздо превосходитъ видимаго; такъ Богъ, устрояющій, чтобы существа мыслящія имѣли даръ мышленія, а мыслимыя были предметомъ мышленія, Самъ выше всего мысленнаго, и всякое желаніе останавливается на Немъ, далѣе же никуда не простирается. Ибо далѣе Его ничего высшаго, и даже вовсе ничего, не находятъ умъ самый любомудрый, прывыспренній и любоиспытательный. Богъ есть послѣднее изъ желаемыхъ, успокоеніе всѣхъ бывшихъ умозрѣній. Кто успѣлъ съ помощію разсудка и умозрѣнія, расторгнувъ вещество и плотское (если назвать такъ) облако или покрывало, приблизиться къ Богу, сколько доступно человѣческой природѣ, и соединиться съ чистѣйшимъ свѣтомъ; тотъ блаженъ, по причинѣ какъ восхожденія отсель, такъ и тамошняго обоженія, къ которому приводитъ истинное любомудріе и возвышеніе надъ вещественною двойственностію ради единства, умопредставляемаго въ Троицѣ. А кто отъ сопряженія съ вещественнымъ сталъ хуже, и столько прилѣпился къ брению, что не можетъ воззрѣть на сіяніе истины и возвыситься надъ дольнымъ, тогда какъ самъ произошелъ свыше и призывается къ горнему: тотъ для меня жалокъ, по причинѣ ослѣпленія, хотя бы онъ и благоуспѣшенъ былъ въ здѣшной жизни; даже тѣмъ болѣе жалокъ, чѣмъ болѣе обольщается своимъ счастіемъ и вѣрить, что

есть другое благо, кромѣ блага истиннаго, пожиная тотъ вредный плодъ своего вреднаго мнѣнія, что или осуждается во тьму, или какъ на огонь смотреть на Того, Кого не призналъ за свѣтъ.

Такое любомудріе и изъ новыхъ и изъ древнихъ достигнуто не многими (ибо не много Божіихъ, хотя и всѣ — Божіе созданіе): — достигнуто законодателями, военачальниками, священниками, Пророками, Евангелистами, Апостолами, Пастырями, Учителями, всею духовною полнотою, всѣмъ духовнымъ соборомъ, а между ними и восхваляемымъ нынѣ мужемъ. Кого же разумію подъ достигшими? — Еноха, Ноя, Авраама, Исаака, Иакова, двѣнадцать Патріарховъ, Моисея, Аарона, Иисуса, Судей, Самуила, Давида, Соломона до извѣстнаго времени, Илію, Елисея, Пророковъ, жившихъ прежде и послѣ плѣненія, и тѣхъ въ порядкѣ послѣднихъ, но въ дѣйствительности первыхъ, которые близки ко времени Христова воплощенія или воспріятія Христомъ плоти, — сей свѣтильникъ предтекшій Свѣту, сей гласъ предварившій Слово, сего ходатая предшествовавшаго Ходатаю, сего посредника между ветхимъ и новымъ Завѣтомъ, сего славнаго Іоанна, и учениковъ Христовыхъ, и тѣхъ, которые послѣ Христа, или предсѣдательствовали въ народѣ, или прославились ученіемъ, или стали извѣстны по чудесамъ, или запечатлѣлись кровію. И изъ сихъ-то мужей Аѳанасій однимъ ни въ чемъ не уступалъ, другимъ уступалъ въ немногѣ, а нѣкоторыхъ (если не дерзко будетъ сказать) даже превзошелъ, подражая кому въ словѣ, кому въ дѣлѣ, кому въ кротости, кому

въ ревности, кому въ перенесеніи опасностей, кому во многомъ, кому во всемъ. Заимствуя у одного ту, у другаго другую красоту, какъ дѣлають живописцы, старающіеся довести изображаемый предметъ до крайняго изящества, и, совокупивъ все сіе въ одну свою душу, онъ изъ всего составилъ единый обликъ добродѣтели, сильныхъ въ словѣ превзойдя дѣятельностію, а дѣятельныхъ — словомъ, или, если угодно, превысивъ въ словѣ — прославившихся словомъ, и въ дѣятельности — самыхъ дѣятельныхъ, а посредственныхъ въ словѣ и дѣлѣ — превосходствомъ въ томъ и другомъ, высокихъ же въ одномъ изъ двухъ оставивъ ниже себя и словомъ и дѣломъ. И если къ славѣ предшественниковъ его служить, что они были для него образцомъ доблестей: то сему нашему украшенію не въ меньшую обращается похвалу, что онъ сталъ образцомъ для своихъ преемниковъ.

Какъ на описаніе всѣхъ его доблестей и на изъявленіе имъ удивленія потребовалось бы, можетъ быть, болѣе времени, нежели сколько должно занять настоящее слово; притомъ все сіе было бы дѣломъ не похвальнаго слова, а исторіи (и я въ назиданіе и услажденіе потомству желалъ бы изобразить его доблести особымъ писаніемъ, какъ и онъ описалъ жизнь божественнаго Антонія, изложивъ въ видѣ повѣствованія правила монашеской жизни): то изъ многихъ его дѣлъ, большую часть предоставивъ знающимъ, коснусь не многихъ, какія на сей разъ представляетъ мнѣ память какъ болѣе извѣстныя, чтобы только удовлетворить собственному желанію и воздать должное празднику. Ибо

не благочестно и не безопасно было бы чтить памятованіемъ житія нечестивыхъ, а преходить молчаніемъ мужей прославившихся благочестіемъ, и притомъ въ городъ (а), который едвали спасутъ и многіе примѣры добродѣтелей, потому что онъ божественные предметы обращаетъ въ забаву такъ же, какъ ристаніе на коняхъ и зрѣлища.

Аѳанасій рано былъ напоенъ божественными правилами и уроками, употребивъ не много времени на изученіе наукъ общеупотребительныхъ, съ тѣмъ только, чтобы и въ этомъ не казаться совершенно неопытнымъ и не знающимъ того, что почиталъ достойнымъ презрѣнія. Онъ не потерпѣлъ, чтобы благородныя и обильныя дарованія души были упражняемы въ предметахъ суетныхъ; не захотѣлъ подвергнуться участи неопытныхъ борцовъ, которые, поражая чаще воздухъ, нежели противниковъ, не достигаютъ награды. Изучивъ всѣ книги ветхаго и новаго Завета, какъ другой не изучалъ и одной, онъ обогащаетъ себя умозрительными свѣдѣніями, обогащаетъ и свѣтлостію жизни, и удивительнымъ образомъ соплетаетъ изъ того и другаго эту подлинно золотую, для многихъ неудобосплетаемую цѣпь, употребивъ жизнь въ руководство къ умозрѣнію, и умозрѣніе, какъ печать жизни. Ибо правило, что *начало премудрости страхъ Господень* (Пс. 110, 10. Притч. 1, 7.), есть какъ-бы первая только нелена; мудрость же, превозмогшая страхъ

(а) Константинополь.

и перешедшая въ любовь , дѣлаеть насъ Божіими друзьями и изъ рабовъ сынами.

Такъ воспитанный и обученный, какъ надлежало бы и нынѣ готовящимся быть предстоятелями народа и имѣть попеченіе о великомъ тѣлѣ Христовомъ, по великому Божію совѣту и предвѣднію, которое задолго прежде полагаетъ основаніе важныхъ событій , онъ сопричисляется къ сему великому алтарю, дѣлается однимъ изъ приближенныхъ *приближающагося* къ Богу (Лев. 10, 3.), удостоивается священнаго стоянія и чина , и когда прошелъ весь рядъ степеней, тогда (чтобы не говорить о среднихъ) дается ему предсѣдательство въ народѣ, или, что тоже, ввѣряется попеченіе о цѣлой вселенной; и священство пріемлетъ онъ (не умѣю сказать) какъ награду за добродѣтель, или какъ источникъ и жизнь Церкви. Ибо нужно было, чтобы Церковь, томимая жаждою истины и едва дышущая, была напоена какъ Исмаиль (Быт. 21, 15—20.), или прохлаждена изъ источника какъ Ілія въ землѣ изсохшей отъ бездождія (3 Цар. 17, 2—7.), и оживотворилась , чтобы оставлено было *сѣмя* Израилю (Иса. 1, 9.), и мы не стали какъ Содомъ и Гоморрь, сіи города, потопленные огнемъ и жупеломъ (Быт. 19, 24.) и извѣстные своими пороками и еще болѣе своею погибелію.

Посему намъ, повергнутымъ уже долу, воздвигнутъ рогъ спасенія , благовременно ниспосланъ краугольный камень , связующій насъ съ самимъ собою и другъ съ другомъ, или огонь, очищающій гнилое и вредное вещество, или лопата земледѣтеля, отдѣляющая въ ученіи легкое отъ полномѣ-

наго, или мечь подсѣкающій корни злобы. И Слово находитъ своего поборника, и Духъ приобретаетъ мужа, который за Него будетъ дышать ревностію. Такъ и для такихъ причинъ, по приговору всего народа, не въ подражаніе худому образцу, невозможшему въ послѣдствіи, не съ помощію убійствъ и насилій, но Апостольски и духовно, возводится онъ на престолъ Марка (б) преемникомъ его первосѣдательства, а не менѣе и благочестія; ибо хотя далекъ отъ него въ первомъ, однакоже близокъ въ послѣднемъ. А въ этомъ собственно и надобно поставлять преемство; ибо единомысліе дѣлаетъ и единопрестольными, разномысліе же разнопрестольными. И одно преемство бываетъ только во имени, а другое въ самой вещи. Ибо тотъ истинный преемникъ, кто не употребилъ, а развѣ потерпѣлъ, принужденіе, кто возведенъ, не преступивъ законъ, но по закону, кто не противнаго держится ученія, но ту же содержитъ вѣру; если только называешь преемникомъ не въ томъ смыслѣ, въ какомъ болѣзнь преемствуетъ здравію, мракъ — свѣту, буря — тишинѣ, изступленіе — здравомыслію.

Такъ онъ возводится такъ и распоряжается властію. Не слѣдуетъ обычаю вступить на престолъ, и тотчасъ предаться своеволю отъ пресыщенія, подобно тѣмъ, которые сверхъ чаянія захватываютъ какую-либо власть или наслѣдство. Это свойственно священникамъ чуждымъ, незаконнымъ и недо-

(б) Св. Евангелиста Марка, перваго Епископа въ Александрійской Церкви.

стойнымъ сана, которые, приступая къ священству, ничего не приносятъ съ собою, нимало не потрудившись для добродѣтели, оказываются вмѣстѣ и учениками и учителями благочестія, и когда сами еще не очистились, начинаютъ очищать другихъ. Вчера святотатцы, а нынѣ священники, вчера не смѣвшіе приступить къ святынямъ, а нынѣ тайноводители, устарѣвшіе въ порокахъ и новоявленные въ благочестіи, произведеніе человѣческой милости, а не дѣло благодати Духа, — они весь путь свой ознаменовали насиліемъ и наконецъ гнетутъ самое благочестіе; не нравы даютъ имъ степень, а степень — нравы (такъ много превратился порядок!); имъ больше надобно приносить жертвъ за себя, нежели о людскихъ невѣжествахъ (Евр. 9, 7.); они непременно погрѣшаютъ въ одномъ изъ двухъ: или, имѣя нужду въ снисхожденіи, чрезъ-мѣру снисходительны, такъ что не пресѣкаютъ пороковъ, а учатъ пороку; или строгостію власти прикрываютъ собственныя дѣла свои.

Но Аѳанасій не имѣлъ ни одного изъ сихъ пороковъ; напротивъ того, сколько высокъ былъ дѣлами, столько смиренъ сердцемъ; въ добродѣтели никому недоступенъ, а въ обращеніи всякому весьма благопріступенъ, кротокъ, не гнѣвливъ, сострадательнъ, пріятенъ въ бесѣдѣ, еще пріятнѣе по праву, ангелоподобенъ наружностію, еще ангелоподобнѣе сердцемъ; когда дѣлалъ выговоръ, былъ онъ спокоенъ; когда хвалилъ, — назидательнъ. Онъ ни одного изъ сихъ добрыхъ качествъ не портилъ неумѣренностію: у него выговоры были отеческіе, и похвалы приличныя начальнику; и мягкость не

составляла слабости, и строгость—жестокости; напротивъ того первая представлялась снисходительностію, послѣдняя—благоразуміемъ, а та и другая — любомудріемъ. Ему не много было нужно словъ, потому что для наставленія другихъ достаточно было его жизни; ему рѣдко пужень былъ жезлъ, потому что достаточно было слова, и еще рѣже нужно было употреблять сѣченіе, потому что достаточно было жезла, поражающаго слегка.

Но для чего мнѣ описывать вамъ сего мужа? Его описалъ уже Павелъ, частію, когда восхваляетъ (Евр. 4, 14.) *Архіерея велика, прошедшаго небеса* (да дерзнетъ и на сіе мое слово; потому что Писаніе называетъ Христами живущихъ по Христѣ!), — частію, когда въ посланіи къ Тимоѳею даетъ ему законъ, изображая словомъ, каковъ долженъ быть предназначенный для епископства (1 Тим. 3, 1—7.). Ибо если законъ сей какъ правило приложишь къ похваляемому въ этомъ именно отношеніи; то ясно увидишь его прямизну.

Приступите же со мною къ прославленію Аѳанасія и подайте помощь мнѣ, который затрудняюсь въ словѣ, и желая большую часть преидти молчаніемъ, останавливаюсь на каждомъ его дѣяніи, не умѣя отыскать превосходнѣйшаго, какъ трудно бываетъ это находить въ тѣлѣ, со всѣхъ сторонъ одинаково и иречно прекрасно отдѣланномъ; ибо что ни представится, все то оказывается прекраснымъ, всѣмъ тѣмъ увлекается слово. Итакъ пусть раздѣлитъ со мною его доблести всякій, кто хочетъ быть вѣщателемъ ему похвалъ и свидѣтелемъ; пусть всѣ вступятъ въ прекрасное другъ съ другомъ состя-

заніе — мужи и жены, юноши и дѣвы, старцы съ юными, священники и народъ, отшельники и подвижающіеся въ общежитіи, любители простоты и строгой точности, ведущіе жизнь созерцательную и дѣятельную! Пусть восхваляютъ — кто какъ-бы безплотность и невещественность его въ пощеніяхъ и молитвахъ, а кто бодрость и неутомимость во бдѣніяхъ и псалмопѣніяхъ, одинъ предстательство за нуждающихся, другой противоборство превозносящимся, или снисходительность къ смиреннымъ; дѣвы — невѣстоводителя, супруги — наставника цѣломудрію, пустынножители — окрыляющаго, пребывающіе въ общежитіи — законодателя, любители простоты — руководителя, ведущіе жизнь созерцательную — богослова, живущіе въ веселіи — узду, бѣдствующіе — утѣшителя, сѣдина — жезль, юность — дѣтвованіе, нищета — снабдителя, обиліе — домостроителя! Думаю, что и вдовы восхвалятъ покровителя, сироты — отца, нищіе — нищелюбца, странные — страннолюбца, братія — братолюбца, больные — врача, подающаго всякое врачевство и отъ всякой болѣзни, здравые — охранителя здравія и всѣ — *всѣмъ бывшаго вся* (1 Кор. 9, 22.), да всѣхъ, или какъ можно большее число людей, пріобрѣтеть.

Итакъ все сіе, какъ сказалъ я, пусть почтять удивленіемъ и похвалами другіе, у кого столько досуга, чтобы дивиться и малымъ его совершенствамъ! А когда называю малыми, говорю сіе, сравнивая его съ нимъ же самимъ, и сличая доблести его съ егоже собственными. Ибо *не прославился, какъ сказано, прославленное*, сколько оно ни славно, *за превосходящую славу* (2 Кор. 3, 10.). Между

тѣмъ и не многихъ изъ его доблестей достаточно было бы другимъ для прославленія. Но мнѣ, которому не позволительно, оставивъ слово, заняться чѣмъ-либо маловажнымъ, и въ его совершенствахъ надобно обратиться къ главнѣйшему. Впрочемъ сказать что-нибудь достойное его краснорѣчія и душевныхъ качествъ есть дѣло Божіе, а для Бога и сіе слово.

Процвѣтали и прекрасно текли нѣкогда наши дѣла; тогда во Дворы Божіи не имѣло доступа это излишнее, сладкорѣчивое и ухищренное богословствованіе. Напротивъ того, сказать или услышать о Богѣ что-нибудь новое и удовлетворяющее одному любопытству, значило тоже, что играть въ камни и скоростію ихъ перекидыванія обманывать зрѣніе, или забавлять зрителей разнообразными и женоподобными движеніями тѣла. Простота же и благородство слова почитались благочестіемъ. Но послѣ того какъ Сексты и Пирроны и охота къ словопреніямъ, подобно какой-то тяжелой и злокачественной болѣзни, вторглись въ наши церкви, пустословіе стали почитать ученостію, и, какъ въ книгѣ Дѣяній говорится объ Аевинянахъ (17, 21.), мы ни во что же ино упражняемся, развѣ глаголати что или слышати новое; съ сего времени какой Іеремія, одинъ умбѣющій составить плачь равномерный страданіямъ, оплатеть нашъ позоръ и омраченіе! Начало сему бѣшенству положилъ Аріій (в), со-

(в) Имя *Αρειος* — Аріій можетъ означать неистоваго, изступленнаго.

именный умоизступленію, который и понесъ наказаніе за необузданность языка, по дѣйствию молитвы, а не по болѣзни, пріавъ конецъ жизни въ нечистомъ мѣстѣ, и разсѣдшись, какъ Іуда, за равное съ нимъ предательство Слова. А другіе, наследовавъ сей недугъ, составили изъ нечестія науку; они, ограничивъ Божество Нерожденнымъ, изгнали изъ Божества не только Рожденнаго, но и Исходящаго, чествуя Троицу однимъ общеніемъ имени, или даже и того не соблюдая. Но не такъ училъ сей блаженный, по-истинѣ Божій человекъ и великая труба истины. Зная, что Трехъ сокращать въ одно число безбожно и есть нововведеніе Савеллія, который первый выдумалъ такое сокращеніе Божества, а также Трехъ раздѣлять по естеству значить вводить въ Божество странное сѣченіе, — онъ и прекрасно соблюлъ единое относительно къ Божеству, и благочестно научилъ признавать Трехъ, относительно къ личнымъ свойствамъ, не сливъ Ихъ во-едино, и не раздѣливъ на трехъ, но пребывъ въ предѣлахъ благочестія чрезъ избѣжаніе какъ излишней преклонности къ тому или другому, такъ и излишняго сопротивленія тому и другому. И симъ, во-первыхъ, на святомъ Соборѣ въ Никей, среди сего числа избранныхъ мужей, которыхъ Духъ Святый собралъ во-едино, онъ, сколько зависѣло отъ него, прекратилъ недугъ. И хотя не былъ еще возведенъ въ санъ Епископа, однако же удостоенъ первенства между собравшимся; ибо добродѣтель уважалась не менѣе степеней.

Потомъ, когда зло было вновь оживлено дуповеніемъ лукаваго, и объяло большую часть вселенной

(съ сего времени открываются предо мною дѣйствія, наполнившія собою почти всю сушу и море): тогда на Аѳанасія, какъ мужественнаго поборника Слова, воздвигается сильная брань (ибо на того болѣе и нападаютъ, кто болѣе противится), и отсюду новыя и новыя устремляются на него бѣды; потому что нечестіе изобрѣтательно на зло и нападаетъ съ крайнею дерзостію. Да и могли ли щадить людей не пощадившіе Божества? Особенно одно изъ нападений было очень жестоко. И я въ этомъ дѣлѣ имѣю свою часть (г). Но да извинять въ этомъ любезную страну—отечество! Въ зломъ дѣлѣ виновны не страна насъ произведшая, но сами избравшіе зло; она священна и всякому извѣстна своимъ благочестіемъ, а сіи недостойны Церкви, ихъ породившей. Вы слыхали, что и въ виноградникѣ родится терніе, что Иуда, одинъ изъ учениковъ, сталъ предателемъ. Иные не прощаютъ вины соименному мнѣ (д), который, изъ любви къ наукамъ проживая тогда въ Александріи, и благосклонно принятый Аѳанасіемъ, какъ одинъ изъ самыхъ любимыхъ дѣтей пользуясь весьма великимъ у него довѣріемъ, замыслилъ, какъ говорятъ, возстать противъ отца и покровителя. И хотя дѣйствовали другіе, однако же съ ними была, что называется, рука Авесса-

(г) Какъ родившійся въ Каппадокіи, изъ которой происходилъ нѣкто Георгій, одинъ изъ враговъ Аѳанасіевыхъ, о которомъ будетъ говорено въ продолженіи слова.

(д) Григорію, который, по изгнаніи Св. Аѳанасія Аріанами, былъ избранъ въ Архіепископа Александрійскаго, но сведень съ престола Аріанами и замѣщенъ Георгіемъ Каппадокіецемъ.

ломля (2 Цар. 18, 18.). Если кто изъ васъ знаетъ эту руку, за которую оклеветали Святаго, и сего живаго мертвеца (е), и это несправедливое изгнаніе; то пойметъ, о чемъ говорю. Впрочемъ охотно предамъ сіе забвенію. По моему разсужденію, въ дѣлахъ подлежащихъ сомнѣнію надобно преклоняться къ челоуѣколюбію, и болѣе извинять, нежели обвинять подвергаемыхъ обвиненію; потому что злему очень легко обвинить и добраго, а доброму трудно обвинить и злаго. Кто нерасположенъ къ злу, тотъ неспособенъ и къ подозрѣнію.

Но вотъ уже не слово, а дѣло; не подозрѣніе, оставшееся безъ изслѣдованія, но достовѣрное и оглашенное происшествіе. Одно Каппадокійское чудовище, явившееся съ дальнихъ предѣловъ нашей страны, худое родомъ, еще худшее сердцемъ, по происхожденію не вполне свободное, но нѣчто смѣшанное, подобно тому, что знаемъ о мулахъ, — челоуѣкъ, который сначала прислуживалъ за чужимъ столомъ, продавши себя за кусокъ хлѣба, привыкъ все дѣлать и говорить для чрева, потомъ, къ несчастію, домогся общественной службы, и получилъ въ оной самое послѣднее мѣсто — пріемщика сви-

(е) Аріане, изъ ненависти къ Св. Аванасію, у кого-то, живаго или мертваго, отсѣкли руку, и представивъ ее въ судъ, клеветали на святаго, что онъ отсѣкъ сію руку у одного умерщвленнаго имъ Александрійскаго клирика Арсенія, и посредствомъ ея производилъ чары. Между тѣмъ Арсеній удалень былъ Аріанами изъ города. Но когда дошла до него вѣсть о томъ, въ чемъ обвиняютъ Св. Аванасія, немедленно явился въ судъ, и изблгичилъ лжецевъ.

ныхъ мясь, какими питается войско, но и здѣсь употребилъ довѣренность во зло и служилъ только чреву,—когда у него было все отнято, замышляетъ бѣгство, и переходя изъ страны въ страну, изъ города въ городъ, какъ свойственно бѣглецамъ, наконецъ, къ общему вреду Церкви, подобно одной изъ Египетскихъ язвъ, достигаетъ Александріи. Здѣсь прекращается его скитаніе и начинается злокозненность. Хотя въ другихъ отношеніяхъ не заслуживалъ онъ никакого вниманія, не зналъ свободныхъ наукъ, не имѣлъ ни пріятности въ бѣсѣдѣ, ни даже вида и пустой личины благочестія, однако же всѣхъ былъ искуснѣе строить козни и приводить дѣла въ замѣшательство. Всѣ вы знаете и сами можете рассказать, сколько дерзостей учинилъ онъ противъ Святаго (ж). Ибо не рѣдко и праведники предаются въ руки нечестивыхъ, — не къ славіи нечестивыхъ, но для испытанія праведныхъ. И хотя, по Писанію, лукавіи смертію лютою погибнуть, обаче въ настоящей жизни посьмѣваются благочестивымъ (Іов. 9, 23.), доколѣ сокрыты и милость Божія, и великія сокровищницы уготованнаго тѣмъ и дугимъ въ-послѣдствіи, когда и слово и дѣло и помышленіе будутъ взвѣшены на праведныхъ вѣсахъ Божіихъ; когда Богъ возстанетъ судить землю, соберетъ намѣренія и дѣла, и обнаружитъ все, что у Него запечатлѣно и соблюдено.

Въ семь да убѣдитъ тебя Іовъ и словомъ и стра-

(ж) Аванасія.

даніями своими. Онъ былъ *человѣкъ истиненъ, непороченъ, праведенъ, богочестивъ* (Іов. 1, 1.) и проч., какъ свидѣтельствуесть о немъ Писаніе; однако же испросившій его (з) поражаетъ столь многими, непрерывными и щедрыми ударами, что изъ великаго множества во всѣ времена злострадавшихъ и, какъ вѣроятно, несшихъ тяжелыя бѣдствія никто не сравнитъ несчастій своихъ съ Іовлевыми. Ибо у Іова не только деньги, имущество, благочадіе и многочадіе, — что для всякаго челоуѣка весьма дорого, не только, говорю, отъемлется все это, и при непрерывности бѣдствій нѣтъ времени слезамъ, но на послѣдокъ самое тѣло поражено неизцѣльною и отвратительною для взора язвою, а въ дополненіе несчастія есть жена, подающая совѣты на худшее, старающаяся вмѣстѣ съ тѣломъ поразить и душу; есть искреннѣйшіе друзья, утѣшительніе золь, какъ самъ онъ говоритъ (Іов. 16, 2.), а не податели врачевства, которые видятъ страданія, но, не зная тайны страданій, признають бѣдствіе его не испытаніемъ добродѣтели, но наказаніемъ за грѣхи, и не только содержатъ сіе въ мысляхъ, но не стыдятся даже укорять его самымъ несчастіемъ, тогда какъ надлежало бы облегчить скорбь словами утѣшенія, ^{если бы Іовъ страдалъ и за грѣхи.} Такъ было съ Іовомъ; таково начало дѣла его; это была борьба добродѣтели и зависти; зависть усиливалась препобѣдить добро, а добродѣтель, чтобы остаться непобѣдимую, все переноси-

(з) То-есть діаволь.

ла; одна подвизалась изъ-того, чтобы проложить путь пороку наказаніемъ благоуспѣвшихъ; а другая изъ-того, чтобы поддержать добрыхъ, имѣющихъ преимущество и въ самыхъ несчастіяхъ. Чтò же Вѣщающій къ нему *сквозь бурю и облаки* (Іов. 38, 1.), Медленный въ наказаніи и Скорый на помощь, *не оставляющій* вовсе жезла *гршннхъ на жребіи праведныхъ* (Пс. 124, 3.), дабы не научились праведные беззаконію? — При концѣ подвиговъ громкимъ провозглашеніемъ вызываетъ подвижника и открываетъ тайну поразившаго его удара, говоря: *мниши ли Мя инако тебѣ сотворша, развѣ да явишия правдивъ?* (Іов. 40, 3.). Таково врачество отъ ранъ! таковъ вѣнецъ за подвиги! такова награда за терпѣніе! А послѣдовавшее за симъ можетъ-быть и маловажно, хотя для нѣкоторыхъ кажется великимъ, да и совершенно Промысломъ ради людей малодушныхъ, хотя и съ усугубленіемъ получаетъ Іовъ потерянное.

Посему и здѣсь неудивительно, что Георгій превозмогъ Аѳанасія; напротивъ-того удивительнѣе было бы, если бы праведникъ не вынесъ испытанія въ огнѣ клеветы. Даже и сіе не очень удивительно, а удивительнѣе то, что пламени сего достаточно было къ произведенію большаго. Аѳанасій удаляется оттуда, и самымъ бѣгствомъ пользуется, какъ можно лучше. Ибо поселяется въ священныхъ и божественныхъ обителяхъ Египетскихъ отшельниковъ, которые, разлучившись съ міромъ и возлюбивъ пустыню, живутъ для Бога, посвятивъ Ему себя болѣе всѣхъ пребывающихъ во плоти. Одни изъ нихъ ведутъ совершенно уединенную жизнь

безъ сообщенія съ людьми, бесѣдуютъ единственно съ самими собою и съ Богомъ, и то одно почи-
таютъ міромъ, что знаютъ о немъ въ пустынь.
Другіе, своею общительностію выполняя законъ любви, вмѣстѣ пустынники и общежительные; для прочихъ людей и вещей, для всего, что кружится передъ нами, то увлекая, то увлекаясь и обольщая насъ быстрыми перемѣнами,—они умерли, а другъ для друга составляютъ цѣлый міръ, взаимнымъ примѣромъ поощряя другъ друга къ добродѣтели. Съ ними бесѣдуя великій Аѳанасій, какъ и для всѣхъ другихъ былъ онъ посредникомъ и примирителемъ, подражая *Умиротворившему кровію Своею* то, что было весьма разлучено (Кол. 1, 20.), такъ примиряетъ и пустынножительство съ общежитіемъ, показавъ, что и священство совместно съ любомудріемъ (и) и любомудріе имѣетъ нужду въ тайноводствѣ; ибо въ такой мѣрѣ согласилъ между собою то и другое и соединилъ въ-одно какъ безмолвное дѣланіе, такъ и дѣятельное безмолвіе, что убѣдилъ поставлять монашество болѣе въ благонравіи, нежели въ тѣлесномъ удаленіи отъ міра. Почему и великій Давидъ былъ сколько дѣятельнѣйшій, столько и самый уединенный человѣкъ, если въ подтвержденіе нашего слова сильно и несомнѣнно сказанное имъ: *единъ есмь азъ, дондеже преиду* (Пс. 140, 10.). Такимъ образомъ превосходящіе другихъ добродѣтелию были ниже Аѳанасія разумнѣемъ въ большей мѣрѣ, нежели въ какой превосходили другихъ, и не многое привнося отъ себя

(п) Созерцательною и подвижническою жизнью.

къ совершенію священства, гораздо болѣе сами заимствовали къ усовершенію любомудрія. То для нихъ было закономъ, что онъ одобрялъ, и все то опять отвергалось ими, чего онъ не одобрялъ; его опредѣленія служили для нихъ Моисеевыми скрижалями; къ нему болѣе имѣли почитанія, нежели сколько люди должны имѣть къ святымъ. И когда явились къ нимъ преслѣдовавшіе Святаго, какъ звѣря, послѣ того какъ всюду искали его и не находили: тогда они не удостоили посланныхъ даже однимъ словомъ, но преклоняли выи свои подъ мечи, какъ-бы бѣдствуя за Христа; и претерпѣвъ за Аѳанасія что-либо самое тяжкое почитали величайшимъ приобрѣтеніемъ для любомудрія, ставили это гораздо богоугоднѣе и выше продолжительныхъ постовъ, возлежанія на голой землѣ и другихъ злостраданій, какими они всегда услаждаются. Такова была тогдашняя жизнь Аѳанасія; онъ оправдывалъ собою слова Соломона, который любомудрствовалъ, что есть *время всякой вещи* (Еккл. 3, 1.). Посему и скрылся онъ не надолго, пока продолжалась брань, чтобы явиться съ наступленіемъ мира, что и исполняется въ скоромъ времени.

А Георгій, не видя уже ни отъ кого противодѣйствія, обтекаеть Египеть, покоряеть силѣ нечестія Сирію, захватываетъ, сколько могъ, и Востокъ. Какъ ручьи принимаютъ въ себя всѣ стоки, такъ и онъ собираеть къ себѣ все немощное, — нападая на людей болѣе легкомысленныхъ или робкихъ; овладѣваетъ простотою царя (i) (такъ назову его легко-

(i) Констанція.

вѣріе, уваживъ усердіе къ Вѣрѣ; потому что, если говорить правду, онъ имѣлъ ревность, но не по разуму. Римл. 10, 2.); и какъ всюду пролагало ему путь достояніе нищихъ, употребляемое на худыя дѣла, подкупаетъ нѣкоторыхъ вельможъ — болѣе златолюбивыхъ, нежели Христолюбивыхъ, особливо же между ними людей женоподобныхъ, мужей по имени, не имѣющихъ въ себѣ ничего мужскаго, сомнительныхъ родомъ, но отъявленныхъ нечестіемъ (к), которымъ Римскіе государи, повѣряя дѣла женскія, не знаю какъ и почему, вручаютъ вмѣстѣ и дѣла мужскія. Такъ усилился сей служитель лукаваго, свѣтель плевель, предтеча антихристовъ! Вмѣсто языка употреблялъ онъ краснорѣчивѣйшаго изъ тогдашнихъ Епископа (если угодно назвать краснорѣчивымъ сего не столько защитника нечестія, сколько нашего врага и состязателя; — об имени его умолчу охотно); а самъ служилъ своему скопищу вмѣсто руки, и истину ниспровергалъ золотомъ, которое собиралось на дѣла благочестивыя, но злонамѣренными людьми обращено было въ орудіе нечестія. Слѣдствіемъ сего преобладанія былъ соборъ, составленный прежде въ Селевкии, во храмъ Святой и доблественной Дѣвы Феоклы, а потомъ въ семь великомъ городѣ (л); и городамъ, славившимся прежде доблестями, далъ именитость дѣлами позорными этотъ столпъ Халанскій (Быт.

(к) Георгій дорогими подарками привлекъ на свою сторону Евнуха Евсевія, главнаго начальника при Императорскомъ Дворѣ и ляннаго Аріанина. (л) Въ Константинополь.

10, 10. 11, 2—9.), благовременно раздѣлившій языки (о если бы раздѣлили и ихъ языки; потому что согласіе у нихъ на зло!), — это Каиафино соборище, на которомъ осуждается Христосъ, — или какъ иначе должно назвать сей соборъ, все извратившій и приведшій въ замѣпательство. Онъ разрушилъ древнее и благочестивое исповѣданіе Троицы, подкопавъ и какъ-бы стѣнобитными орудіями потрясши Единосушіе, а вмѣстѣ отверзъ дверь нечестію неопредѣленностію написаннаго, подъ предлогомъ уваженія къ Писанію и употребленію давно принятыхъ наименованій, въ дѣйствительности же, чтобы вмѣсто ихъ ввести неписанное (*ἀγραφοι*) аріанство. Ибо слова: подобень по писаніямъ (м), для протыхъ служили приманкою, покрывавшею уду нечестія, — изображеніемъ, которое смотритъ въ глаза всякому мимоходящему, — обувію, сшитою на обѣ ноги, — вѣяніемъ при всякомъ вѣтрѣ (Сир. 5, 11.). Онъ основывалъ права свои на новописанномъ злоухищреніи (н), на клеветѣ противъ истины; ибо они были мудры на злыя дѣла, но не умѣли дѣлать добра. Отсюда то хитро придуманное осужденіе еретиковъ, которыхъ они отлучили на словахъ, чтобы замысль свой сдѣлать привлекательнымъ, а въ самомъ дѣлѣ выставляли только на видъ, обви-

(м) Слова символа Аріанскаго.

(н) По изъясненію Никиты, Констанцій, по внушенію Аріанъ, написавъ, что слово: подобный, значить тоже, что единосущный, а потому не вредитъ благочестію, если кто употребляетъ то или другое слово. Аріане воспользовались симъ противъ истиннаго ученія.

нивъ не за тяжкое нечестіе, а за чрезмѣрную охоту писать (о). Отъ-сего непосвященные стали судіями преподобныхъ, произошло новое смѣшеніе, — въ собраніяхъ народныхъ разсматриваются предметы священно-таинственные; отъ-сего незаконное изслѣдованіе жизни (п), наемные доносчики и судъ по договору; одни несправедливо свергаются съ престоловъ, другіе возводятся на ихъ мѣсто, и у сихъ какъ чего-то необходимаго требуютъ рукописаній нечестія, и чернилы готовы и доносчикъ подлѣ. Сему подверглись весьма многіе изъ насъ, даже люди самые твердые; они не мысля пали, но согласились на письмѣ, вступили въ единеніе съ лукавыми и въ мысляхъ и на письмѣ, и сдѣлались причастниками, если не огня, то по крайней мѣрѣ — дыма.

Я не рѣдко проливалъ слезы, представляя себѣ тогдашнее разлитіе нечестія и нынѣ возставшее гоненіе на правое слово отъ предстателей слова. Подлинно, обезумѣли пастыри, по написанному: Пастыріе мнози растлиша виноградъ Мой, посрамили часть желаемую (Іер. 12, 10.), — то-есть Церковь Божію, собранную многими трудами и жертвами, закланными до Христа и послѣ Христа, и великими страданіями за насъ самого Бога. За исключеніемъ весьма немногихъ, которые или

(о) Такъ на Константинопольскомъ соборѣ Аріанами осужденъ былъ Сиріянинъ Аэтій за тщеславіе и за чрезмѣрную склонность къ спорамъ въ сочиненіяхъ. Theodorit. Histog. Eccl. 1. 2. с. 28.

(п) То-есть изслѣдованіе жизни Епископовъ людьми мірскими.

обойдены по своей малозначительности, или противостали своими доблестями и должны были остаться для Израиля сѣменемъ и корнемъ, чтобы снова возникнуть и оживотвориться потоками духа, всѣ покорились обстоятельствамъ времени, съ тѣмъ только различіемъ, что одни подверглись сему прежде, другіе послѣ. Одни стали поборниками и покровителями нечестія, другіе заняли второстепенныя мѣста, и были или поражены страхомъ, или поработаны нуждою, или уловлены ласкательствомъ, или вовлечены по невѣдѣнію, что составляетъ меньшую вину, если для кого достаточно и сего къ извиненію тѣхъ, которымъ ввѣрено попеченіе о народѣ. Ибо какъ не одинаковы стремленія у львовъ и у другихъ животныхъ, а равно у мужей и женъ, у старыхъ и юныхъ, напротивъ-того не мало различія въ каждомъ возрастѣ и полѣ: такъ есть разность между начальниками и подчиненными. Можетъ-быть извинили бы мы простолудиновъ, если бы съ ними случилось это; ихъ часто спасаетъ невнимательность: но какъ простимъ это учителю, который, если только не лжеименный, долженъ помогать въ невѣдѣніи другимъ? Если всякому, сколько бы кто ни былъ грубъ и невѣжественъ, непростительно не знать какого-либо Римскаго закона, и если нѣтъ такого закона, который бы покрывалъ сдѣланное по невѣдѣнію: то не странно ли тайноводствующимъ ко спасенію не знать началъ спасенія, хотя бы они во всемъ другомъ были и очень просты и не глубокаго ума? Впрочемъ пусть получаютъ извиненіе тѣ, которые послѣдовали нечестію по невѣдѣнію. Что же скажешь о прочихъ, которые сами себя приписываютъ прони-

цательность, и по сказаннымъ выше причинамъ уступили превозмогающей силѣ, которые долго представляли изъ себя людей благочестивыхъ, а какъ скоро встрѣтилось нѣчто изобличающее, тотчасъ преткнулись. Слышу сказанное въ Писаніи, что *еще единожды потрясутся небо и земля* (Агг. 2, 7.), — какъ будто бы съ ними было уже это нѣкогда прежде, и думаю, что симъ означается славное обновленіе всѣхъ вещей. Должно вѣрить и Павлу, который говоритъ, что послѣднее потрясеніе есть не иное что, какъ второе Христово пришествіе, претвореніе и преложеніе настоящей вселенной въ состояніе неподвижности и непоколебимости (Евр. 12, 26. 27.). Но и настоящее сіе потрясеніе, какъ разсуждаю, ничѣмъ не меньше прежде бывшихъ, потому что имъ отторгнуты отъ насъ всѣ любомудрые, боголюбивые и заранѣе сожителствующіе съ горними мужи, которые, хотя во всемъ другомъ мирны и умѣренны, однако же не могутъ перенести съ кротостію, когда молчаніемъ предается Богъ, и даже дѣлаются при семъ весьма браннолюбивыми и неодолимыми (ибо таковъ жаръ ревности), и готовы скорѣе испровергнуть, чего не должно, нежели пренебречь должное. За ними устремляется не малое число и народа, подобно стаду птицъ, улетаю за улетѣвшимъ впередъ, и даже теперь не перестаютъ улетать.

Вотъ что значилъ для насъ Аеанасій, пока онъ былъ броней Церкви, и вотъ что вышло, когда онъ уступилъ навѣтамъ лукавыхъ! Намѣревающіеся овладѣть какою-нибудь твердою крѣпостію, когда видятъ, что она неприступна и не можетъ быть

взята обыкновенными средствами, прибѣгаютъ къ хитрости. И чтоже дѣлають? привлекають на свою сторону деньгами или обманомъ начальника крѣпости, и тогда безъ всякаго уже труда овладѣвають ею. Или, если угодно, злоумышлявшіе противъ Сампсона сперва обрѣзали у него волосы, въ которыхъ заключалась его сила, потомъ взяли уже Судію и наругались надъ нимъ, какъ хотѣли, и столько же властительски, какъ онъ обходился прежде съ ними. Такъ поступили и наши иноплеменники; сперва исторгли у насъ нашу силу, остригли славу Церкви, и потомъ уже насладились догматами и дѣлами нечестія.

Въ сіе время подпора и покровитель (р) враждебнаго намъ пастыря (с) преселяется изъ здѣшней жизни, положивъ худой конецъ нехудому царствованію, но принесши, какъ сказываютъ, бесполезное раскаяніе при послѣднемъ издыханіи, когда всякій бываетъ искреннимъ судіею самого себя, по причинѣ ожидающаго тамъ судилища. Ибо слѣдующія три дѣла сознавалъ онъ худыми и недостойными своего царствованія: умерщвленіе родственниковъ (т), возвышеніе Цезаремъ отступника (у) и нововведенія въ Вѣрѣ; и, какъ сказываютъ, съ словами раскаянія кончилъ онъ жизнь. Тогда снова воспріемлетъ права свои слово истины, утѣсенные

(р) Констанцій.

(с) Георгія Каппадокіянина.

(т) Не воспрепятствовалъ, когда могъ, умерщвленію брата Константина, и самъ велѣлъ умертвить Юліанова брата Галла.

(у) Юліана.

получаютъ полную свободу, между тѣмъ какъ ревность раздражаетъ гнѣвъ, и народъ Александрійскій узнаетъ на опытѣ, каковъ онъ противъ оскорбителей. Жители Александрии не стерпѣли необузданности челоуѣка (ф) и предали позору пороки его необычайною смертію, а смерть необычайными поруганіями. Вамъ извѣстны и этотъ верблюдъ, и странная ноша, и новое возвышеніе, и первое, а думаю, и единственное шествіе — грозныя и донынѣ для притѣснителей (х). Когда же эта буря неправды, этотъ растлитель благочестія, предтеча лукаваго пріемлетъ наказаніе, по моему мнѣнію, не заслуживающее одобренія (потому что надобно было смотрѣть не на то, что ему надлежало претерпѣть, а на то, что намъ слѣдовало сдѣлать): тогда подвижникъ (ц) возвращается изъ прекраснаго странствованія (такъ назову бѣгство его за Троицу и вмѣстѣ съ Троицею). Съ такою радостію срѣтается онъ жителями города (ч) и едва не всѣмъ Египтомъ, вездѣ и отсюду, даже съ крайнихъ пре-

(ф) Георгія еретика.

(х) Александрійскіе граждане, умертвивъ Георгія, разрубили тѣло его на части и возили по городу на верблюдѣ. Замѣчательно то, что Юлианъ въ письмѣ къ Александрійцамъ (у Никифора кн. 10. гл. 7.), изъявляя гнѣвъ свой на нихъ за таковой поступокъ, не упоминаетъ объ участіи въ ономъ Христіанъ; а Св. Епифаній (Том. I. кн. 3) явно приписываетъ его язычникамъ; да и Марцеллинъ (кн. 21.) потому только заключаетъ о согласіи на сіе Христіанъ, что они не воспрепятствовали язычникамъ.

(ц) Св. Аванасій.

(ч) Александрии.

дѣловъ стекающимся, что одни желаютъ насладиться единымъ голосомъ, а другіе лицедрѣніемъ Аѳанасія, иные же, какъ извѣстно объ Апостолахъ (Дѣян. 5, 15.), освятиться одною тѣнію его, симъ новымъ образомъ тѣла. И потому хотя много многимъ неоднократно во всѣ времена воздано уже почестей и сдѣлано встрѣчъ, не только народнымъ правителямъ и іереямъ, но и частнымъ лицамъ чѣмъ-нибудь прославившимся; однако же не запомнятъ ни объ одной встрѣчѣ, которая была бы многолюднѣе и блистательнѣе настоящей. Одно только можно примѣнить къ сей встрѣчѣ—самого Аѳанасія и ему же оказанную прежде почесть, при прежнемъ его вступленіи въ Александрію, когда возвращался изъ такого же, по тѣмъ же причинамъ случившагося бѣгства.

Носится и слѣдующая молва о сей почести (хотя бы и излишнимъ было пересказывать оную, но присовокуплю къ слову какъ-бы нѣкоторую сладость и лишній цвѣтъ). Послѣ вшествія Аѳанасіева въ городъ, вѣзжалъ одинъ ипархъ, вторично вступавшій въ сію должность. Онъ былъ нашъ, то-есть Каппадокіянинъ, и человекъ знаменитый (конечно вы догадываетесь, что говорю о Филагріи); его любили, какъ рѣдко любятъ, и какъ не любили ни кого другаго; почесть ему воздана соотвѣтственно любви и (чтобы выразить это короче) со всѣми знаками уваженія; начальство ему ввѣрялось въ другой разъ по просьбѣ города и по опредѣленію царскому. При семъ случаѣ нѣкто изъ народа, вида неисчетное множество людей, подобное морю, необъятному для взора, какъ говорятъ, спрашивалъ

(что и часто бываетъ въ подобныхъ обстоятельствахъ) одного своего знакомаго и друга: скажи, почтеннѣйшій, видалъ ли ты когда-нибудь, чтобы столько народа и съ такимъ воодушевленіемъ стекалось для оказанія почести одному человѣку? Никогда, отвѣчалъ юноша; напротивъ того, мнѣ кажется, что и самъ Констанцій ни удостоился бы такой почести. А именемъ царя хотѣлъ онъ означить самую высшую почесть. Но первый, съ особенною пріятностію и удовольствіемъ разсмѣявшись, возразилъ: что ты мнѣ говоришь, какъ будто рассказывая о чемъ-то великомъ и удивительномъ? Думаю, что и Аѳанасій Великій едва-ли входилъ съ такимъ торжествомъ. И въ подтвержденіе словъ своихъ присовокупилъ одну изъ употребительныхъ клятвъ. А симъ (что, думаю, и вамъ понятно) хотѣлъ онъ выразить, что похваляемаго нынѣ Аѳанасія почитаетъ выше и самаго царя. Таково было общее уваженіе къ сему мужу, таково и донинѣ удивленіе къ воспоминаемому его вшествію. Ибо жители города, раздѣлившись по пѣламъ, возрастамъ и занятіямъ (въ такомъ обыкновенно располагаются порядкѣ, особенно Александрійцы, когда воздаютъ кому всенародную почесть), составляли изъ себя (какъ изобразить словомъ великое сіе зрѣлище?) одну рѣку. А поэтъ сказалъ бы, что это подлинно златоструйный и доброкласный Ниль, текущій обратнo изъ города въ Херею на разстояніе, какъ думаю, однодневнаго пути и далѣе.

Позвольте мнѣ еще нѣсколько насладиться повѣствованіемъ. Тамъ присутствую мысленно, и не легко отвлеку слово отъ сего торжества. Онъ вѣз-

жалъ на жребяти и почти такъ же (не укорите меня въ безуміи), какъ мой Іисусъ—*на жребяти осли* (Іоан. 12, 15.), другое ли что хочетъ называть симъ Слово, или народъ языческій, на которомъ благотворно возсѣдаетъ Іисусъ, разрѣшивъ его отъ узъ невѣдѣнія. Но Іисуса пріемлютъ на себя древесныя вѣтви, также повергаемыя на землю и постилаемыя многоцвѣтныя и испещренныя одежды. И симъ только не былъ почтенъ, въ этомъ одномъ не сравненъ высокій и многоцѣнный мужъ; между тѣмъ какъ вшествіе его изображало собою вшествіе Христово. И предъ нимъ были взывающіе и предходящіе; кромѣ того, что не одно множество дѣтей восхваляло его, но всякій согласный и несогласный языкъ старавшихся превзойти другъ друга въ похвалахъ. Не буду уже говорить о всенародныхъ рукоплесканіяхъ, объ изліяніи благовоній, о всенощныхъ бодрствованіяхъ, объ освѣщеніи цѣлаго города, объ общественныхъ и частныхъ пиршествахъ и о всемъ прочемъ, чѣмъ только города изъявляютъ свою радость. Все это было тогда принесено въ даръ ему въ преизбыткѣ и свыше всякой мѣры. Такъ и съ такимъ торжествомъ чудный Аѳанасій вступаетъ въ свой городъ!

Ужели же онъ жилъ, какъ прилично было предстоятелю многочисленнаго народа, но училъ, не какъ жилъ? или подвизался, не какъ училъ? или подвергался бѣдствіямъ менѣе кого-нибудь изъ подвизавшихся за слово? или почтенъ меньше, нежели сколько заслуживали его подвиги? или по вшествіи помрачилъ чѣмъ-нибудь славу, пріобрѣтенную при вшествіи? Ни мало; напротивъ того въ немъ все

одно другимъ поддерживалось, и какъ въ одной лирѣ, все одинаково было настроено — и жизнь, и ученіе, и подвиги, и бѣдствія, и что оказано ему при возвращеніи, и что совершенно имъ по возвращеніи. Онъ вступаетъ въ управленіе Церковію, но вмѣстѣ съ тѣмъ не испытываетъ на себѣ того же, что бываетъ съ людьми, которыхъ ослѣпляетъ немѣренность гнѣва, и которые, покорясь его владычеству, изгоняютъ и ниспровергаютъ все, на первый разъ имъ встрѣтившееся, хотя бы оно и стояло пощады. Напротивъ того разсуждая, что теперь всего благовременнѣе заслужить ему одобреніе (потому что злостраждущій всегда бываетъ умѣреннѣе, а получившій возможность воздать зломъ за зло мнѣе соблюдаетъ умѣренности), такъ кротко и снисходительно обходится съ оскорбившими его, что даже и для нихъ самихъ, можно сказать, не было неприятно Аѳанасіево возвращеніе. Онъ очищаетъ Святилище отъ корчемствующихъ святынею хриstopродавцевъ, чтобы и въ этомъ стать подражателемъ Христовымъ, впрочемъ совершаетъ сіе не свитымъ изъ вервій бичемъ (Іоан. 2, 15.), но убѣдительнымъ словомъ. Онъ примиряетъ другъ съ другомъ и съ собою безпокойныхъ, не потребовавъ къ тому посредниковъ, освобождаетъ отъ притѣсненій терпѣвшихъ обиды, не разбирая, держался ли кто его или противной стороны, возставляетъ падшее ученіе. Снова свободно исповѣдуется Святая Троица, поставленная на свѣщникѣ, и блистательнымъ свѣтомъ Единаго Божества осіявающая души всѣхъ. Снова даетъ онъ законы вселенной; обращаетъ къ себѣ умы всѣхъ, къ однимъ пишетъ

посланія, другихъ призываетъ къ себѣ, а иные приходятъ непризванные и получаютъ назиданіе. Всѣмъ же предлагаетъ онъ одинъ законъ, — свободное произволеніе; ибо сего одного почиталъ достаточнымъ руководствомъ къ совершенству. Кратко сказать: онъ подражаетъ свойствамъ двухъ похвальныхъ камней; для поражающихъ служить адамантомъ, а для мятежниковъ — магнитомъ, который неизъяснимою силою естества привлекаетъ желѣзо и приспособляетъ къ себѣ самое твердое изъ веществъ.

Но зависть (ш) не могла терпѣливо видѣть, что Церковь весьма скоро, подобно тѣлу, заживила разсѣченные члены и достигла прежней славы и древняго благосостоянія; посему противъ Аѳанасія возстаетъ царя (щ), подобно себѣ, отступника, равнаго злобою и уступающаго только во времени. Онъ первый изъ Христіанскихъ царей, вставъ противъ Христа и вдругъ изринувъ изъ себя василиска нечестія, которымъ давно мучился, какъ скоро настало благоприятное время, вмѣстѣ провозглашается самодержцемъ, и оказывается злымъ противъ царя, вѣрившаго ему царскую власть, а еще злѣйшимъ противъ Бога, его спасаго. Онъ вымышляетъ гоненіе лютѣйшее изъ всѣхъ, когда-либо бывшихъ, потому что, присоединивъ къ мучительству убѣжденіе (такъ какъ хотѣлъ лишитъ страждущихъ и чести, приобретаемой подвигами), приводитъ въ колебаніе самое ревностное мужество, тѣ обороты и хитро-

(ш) Діавола.

(щ) Юліана.

сплетенія, какія употребительны въ рѣчи, внося въ самую нравственность, или, справедливѣе сказать, дѣлая совершенно безнравственными, даже заботясь о семъ и подражая многокозненности обитавшаго въ немъ лукаваго. Онъ почиталъ маловажнымъ дѣломъ покорить своей волѣ весь родъ Христіанскій, а великимъ — восторжествовать надъ Аѳанасіемъ и надъ тою силою, какую имѣлъ онъ въ нашемъ ученіи. Ибо видѣлъ, что не успѣетъ въ своемъ замыслѣ противъ насъ, пока Аѳанасій — въ полномъ вооруженіи и готовъ дать ему отпоръ; потому что оскуднѣніе Христіанъ всегда восполнялось присоединяющимися изъ язычниковъ и (что по-истинѣ удивительно) его благоразуміемъ. Все это разумѣя и видя, сей страшный лжеумствователь и гонитель не остается долѣе подъ личиною и въ хитромъ самопринужденіи, но, обнаруживъ свое лукавство, явно изгоняетъ Аѳанасія изъ города; потому что сему добльственному побѣдителю надлежало достигнуть полной славы послѣ троекратной борьбы. По прошествіи немногаго времени Правосудіе Божіе, предавъ злочестиваго царя Персамъ, тамъ совершаетъ надъ нимъ судъ, и увлеченнаго туда любочестіемъ возвращаетъ мертвымъ, ни въ комъ не возбужающимъ сожалѣнія; даже, какъ слышалъ я отъ кого-то, его не приняла могила, но отвергла и съ пламенемъ изринула поколебавшаяся ради его земля, въ чемъ вижу начало тамошняго мученія.

Но возстаетъ другой царь (ъ), не безсраменъ ли-

(ъ) Ювиніанъ.

цемъ (Дан. 8, 23.), подобно предшествовавшему, и не угнетающей Израиля тяжкими дѣлами и пристравниками, а напротивъ того весьма благочестивый и кроткій. Онъ, желая положить прочнѣйшее основаніе своему царствованію и управленіе по добрымъ законамъ начать, съ чего надлежало, съ одной стороны возвращаетъ изъ заточенія Епископовъ, какъ всѣхъ вообще, такъ прежде другихъ превосходившаго всѣхъ добродѣтелию и за благочестіе подвергшагося явному гоненію, а съ другой стороны истину Вѣры нашей, которую многіе разоряли, затмѣвали, раздробили на множество толковъ и частей, старается дознать, чтобъ особенно весь міръ, сколько можно, привести въ согласіе и единеніе, содѣйствіемъ Святаго Духа; въ противномъ же случаѣ, чтобы по крайней мѣрѣ ему самому держаться лучшаго исповѣданія, сдѣлать оное господствующимъ и себѣ заимствовать отъ него силу, — такъ возвышенно и достолюбно разсуждалъ онъ о наиважнѣйшихъ предметахъ! Здѣсь-то наипаче и обнаружались въ Аѳанасіи чистота и твердость вѣры во Христа. Ибо когда всѣ прочіе, исповѣдовавшіе наше ученіе, раздѣлились на три части, и многіе въ ученіи о Сынѣ, а большее число въ ученіи о Духѣ Святомъ (гдѣ и придержаться нѣсколько нечестія почиталось благочестіемъ) заражены были недугомъ, и только не многіе о томъ и другомъ учили здраво, онъ первый, и одинъ, или съ весьма не многими, дерзнулъ стать за истину ясно и открыто, на письмѣ исповѣдавъ единое Божество и единую сущность трехъ (Лицъ); и что прежде даровано было великому числу Отцевъ утвердить въ догма-

тѣ о Сынѣ, то онъ богодухновенно преподавъ въ послѣдствіи о Духѣ Святомъ, принесши царю подлинно царскій и великолѣпный даръ, то-есть письменное исповѣданіе благочестія (ы) вопреки написанному (ь) нововведенію, чтобы препобѣждены были Царемъ царь, Словомъ—слова, письменемъ—письмена.

Устыдившись сего исповѣданія, какъ думаю, тѣ, въ комъ на Западѣ и на Востокѣ оставались еще признаки жизни, одни, если вѣрить собственнымъ ихъ словамъ, преклонились мыслию къ благочестію, но не простерлись далѣе, какъ мертвое порожденіе, лишившееся жизни еще въ матерней утробѣ; другіе, подобно искрѣ, воспламенились нѣсколько, чтобы удовлетворить обстоятельствамъ времени, или ревностнѣйшимъ изъ православныхъ и боголюбивымъ изъ народа; а нѣкоторые осмѣлились стать за истину. Къ послѣдней сторонѣ присоединился бы и я (ибо не смѣю похвалиться чѣмъ-либо большимъ) не для того, чтобы пристроить свою робость (таково расположеніе ума въ людяхъ наиболѣе слабыхъ; а мы довольно уже строили, не приобрѣтая чужаго, и губя свое, какъ подлинно худые домостроители), — но плодъ свой произвести на свѣтъ, съ заботливостію воспитать и представить взорамъ всѣхъ непрестанно усовершенующимся.

(ы) То-есть или символъ Вѣры, известный подъ именемъ Аѳанасіева, или исповѣданіе, представленное Аѳанасіемъ Іовиніану, о которомъ смотр. у Теодорита Церк. Истор. кн. 4 гл. 2 и 3.

(ь) По другимъ чтеніямъ вмѣсто написанный (*дурафон*) читается (*дурафон*) писменный. Въ обоихъ случаяхъ разумется арианское върученіе.

Это еще одинъ изъ его подвиговъ, меньше достойный удивленія. Ибо что удивительнаго, если самымъ дѣломъ подвергавшійся бѣдствіямъ за истину, исповѣдалъ ее письменно? Но что наиболѣе убѣждаетъ меня удивляться сему мужу, о чемъ и умолчать не лзя безъ вреда, особенно въ такое время, когда возникаетъ много разногласій; то присовокуплю къ сказанному. Да послужитъ дѣяніе сіе урокомъ и для нашихъ современниковъ, если только захотимъ подражать ему. Ибо какъ отъ почерпнутой воды отдѣляется не только оставшееся внѣ почерпнувшей руки, но и вытекающее сквозь пальцы изъ держаемаго рукою: такъ и отъ насъ отсѣкаются не одни нечестивые, но даже и благочестивые, и не только ради догматовъ неважныхъ, которые не стоили бы и спора (что было бы еще не такъ тяжело), но даже ради рѣченій, заключающихъ въ себѣ одинъ и тотъ же смыслъ. Ибо когда благочестно употребляемъ рѣченія: одна сущность и три Упостаси, изъ коихъ первое означаетъ естество Божества, а послѣднее—личныя свойства (*ιδιότητες*) Трехъ, и когда Римляне, одинаково съ нами разумѣя, по бѣдности своего языка и по недостатку наименованій, не могутъ различить сущности отъ Упостаси, и потому замѣняютъ слово: Упостаси, словомъ: лица, дабы не подать мысли, что они признаютъ три сущности: тогда что изъ сего выходитъ? Нѣчто весьма достойное смѣха или сожалѣнія. Сіе маловажное состязаніе о звукахъ показалось разностию Вѣры. Потомъ въ—слѣдствіе споровъ о семъ произошло то, что въ рѣченіи: три лица, открытъ Савелліанизмъ, и въ реченіи: три

упостаси, — Аріанизмъ. Чтожъ далѣе? По мѣрѣ того какъ съ каждымъ днемъ прибавлялось что — нибудь хотя нѣсколько огорчительное (такъ какъ споръ всегда производитъ огорченія), настаетъ опасность, что вмѣстѣ съ слогами расторгнутся и концы вселенной. Все это видя и слыша, сей блаженный, какъ истинно Божій человекъ и великій строитель душъ, не призналъ должнымъ оставить безъ вниманія столь неумѣстное и безразсудное сѣченіе слова, но употребляетъ свое врачество противъ такого недуга. Какъ же онъ производитъ сіе? Со всею кротостію и человеколюбіемъ пригласивъ обѣ стороны, и строго изслѣдовавъ смыслъ рѣченій, когда нашелъ ихъ не отступающими отъ здраваго ученія, и ни мало не разнствующими въ понятіи, предоставляетъ имъ употребленіе разныхъ именованій, связуетъ же во-едино самымъ именуемымъ. Это полезнѣе продолжительныхъ трудовъ и рѣчей, какія всякій уже передаетъ писанію, и къ которымъ бываетъ нѣсколько присоединено честолюбія, и отъ сего можетъ-быть вводится ими нѣчто и новое въ самомъ ученіи. Это предпочтительнѣе многихъ бдѣній, возлежаній на голой землѣ, которыя приносятъ пользу только упражняющимся въ оныхъ. Это равняется достославнымъ изгнаніямъ и неоднократному бѣгству самого Аѳанасія. Ибо за чтò рѣшился онъ терпѣть сіи изгнанія, то самое заботился исполнить по претерпѣніи.

Съ такимъ постоянствомъ дѣйствовалъ онъ и на другихъ, кого похваляя, а кого умѣренно наказывая: однихъ возбуждая въ медлительности, въ другихъ обуздывая горячность, обѣ иныхъ заботясь,

чтобы какъ-нибудь не пали, а инымъ подавая средства по паденіи исправиться. Нравомъ былъ простъ въ управленіи многообразенъ, мудръ въ словѣ, еще премудрѣ разумомъ, тихошественъ со смиряющимися, возвышенъ съ высокопарными; гостепріименъ, заступникъ просящихъ, отвратитель золь, дѣйствительно въ одномъ себѣ совмѣщавшій все то, что язычники приписывали по частямъ которому-либо изъ своихъ боговъ. Присвою куплю еще, что онъ былъ покровителемъ супружества, другомъ дѣвства, блюстителемъ и возстановителемъ мира, путеказателемъ для отходящихъ изъ сей жизни. О, сколько наименованій представляютъ Аѳанасіевы добродѣтели мнѣ, желающему наименовать сего мужа за каждую его доблесть! Поелику же провелъ онъ такую жизнь, такъ былъ наученъ и училъ, что дѣла и нравы его служатъ правиломъ для Епископовъ, а догматы его закономъ для православія: то какую пріемлетъ награду за благочестіе? — Ибо не должно ничего оставлять безъ вниманія. *Въ старости блазъ* (1 Пар. 29, 28.) оканчиваетъ онъ жизнь и прилагается къ отцамъ своимъ — Патріархамъ, Пророкамъ, Апостоламъ и Мученикамъ, подвизавшимся за истину. И скажу краткое надгробіе: при исходѣ его воздается ему болѣе почестей, нежели при вшествіяхъ. Много пролито о немъ слезъ; но въ сердцѣ cadaго осталась о немъ слава, превышающая все видимое.

О любезная и священная глава! ты, который сверхъ прочихъ своихъ совершенствъ, особенно уважалъ мѣру въ словѣ и молчаніи, положи здѣсь конецъ и моему слову; хотя оно скудно предъ

истиною дѣлъ твоихъ, однако же не имѣть недостатка въ сравненіи съ моими силами. А самъ милостиво призри свыше на насъ, на сей народъ, и его управь такъ, чтобы онъ былъ совершеннымъ поклонникомъ совершенной Троицы, умосозерцаемой и почитаемой во Отцѣ и Сынѣ и Святомъ Духѣ: а насъ, если времена будутъ мирны, сохрани, сопастырствуя съ нами; а если настанутъ брани, изведи отсель, или возьми и поставь съ собою и съ подобными тебѣ (хотя и слишкомъ велико просимое мною) въ самомъ Христѣ Господѣ нашемъ, Которому всякая слава, честь, держава во вѣки, аминь.

С Л О В О 22,

О МИРѢ, ГОВОРЕННОЕ ВЪ ОБЩЕМЪ СОБРАНИИ ЕДИНОВѢРНЫХЪ, ВЫВШЕМЪ ПОСЛѢ ПРИМИРЕНІЯ.

Ревность пламенна; духъ кротокъ; любовь милосерда, или, лучше сказать, она есть самое милосердіе; надежда долготерпѣлива. Ревность воспламеняетъ; духъ дѣлаетъ кроткимъ; надежда ожидаетъ; любовь связуетъ и не даетъ разсѣиваться тому, что есть въ насъ прекраснаго; хотя по природѣ мы и разсѣянны. Съ любовію бываетъ одно изъ трехъ: она или, пребывая въ сердцѣ, постоянна; или, колебавшись, возстановляется; или, удалившись, возвращается. Она подобна растеніямъ, которыя, если насильно согнуть ихъ руками и потомъ оставить на свободѣ, опять разгибаются и приходятъ въ прежнее положеніе; чѣмъ и обнаруживаютъ въ себѣ то свойство, что насиліемъ можно ихъ нагнуть, но не выпрямить. Правда, что порокъ по природѣ намъ подрученъ, и стремленіе къ худому сильно: это потокъ, который падаетъ съ стремнины; это тростникъ, который при вѣтрѣ легко загорается отъ искры, весь обращается въ пламень и истребляется вмѣстѣ съ своимъ порожденіемъ; ибо огонь есть

порожденіе вещества, истребляетъ его, какъ порокъ порочныхъ, но и самъ исчезаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что его питало. Но если бы кто-либо снискалъ навыкъ къ чему-либо доброду, и усвоилъ себѣ это: то для него труднѣе уже будетъ пасть, нежели какъ въ-началѣ было сдѣлаться добрымъ; потому что всякое добро, утвержденное временемъ и разсудкомъ, обращается въ природу; какъ и сія любовь, которая въ насъ, и съ которою совершаемъ мы служеніе любви истинной, и возлюбленной и избранной нами въ руководство для цѣлой жизни.

Итакъ гдѣ же наблюдающіе тщательно за нашими дѣлами (хорошо, или худо онѣ идутъ), наблюдающіе не для того, чтобы разсудить, но чтобы осудить, наблюдающіе не потому, что принимаютъ участіе, но потому, что радуются злу, на доброе клеветаютъ, а худое выставляютъ на позоръ, и въ ранахъ ближняго ищутъ извиненія собственнымъ порокамъ? Пусть судили бы они справедливо! По пословицѣ, и желчь была бы иногда пригодна, если бы опасеніе отъ враговъ могло сдѣлать насъ болѣе осторожными. Но теперь судятъ они съ неприязнію и злобою, омрачающею разсудокъ; а потому и порицаніе ихъ не имѣетъ никакого вѣроятія. Итакъ гдѣ они, равно ненавидящіе Божество и насъ?— Изъ всѣхъ нашихъ злостраданій славнѣе тѣ, которыя терпимъ ради Бога. Гдѣ сіи снисходительные судіи собственныхъ дѣлъ и строгіе истязатели чужихъ, чтобы и въ этомъ солгать истинѣ? Гдѣ вы, которые сами покрыты глубокими ранами, а насъ укоряете за всякій багровый знакъ, сами подвергаетесь паденіямъ, а насъ осмѣиваете и за преткно-

веніе, сами утопаете въ грязи, и радуетесь увидѣвъ на насъ пятно, сами слѣпотствуете отъ бревень въ глазахъ, а намъ ставите въ вину имѣть спицу, которая не производитъ большой боли, пока она въ глазѣ, и которую не трудно вынуть изъ глаза, или сдунуть съ него? Будьте теперь участниками нашихъ таинъ; васъ призываемъ въ сонмъ свой, и ненавидимые (какая самонадѣянность, или какое дерзновеніе!) предаемъ себя на судъ врагамъ, чтобы вамъ остаться посрамленными и побѣжденными, когда самый недугъ нашъ (что можетъ быть страннѣ сего?) убѣдитъ васъ въ нашемъ здоровіи. Ибо не въ ученіи о Божествѣ было у насъ разномысліе, но подвизались мы за благочиніе, и спорили не о томъ, которое изъ нечестивыхъ ученій предпочесть должно, — то ли, которымъ сокращается Божество, или то, которымъ отсѣкается отъ Божіей сущности или одинъ Духъ, или съ Духомъ и Сынъ; спорили, говорю, не о томъ, принять ли одну или двойную мѣру нечестія. Но таковы (кратко говоря) нынѣшніе недуги; потому что нынѣ полагаютъ *восхожденія въ сердце свое* (Пс. 63, 6.), но не исповѣданія, а отреченія, не богословія, но богохульства; нынѣ всѣ одинъ другаго расточительнѣе въ богатствѣ нечестія, какъ будто не нечестія боятся, но того, чтобы не стать умѣреннѣе и челоуѣколюбивѣе другихъ. А мы поступаемъ не такъ. Напротивъ того въ ученіи о Божествѣ (если не много будетъ сказать это) мы столько же единомышленны и согласны, сколько и Божество Само съ Собою. Мы стали *устны едины и гласъ едины* (Быт. 11, 1.), но не для такой

цѣли, для какой въ древности созидавшіе столпъ; они были единомышленными на зло, а мы пользуемся единомысліемъ для всего добраго, чтобы единомудренно и едиными устами славить Отца и Сына и Святаго Духа, чтобы о насъ можно было сказать, *яко воистину съ нами есть Богъ* (1 Кор. 14, 23.), соединяющій соединяющихъ и прославляющій прославляющихъ Его, и не только можно было сказать сіе, но и повѣрить сему.

Но есть нѣчто, въ чемъ и мы не соглашались. Не спорю, что и сіе худо; ибо не надлежало бы давать какъ лукавому доступа или повода, такъ и злымъ языкамъ свободы. Впрочемъ не столько худо, какъ представляется нашимъ клеветникамъ. Поелику намъ, какъ людямъ, свойственно было и погрѣшить въ чемъ — нибудь: то вотъ нашъ проступокъ — мы были весьма пастырелюбивы, и не умѣли рѣшить, которое изъ двухъ благъ предпочтительнѣе, пока не согласились равно уважить то и другое. Такова наша вина; за сіе пусть укоряетъ, или прощаетъ насъ кто хочетъ. На это одно могутъ опереться еретики. Кромѣ же сего ничего не найдете, хотя бы и очень желали. *Мухи умершія и загнившія сгноютъ елей*, говоритъ нѣкто (Екклес. 10, 1.); но зависть не можетъ повредить добру, хотя и захочетъ; *ибо истина, какъ разсуждаю съ Ездрую, крѣпче паче всѣхъ* (2 Ездр. 4, 35.).

Такимъ образомъ мы сами собою прекратили и будемъ прекращать собственныя свои несогласія; ибо не возможно, чтобъ отцы немилостиво судили дѣтей, особливо при посредствѣ обще-исповѣдуемой Троицы, за Которую воздвигаютъ на насъ

брань, и для Которой мы сами не будемъ вступать въ брань. Поручителемъ же мира я — человекъ столь малый для такого дѣла; потому что *Господь смиреннымъ даетъ благодать*, а высокихъ смиряетъ до земли (Іак. 4, 6. Пс. 146, 6.). Но что изъ сего вамъ, общіе наши примирители (ибо вы дѣйствительно наши примирители, и невольно оказываете намъ такую милость)? Если мы погрѣшаемъ въ чемъ-нибудь большомъ или маломъ; то вы отъ сего не дѣлаетесь благочестивыми. Напротивъ того, какъ мы не стоимъ похвалы за худое, если когда падаемъ: такъ вы остаетесь не менѣе нечестивыми, хотя и мы согрѣшаемъ, — даже еще болѣе, потому что съ нами падающими поступаете жестоко.

Но чтобы вы могли видѣть наше во всемъ единомысліе, а изъ сего заключить, что мы и всегда будемъ единомышленными; хотя въ семь, какъ думаю, увѣрило и видимое — и праводушный отецъ и благопокорный сынъ, вмѣстѣ возсѣдающіе, служащіе другъ другу украшеніемъ, и въ васъ воспламенившіе ту искру благочестія и единокорія, которая только есть; однакоже да убѣдитъ въ томъ и слово. И какъ вы слышали уже одного (а) (ваше удивленіе доселѣ оглашаетъ слухъ мой, а сокровенное въ сердцахъ, очень знаю, еще больше и того, что излилось въ воздухъ); такъ услышите опять и меня, если снова желаете слышать, и если комунибудь изъ васъ недостаточными доказательствами кажутся и проповѣданное неоднократно, и тѣ иску-

(а) Родителя Св. Григорія Богослова.

иенія, тѣ метанія камнями, которыя я уже претерпѣлъ, и готовъ еще претерпѣть, почитаю для себя потерю не страданія, но лишеніе страданій, тѣмъ болѣе когда вкусилъ уже бѣдствій за Христа, и приобрѣлъ отъ нихъ прекрасный плодъ — приумноженіе людей сихъ. Итакъ чего хотите? Убѣдились ли вы этимъ? И мнѣ не нужно прилагать новыхъ трудовъ, не нужно въ другой разъ богословствовать? Вы пощадите мою немощь, по которой и сіе едва говорю вамъ? Или для васъ, какъ для людей имѣющихъ тяжелый слухъ, надобно многократно повторять одно и то же слово, чтобы, при постоянномъ напряженіи голоса, сказать наконецъ въ уши слышащихъ? Мнѣ кажется, что вы молчаніемъ своимъ вызываете слово; ибо молчаніе, по пословицѣ, есть знакъ согласія. Итакъ примите слово обоихъ, отъ единого сердца и изъ единыхъ устъ.

Скорблю о томъ, что не могу, взошедши на одну изъ высокихъ горъ, голосомъ, соответствующимъ желанію, предъ цѣлою вселенной, какъ среди общаго позорища, возгласить во услышаніе всѣмъ не благочестиво мыслящимъ: *сынове чловѣчестіи, доколь тлжкосердіи; вскую любите суету и ищите лжи (Пс. 4, 3.)*? Для чего вводите не одно простое Божіе естество, но или три, между собою разъединенныя и расторгенныя, даже (не странно будетъ сказать) взаимно противоборствующія по причинѣ то излишествъ, то недостатковъ, или хотя и одно, но скудное, заключенное въ тѣсныя предѣлы, не имѣющее свойства быть началомъ чего-либо великаго, потому что Оно не можетъ, или не хочетъ сего, и не хочетъ по двумъ причинамъ: или изъ зависти, или

изъ страха;—изъ зависти, чтобы не сопривзошло чего-либо равночестнаго, изъ страха, чтобы не произошло враждебнаго и противоборствующаго? А между тѣмъ сколько Богъ досточестнѣ тварей, столько приличнѣ первой Причинѣ быть началомъ Божества, а не тварей, столько приличнѣ при посредствѣ Божества нисходить Ей до тварей, а не напротивъ, ради тварей созидаться Божеству, какъ угодно думать умамъ чрезъ - мѣру пытливымъ и высокопарнымъ (б). Ибо ежели, исповѣдуя достоинство Сына и Духа, станемъ или признавать Ихъ безначальными, или возводить къ иному началу (в): то по-истинѣ опасно, чтобы или не обезчестить тѣмъ Бога, или не допустить чего-либо богопротивнаго. Если же (сколько ни возвышаешь Сына и Духа,) не ставишь Ихъ выше Отца, то не устраняешь Ихъ отъ Причины, а напротивъ того къ Ней возводишь и благое рожденіе и чудное исхожденіе.

Спрошу у тебя, любитель нерожденія и безначалія: кто болѣе безчеститъ Бога, тотъ ли, кто почитаетъ Его началомъ такого Сына и такого Духа, какими ты признаешь Ихъ, или кто исповѣдуетъ Его началомъ не такого Сына и не такого Духа, но подобныхъ Ему по естеству и равныхъ въ славѣ, какими исповѣдуетъ Ихъ наше ученіе? Но для

(б) Таково было богохульное ученіе Аріанъ, утверждавшихъ, что Сынъ сотворенъ для насъ, что чрезъ Него, какъ чрезъ орудіе, Богъ сотворилъ насъ, и если бы Богу не угодно было сотворить насъ, то не было бы и Сына. Шикизъоръ кн. 8. гл. 8.

(в) А не къ Отцу.

тебя много, очень много чести, имѣть у себя сына, даже тѣмъ больше, чѣмъ совершеннѣе подражаетъ онъ во всемъ отцу, и служить точнымъ образомъ родителя. И не такъ охотно согласился бы ты стать господиномъ тысячи рабовъ, какъ родителемъ одного сына. Ужели же для Бога есть что-либо выше чести быть Отцемъ Сына, Который служить къ усугубленію, а не къ уменьшенію Его славы, равно какъ и быть Изводителемъ Духа? Развѣ не знаешь, что, Начало (разумѣю Начало Сына и Духа) признавая началомъ тварей, не чтишь самага Начала и безчестишь Исходящихъ изъ Начала? Не чтишь Начала, потому что полагаешь Его Началомъ чего-то такого, что мало и не достойно Божества. Безчестишь и Исходящихъ изъ Начала, потому что дѣлаешь Ихъ малыми и не только тварями, но даже чѣмъ-то такимъ, что малочестнѣе самыхъ тварей, если Они для тварей только существуютъ, а нѣкогда не существовали, какъ и художническаго орудія не бываетъ прежде художниковъ, даже вообще не существовали бы, если бы Богу (какъ будто для Него не довольно только захотѣть) не стало угодно сотворить что-нибудь чрезъ Нихъ. Ибо все, что бываетъ для чего-нибудь другаго, малочестнѣе того, для чего оно бываетъ. Но я, вводя начало Божества невременное, неотлучное и безпредѣльное, что и Начало, а равно и Исходящихъ изъ Начала, — первое, потому что Оно начало таковыхъ Исходящихъ, и послѣднихъ, потому что Они такъ, такими и изъ такого исходятъ Начала, неотдѣльны отъ Него ни временемъ, ни естествомъ, ни достоинствомъ Имъ поклоненіемъ, суть съ Нимъ едино —

но (хотя и необыкновененъ такой образъ выраженія) раздѣльно, раздѣльны съ Нимъ — но соединенно, не менѣе досточтимы — представляемые и познаваемые, какъ во взаимномъ между Собою соотношеніи, такъ и Каждый Самъ по Себѣ, — совершенная Троица изъ Трехъ совершенныхъ. Ибо Божество выступило изъ единичности по причинѣ богатства, преступило двойственность, потому что Оно выше матеріи и формы, изъ которыхъ состоятъ тѣла, и опредѣлилось тройственностію (первымъ, что превышаетъ составъ двойственности), по причинѣ совершенства, чтобы и не быть скуднымъ и не разлиться до безконечности. Первое показывало бы нелюбообщительность, послѣднее — безпорядокъ; одно было бы совершенно въ духѣ Иудейства, другое — язычества и многобожія.

Беру въ разсмотрѣніе и то (а такое сужденіе мое, можетъ — быть, не совсѣмъ незрѣло и просто, но напротивъ того очень основательно), что для тебя нѣтъ опасности признавать Сына рожденнымъ; потому что Нерожденный, не будучи тѣломъ, и раждая, не терпитъ чего-либо свойственнаго тѣлесному и вещественному. Даже и общія понятія о Богѣ дозволяютъ приписывать Ему рожденіе. Для чего же тамъ бояться страха, гдѣ нѣтъ страха (Пс. 13, 5.), и держаться нечестія, какъ говорится, изъ ничего? — Напротивъ того я опасаясь, что исказимъ понятіе о Божествѣ, если допустимъ въ Божество тварь. Ибо сотворенный не Богъ, и сослужебный намъ не Владыка; хотя приписываютъ Ему первенство между рабами и тварями, и въ этомъ одномъ оказываютъ снисходительность къ Оскорбляемому.

Но лишаящій должной чести, не столько чествуетъ тѣмъ, что воздаеть, сколько безчестить тѣмъ, что отъемлетъ, хотя воздаваемое и имѣеть видъ почести.

И если воображаешь, что при рожденіи имѣють мѣсто страсти: то думаю, что онѣ имѣють мѣсто и при твореніи. Даже не знаю, какъ творимое можетъ быть сотворено безстрастно. Если же (Сынъ) и нерожденъ, и не сотворенъ: то договаривай уже и остальное (г) ты, дерзающій выговорить почти тоже самое, когда именуешь Его тварію. Для твоей дерзости, злѣй цѣнитель и судія Божества, нѣтъ ничего недоступнаго и неприкосновеннаго. Тебѣ нечѣмъ болѣе прославиться, развѣ тѣмъ, чтобы, какъ можно далѣе, отстранить Бога отъ владычества, что властолюбцы и лихоимцы дѣлають съ людьми ихъ слабѣйшими.

А я буду повторять одно и то же, притомъ краткое, изрѣченіе: Троица воистинну есть Троица, братія. Но слово: троица, означаетъ не счетъ вещей неравныхъ (иначе что препятствуетъ, слагая съ тѣмъ или другимъ числомъ вещей, именовать десяткомъ, сотнею, десяткомъ тысячъ; такъ какъ вещей, числомъ изображаемыхъ, много, даже болѣе показаннаго теперъ), но совокупность равныхъ и равночестныхъ; при чемъ наименованіе соединяетъ то, что соединено по естеству, и не дозволяетъ, чтобы съ распаденіемъ числа разрушилось неразрушимое.

Такъ мы разсуждаемъ и такъ содержимъ; о взаимномъ же отношеніи и порядкѣ въ Троицѣ остав-

(г) То-есть, что Сынъ не существуетъ.

ляемъ вѣдать Ей единой и тѣмъ изъ очищенныхъ, которымъ сама Троица благоволилъ открыть се или нынѣ, или въ-послѣдствіи. А сами знаемъ, что одно и тоже естество Божества, познаваемое въ Безначальномъ, въ рожденіи и исхожденіи (какъ-бы въ умѣ, который въ насъ, въ словѣ и духѣ, поколику чувственному уподобляется духовное, и малому высочайшее, тогда какъ никакой образъ не достигаетъ вполнѣ до истины). Знаемъ, что Оно Само съ Собою согласно, всегда тождественно, безколичественно, невременно, несозданно, неописуемо, никогда не было и не будетъ Само для Себя недостаточнымъ. Знаемъ, что Оно есть жизни и жизнь, свѣты и свѣтъ, блага и благо, славы и слава, Истинное и Истина и Духъ истины, святыхъ и источникъ святыхъ, каждая (умопредставляемая особа, поколику умъ раздѣляетъ и нераздѣльное) есть Богъ и всѣ три (умопредставляемая вмѣстѣ) также Богъ, по тождеству движенія и естества. Знаемъ, что Оно ничего не оставило выше Себя, и не превзошло что-либо иное, ибо и не было ничего такого; знаемъ, что Оно ничего послѣ Себя не оставитъ и не превзойдетъ, ибо и не будетъ ничего такого; знаемъ, что Оно не допускаетъ ничего равночестнаго съ Собою, потому что ни одно изъ существъ сотворенныхъ, служебныхъ, соучаственныхъ и ограниченныхъ не достигаетъ до Естества несозданнаго, владычественнаго, дѣлающаго другихъ Своими причастниками, и безпредѣльнаго. Ибо однѣ изъ тварей совершенно удалены отъ Него; другія же приближены къ Нему нѣсколько и будутъ приближаться, но не по своему естеству, а по прича-

стію Его естества, и притомъ тогда только, когда доброе порабощеніе Троицы содѣлается чѣмъ-то высшимъ рабства; если уже не составляетъ свободы и царства то самое, чтобы хорошо познавать владычество, впрочемъ, по низости ума, не смѣшивать того, что имѣетъ между собою разстояніе. А для кого такъ высоко рабство, для того чѣмъ будетъ владычество? Ежели и познаніе есть блаженство (Іоан. 17, 3.), то каково Познаваемое? — Къ сему ведетъ насъ великая тайна! Къ сему ведетъ вѣра въ Отца и Сына и Святаго Духа и въ общее имя! Къ сему ведутъ возрожденіе, отреченіе отъ безбожія и исповѣданіе Божества — сего общаго имени! Почему, безчестить или отдѣлять Единого изъ трехъ — значитъ безчестить исповѣданіе, то-есть, и возрожденіе, и Божество, и обоженіе, и надежду. Видите, что даруетъ намъ Духъ, исповѣдуемый Богомъ, и чего лишаетъ — отвергаемый. Умалчиваю уже о страхѣ и о гнѣвѣ, какой угрожаетъ не чтущимъ, но безчестящимъ Духа (Матѣ. 12, 32.).

Такъ, сколько можно короче, излагаю вамъ наше любу мудріе — догматически, а не состязательно, по способу Рыбарей, а не Аристотеля, духовно, а не хитро-сплетенно, по уставамъ Церкви, а не торжища, для пользы, а не изъ тщеславія, чтобы вы, противъ насъ проповѣдующіе въ народныхъ собраніяхъ и въ семъ одномъ единомышленные, узнали, что мы едино мыслимъ, единымъ духомъ воодушевлены и дышемъ, и чтобы уже не собирали, какъ голодные, и не разсѣивали нашихъ маловажныхъ (не знаю какъ назвать) паденій или дѣтскихъ проступковъ. Ибо верхъ бѣдствія — находить себѣ

защиту не въ собственной крѣпости, но въ чужемъ безсиліи.—Вотъ предъ вашими взорами мы подаемъ другъ другу десницы! Вотъ дѣла Троицы, согласны нами славимой и покланяемой! И васъ да содѣлаетъ сіе болѣе снисходительными и православными!—О, если бы мы были услышаны! О, если бы день сей содѣлался нарочитымъ, святымъ, днемъ не пререканія, но умирения, не памятникомъ искушенія, но торжествомъ побѣднымъ, чтобы наше взаимное единомысліе и единомысліе почти цѣлой вселенной, гдѣ одни доселѣ пребыли здоровыми, другіе почти возвратились къ здоровію, а иные начинаютъ возвращаться,—и для васъ послужило виною спасенія и возсозданія!

Святая, достопокланяемая и долготерпѣливая Троица!—Долготерпѣливая; ибо столько времени являла Свое долготерпѣніе къ разсѣкающимъ Тебя! Троица, Которой служителемъ и нелицемѣрнымъ проповѣдникомъ и я сподобился быть уже съ давняго времени! Троица, Которую всѣ познають нѣкогда—или просвѣщенные, или наказанные Тобою! Прими въ число Своихъ поклонниковъ и сихъ нынѣ оскорбляющихъ Тебя, да не утратимъ мы ни единого, даже изъ малыхъ, хотя бы мнѣ надлежало утратить нѣчто изъ благодати (не дерзаю сказать всего, что сказалъ Апостоль Римл. 9, 3.)!

Но для васъ неприятно сіе, болѣзнуетъ языкъ и мучится возраженіемъ? Разсмотрю со временемъ и возраженіе ваше, или разсмотрятъ его тѣ, у кого болѣе, нежели у меня, времени. Узнаемъ и прекрасныя ваши порожденія или исчадія; когда, жесткимъ и твердымъ словомъ разбивъ и сокрушивъ

лица аспидска (Ис. 59, 5.), покажемъ, что онѣ пусты и надуты однимъ воздухомъ, и обнаружимъ, какой кроется въ нихъ *василискъ* нечестія, — *василискъ*, но уже мертвый, несовершенный, недвижущійся, умершій въ мукахъ рожденія, и прежде, нежели родился, не существовавшій (говорю вашими словами, чтобы сказать что-нибудь и вамъ угодное), сколько ненавистный въ своемъ зачатіи, столько же жалкій и при изверженіи на свѣтъ. А сіе, сколько знаю, даруетъ намъ Тотъ, Кто далъ власть *наступать на аспида и василиска* (Пс. 90. 13.), и попирать змievъ и скорпионовъ (Лук. 10, 19.), Кто *сокрушитъ подъ ноги наша вскорѣ* (Рим. 16, 20.) и *сатану*, или по причинѣ прежней свѣтозарности, *яко молнію съ небесе спадша* (Лук. 10, 18.), или потому что въ-послѣдствіи онъ сдѣлался изогбеннымъ и превратился въ *пресмыкающагося*, подобно змiю бѣгающаго, — *сокрушитъ*, чтобы и намъ успокоиться нѣсколько отъ бѣдъ, какъ нынѣ, такъ и въ-послѣдствіи, когда совершенно отбѣжитъ отъ насъ и болѣзнь, и печаль, и воздыханіе, о Христѣ Иисусѣ Господѣ нашемъ. Ему слава и держава во вѣки вѣковъ, аминь.

С Л О В О 23,

О МИРѢ, ГОВОРЕННОМЪ ВЪ КОНСТАНТИНОПОЛѢ ПО СЛУЧАЮ РАСПРИ, ПРОИСШЕДШЕЙ ВЪ НАРОДѢ О НѢКОТОРЫХЪ НЕСОГЛАСНЫХЪ МЕЖДУ СОВОЮ ЕПИ-СКОПАХЪ.

Любезный миръ, — вождельный дѣломъ и именемъ, который подалъ я нынѣ людямъ, и получилъ въ-замѣнъ, не знаю, искренній ли отъ всѣхъ и достойный Духа гласъ, или народный только договоръ (къ вицшему нашему осужденію!), нарушаемый предъ свидѣтелемъ Богомъ! Любезный миръ — мой трудъ и моя похвала, о которомъ слышимъ, что онъ Божій, что Богъ есть его Богъ, и что самъ Богъ имъ именуется, какъ въ слѣдующихъ словахъ: *Миръ Божій* (Филип. 4, 7.); *Богъ мира* (2 Кор. 13, 11.); *Той есть миръ нашъ* (Ефес. 2, 14.), — и котораго мы при всемъ этомъ не уважаемъ! Любезный миръ — благо весьма восхваляемое и не многими хранимое, — гдѣ ты скрывался отъ насъ столько времени, и когда возвратишься къ намъ? Весьма сильно и болѣе всякаго другаго люблю и лобызаю тебя, заботливо храню, когда ты съ нами, и

многими слезами и рыданіями призываю, когда оставляешь насъ. Не взывали такъ — ни патріархъ Іаковъ къ Іосифу, проданному братьями, а по мнѣнію отца, похищенному звѣремъ, — ни Давидъ къ другу своему Іонаѳану, падшему во брани, а въ послѣдствіи къ сыну Авессалому. Одинъ, истерзанный горестію въ родительскомъ сердцѣ, вопіялъ: *звѣрь восхити Іосифа* (Быт. 37, 33.), звѣрь лютый и неукротимый, и положивъ передъ собою окровавленную одежду сына, обнималъ ее вмѣсто сыновняго тѣла, въ одномъ и томъ же находя и пищу и облегченіе скорби. Другой то проклинаетъ горы, на которыхъ происходила брань, взывая: «горы Гелвуйскія, да не падетъ на васъ ни дождь, ни роса! какъ сокрушился лукъ Іонаѳановъ и сила его!» то оправдываетъ отцеубійцу, какъ-бы ничѣмъ не оскорблялъ онъ отца, и примиряется съ мертвымъ, можетъ-быть и потому сѣтуя о сынѣ, что онъ занесъ руку на отца. Таково родительское сердце! — Кого на брани отражалъ какъ врага, того по смерти оплакиваетъ какъ друга. Природа всего могущественнѣе; она препобѣждаетъ и вражду.

Достойно сожалѣнія, что Кивотъ задержанъ иноплемениками, что Іерусалимъ сравненъ съ землею и попирается язычниками, что сыны Сіона, драгоценные и цѣнимые на вѣсь золота, отведены въ плѣнъ, доселѣ въ разсѣяніи и составляютъ народъ чуждый въ мірѣ и скитающійся. Горестно и то, что видимъ и слышимъ нынѣ: отеческіе грады ниспровергнуты, тысячи людей падаютъ, земля обременена пролотою кровію и множествомъ падшихъ,

народъ иноязычный (а) ходитъ по чужой области, какъ по своей. И не по малодушію защитниковъ (никто не обвинитъ ихъ въ этомъ: они тѣже самые, которые покорили едва не цѣлую вселенную!); но за наши пороки, за овладѣвшее нами нечестивое ученіе о Троицѣ, постигли насъ всѣ сіи бѣдствія и верхъ бѣдствій. Кто будетъ оспаривать сіе, если умѣетъ опредѣлить тяжесть несчастія по тѣмъ страданіямъ, какія мы сами претерпѣли, или раздѣляли съ другими? Но все сіе мало въ сравненіи съ тѣмъ, что изгнанъ миръ, похищено благолѣпіе Церкви, унижено древнее достоинство; до того превращенъ порядокъ, что мы, сдѣлавшіеся прежде изъ не-народа народомъ, изъ не-языка языкомъ, подвергаемся теперь опасности—изъ самаго великаго народа и языка опять стать не-народомъ и не-языкомъ, чѣмъ были въ-началѣ, когда не начальствовалъ надъ нами ты, когда мы не собрались еще подъ единое имя и единый чинъ.

Дѣйствительно, теперь оказывается, что удобнѣе переносить злополучіе, нежели сохранять благополучіе: потому что и мы, когда возставали на насъ брани, были укрѣпляемы и тѣснѣе соединяемы гоненіями; а когда совокупились во-едино, тогда ослабѣли. И кто изъ благомыслящихъ не сталъ бы оплакивать настоящаго времени? Но кто найдетъ и слово, равняющееся бѣдствію? Въ мирѣ живутъ

(а) Народы сѣверные, вторгнувшіеся во Фракію, опустошившіе сію область, но въ-послѣдствіи побѣжденные и усмиренные Θεодосіемъ великимъ.

разбойники, которыхъ связало злодѣяніе. Въ мирѣ живутъ замышляющіе о насильственной власти, сообщники воровства, заговорщики мятежа, соучастники прелюбодѣянія. Въ мирѣ живутъ и пѣвцы одного хора, и воины одного отряда, и пловцы одного корабля. Не стану говорить о наслѣдствахъ, раздѣляемыхъ поровну, о противоположныхъ мѣрахъ правленія, о преемствѣ общественныхъ служеній, о постепенности и законномъ порядкѣ начальствъ. Даже рѣдко видимъ, чтобы и сія пресловутая софистика или грамматика (не касаюсь философіи, изъ ревности къ которой молодые люди бѣсятся и сходятъ съ ума) предавалась крамоламъ, чаще же соблюдаетъ она миръ. Но у насъ нѣтъ согласія и союза; никогда не можемъ сойтися въ одномъ, не видимъ даже и способа уврачевать такую болѣзнь; но какъ будто бы и учимъ и учимся злонаправію, а не добродѣтели; много трудимся надъ тѣмъ, чтобы поджигать раздоръ; объ единомысліи же мало заботимся, или и вовсе не заботимся.

Когда другіе не соблюдаютъ согласія; тогда ихъ раздоръ не ведетъ ни къ чему важному. А нѣкоторымъ лучше быть въ раздорѣ, нежели въ единомысліи. Ибо кто изъ здравомыслящихъ похвалитъ союзъ, заключенный на худое дѣло? — Но если бы у насъ кто спросилъ: что мы чествуемъ и чему поклоняемся? — Отвѣтъ готовъ: мы чтимъ любовь. Ибо, по изрѣченію Святаго Духа, Богъ нашъ *любы есть* (1 Иоан. 4, 8.), и наименованіе сіе благоугоднѣ Богу всякаго другаго имени. А что главное въ Законѣ и Пророкахъ? — И на сіе не позволяеть Евангелистъ (Матѣ. 22, 40.) дать инаго отвѣта,

кромѣ прежняго. Почему же мы — читатели любви такъ ненавистуемъ и сами ненавидимы? Почему мы — читатели мира немилосердо и непримиримо враждуемъ? Почему мы — основанные на камнѣ — зыблемся, утвержденные на краеугольномъ камнѣ — распадаемся, призванные во свѣтъ — омрачаемся? Почему мы — служители Слова довели себя до такого молчанія, или безсловесія, или оцѣпенѣнія, или... не знаю, какъ назвать еще.

Зрн

И въ пищѣ, и во снѣ, и въ позорныхъ дѣлахъ есть, какъ говорятъ, мѣра сытости; все, не одно скорбное, но и самое пріятное возбуждаетъ наконецъ отвращеніе, потому что все изъ одного переходитъ и превращается въ другое. Но у насъ нѣтъ конца взаимнымъ пораженіямъ другъ друга, не только между разномыслящими и несогласными въ ученіи о Вѣрѣ (сіе было бы менѣе прискорбно, извинялось бы ревностію, однимъ изъ похвальныхъ качествъ, пока она въ предѣлахъ), но и между единомышленными, у которыхъ въ одномъ и томъ же одни и тѣ же противники. Это всего бѣдственнѣе и жалостнѣе. И что сему причиною? Можетъ быть любоначалие, или корыстолюбіе, или зависть, или ненависть, или презорство, или другая какая страсть, которыхъ не видимъ и въ самыхъ безбожникахъ.

Весьма забавна переменчивость во мнѣніяхъ. Когда насъ уловляютъ: тогда мы благочестивы и православы; живо прибѣгаемъ къ истинѣ, какъ будто стоимъ за Вѣру, и въ томъ одномъ (по сравненію съ худшимъ) поступаемъ похвально (хотя это само въ себѣ и гнусно), что, стыдясь порока, пере-

ходимъ на сторону того, что почтеннѣе, а именно благочестія. Тебѣ (кто бы ты ни былъ, дошедшій до такого состоянія) можно сказать: безумный и непостоянный человекъ, тварь лукаваго — изобрѣтателя зла, или (справедливѣе сказать) несмысленнѣйшій изъ людей! вчера былъ онъ для тебя благочестивъ; какъ же нынѣ сталъ нечестивъ, хотя ничего не прибавилъ и не убавилъ ни словомъ, ни дѣломъ, но въ томъ же стоитъ, какъ и тѣмъ же дышетъ воздухомъ, тѣми же глазами и на тоже смотреть солнце; а если угодно тебѣ спросить его о числахъ и мѣрахъ; то и на сіе будетъ отвѣчать не новое, но тоже, что и прежде? Однакоже нынѣ у тебя блудникъ, кто вчера былъ Иосифомъ. Ибо и до сего доходитъ любовь къ спорамъ, подобная пламени, пробѣгающему по соломѣ и обнимающему цѣлую окружность. Нынѣ Иуда, или Каиафа, кто вчера Илия, или Иоаннъ, или другій кто изъ подвизающихся въ рядахъ Христовыхъ, обложенный тѣмъ же поясомъ, облеченный въ ту же темную или черную ризу, какой (и по моему уставу и разсужденію) требуетъ строгость жизни. Вчера блѣдность лица — прекрасный цвѣтъ для мужей высокихъ, или скромность и спокойствіе голоса, или степенность и тихость походки именовали мы любомудріемъ; а нынѣ называемъ это тщеславіемъ. Ту же власть надъ духами и болѣзнями приписываемъ то Іисусу, то Веельзевулу; и въ семъ случаѣ не правдивыми пользуемся вѣсами, но руководствуемся охотою спорить и раздражительностію. Какъ одна и та же земля, для здороваго и не страдающаго никакимъ недугомъ, неподвижна, а у кого круженіе въ глазахъ, или кто самъ вертится, для

того движется, и какъ состояніе видящаго бываетъ переносимо на видимые предметы, или, если угодно, какъ одно и тоже разстояніе столповъ представляется большимъ тому, кто смотритъ изблизи, и меньшимъ тому, кто издали, потому что воздухъ скрадываетъ разстояніе, и зрѣніе сближаетъ предметы большаго объема: такъ и мы легко обманываемся по причинѣ вражды, и составляемъ не одинаковыя понятія объ однихъ и тѣхъ же лицахъ, когда они намъ друзья, и когда нѣтъ. У насъ время легко производитъ многихъ во святые, а многихъ, противъ всякой вѣроятности, — въ безбожники.

Или вѣрнѣе сказать, оно всѣхъ дѣлаетъ жалкими, не только потому, что на насъ смотрятъ, какъ на худый образецъ, тогда какъ порокъ подрученъ всякому, хотя бы и никто не привлекалъ, но и потому, что мы съ готовностію прощаемъ всѣмъ и все, только бы сойдтись въ одномъ.

Прежде не безопаснымъ почиталось сказать одно лишнее слово, а нынѣ злословимъ людей самыхъ благочестивыхъ. — Прежде не позволялось *читать законъ извнѣ, и призывать исповѣданіе* (Ам. 4, 5.), то-есть, какъ я разумѣю, народное одобреніе; а нынѣ и о неизреченныхъ тайнахъ допускаютъ судить людей оскверненныхъ, повергая *святая псомъ*, и бросая *бисеры предъ свиніями* (Матѣ. 7, 6.). И не довольно сего; мы насыщаемъ слухъ свой взаимными оскорбленіями другъ друга. Мы не можемъ разсудить даже того, что не безопасно повѣрять оружіе врагу, и слово противъ Христіанина — ненавидящимъ Христіанъ. Ибо въ чемъ мы укоряли нынѣ, въ томъ завтра будутъ укорять насъ.

Врагъ ласково выслушиваетъ слова твои, не потому что хвалить, но потому что собираетъ съ злымъ намѣреніемъ, чтобы при случаѣ изbleвать ядъ свой на оказавшаго ему довѣренность.

Для чего же терпимъ сіе, братія, и долго ли будемъ терпѣть? Когда отрезвимся отъ упоенія, снимемъ съ глазъ чешую, воззримъ на свѣтъ истины? Какая это тьма, какое сраженіе среди ночнаго мрака, какая буря не позволяющая различить въ лице друзей и противниковъ! Для чего мы стали поношеніемъ сосѣдомъ нашимъ, раздраженіемъ и поруганіемъ сущимъ окрестъ насъ (Пс. 78, 4.)? Чтò за ревнованіе о злѣ? Отъ чего такое нескончаемое изнуреніе самихъ себя? Или лучше сказать, мы не изнуряемъ себя, но, чтò бываетъ съ бѣснующимися, въ самомъ недугѣ почерпаемъ для себя силы, и радуемся своему истощанію. Нигдѣ нѣтъ у насъ ни слова, ни друга, ни сподобника, ни врача умѣющаго исцѣлить или отсѣчь страждущій членъ, ни Ангела предстателя, ни Бога; и сверхъ всего сами себя заграждаемъ мы Божіе чelовѣколюбіе. *Вскую Господи отстоиши далече* (Пс. 9, 22.)? И какъ *отвращаешься въ конецъ* (Пс. 88, 47.)? И когда *посѣщеніе сотворишь намъ* (Прит. 29, 13.)? До чего дойдетъ сіе и гдѣ остановится?

Боюсь, не есть ли настоящее уже дымъ ожидаемаго огня, не вскорѣ ли послѣ сего настанетъ антихристъ, и воспользуется нашими паденіями и немощами, чтобы утвердить свое владычество. Ибо конечно нападетъ онъ не на здравыхъ и не на совокупленныхъ любовію; а надобно, чтобы царство само въ себѣ раздѣлилось, чтобы крѣпкій въ насъ

разсудокъ подвергся искушенію и былъ связанъ, чтобы сосуды были расхищены, и мы потерпѣли то самое, что (какъ видимъ) терпѣть теперь врагъ отъ Христа (Матѳ. 12, 26—29.). —

О семь *азъ плачу*, говоритъ Іеремія въ Плачѣ своемъ (1, 15.); ищу *очесемъ моимъ* источниковъ *слезъ* (Іер. 9, 1.), которые бы удовлетворили моея горести; *призываю премудрыхъ женъ* сотворить и раздѣлить со мною плачъ (Іер. 9, 17.). И *чрево мое болитъ мнѣ*, смущаются чувства (Іер. 4, 19.); не знаю, какъ и какими словами облегчать скорбь свою. Отъ-сего и древнее предается молчанію, и новое—осмѣянію. Ибо врагамъ обращается въ забаву и то, что извлекаетъ у меня слезы. Черезъ сіе не мало потеряли у насъ Церкви, а приобрѣли зрѣлища, приобрѣли въ такомъ городѣ, который и божественное, на-ряду съ прочимъ, старается обращать въ забаву, который скорѣе осмѣетъ достойное похвалы, нежели оставитъ безъ осмѣянія смѣшное. Потому удивительно будетъ, если онъ не осмѣетъ и меня, который говорю сіе нынѣ, меня—пришлаго проповѣдника, который учу, что не надъ всѣмъ должно смѣяться, но что есть предметы, требующіе внимательнаго разсужденія. И что говорю: осмѣетъ? Подивишься, если не подвергнетъ меня даже наказанію за то, что хочу сдѣлать добро.

Таково наше положеніе; и меня печалитъ не то, что Церкви у насъ отняты (человѣкъ съ ограниченнымъ умомъ поскорбѣлъ бы можетъ-быть и о семъ);—не то, что золото течетъ къ другимъ;—не то, что злые языки (они дѣлаютъ свое дѣло) говорятъ худо; потому что не научились говорить доб-

раго. Не опасно то, чтобы Бога можно было описать мѣстомъ, или сдѣлать продажнымъ, и чтобы Онъ сталъ достояніемъ однихъ богатыхъ. Притомъ тѣ, которые говорятъ о мнѣ хорошо, или худо, не перемѣняютъ меня (подобно тому, какъ примѣшивающіе, или муру къ грязи, или грязь къ муру, чрезъ такое смѣшеніе сливаются качества грязи и мура) такъ, чтобы я сталъ огорчаться хулами какъ внутренно измѣнившійся. Иначе дорого заплатилъ бы я хвалителямъ, если бы своими похвалами сдѣлали они меня лучшимъ. Не такъ выходитъ на дѣлѣ; бранятъ меня, или удивляются мнѣ, въ обоихъ случаяхъ остаюсь такимъ, каковъ былъ.—*Земный же инако обилуетъ словеса*, говоритъ Іовъ (Іов. 11, 12.). Какъ пѣна приражается къ камню, какъ вѣтры къ соснѣ, или къ другому густому и высокому дереву: такъ и ко мнѣ приражаются людскія рѣчи, и я такъ почти любомудрствую самъ въ себѣ. Если обвинитель лживъ; то обвиненіе падаетъ не столько на меня, сколько на его слова, хотя и хулитъ онъ мое имя. А если онъ справедливъ; то обвиню лучше себя, а не говорящаго обо мнѣ. Ибо я самъ причиною того, что онъ говоритъ; а не говорящій—причиною того, что я таковъ. Посему рѣчи его, какъ ничего незначащія, оставивъ безъ вниманія, обращаюсь къ себѣ, и изъ злорѣчія его извлеку еще ту одну выгоду, что стану жить осторожнѣе. Но злорѣчіе имѣетъ и третію весьма важную и величественную пользу, именно ту, что насъ хулятъ вмѣстѣ съ Богомъ. Ибо одни и тѣ же, и отрицаютъ Божество, и оскорбляютъ Богослова.

Итакъ не сіе страшно, хотя и почитаютъ многіе страшнымъ, но то, что, сколько бы кто ни былъ твердъ въ душѣ и искрененъ въ благочестіи, не хотятъ даже и вѣрить, что онъ вѣренъ, нелицемѣрно добродѣтеленъ и свободенъ отъ притворства. Напротивъ того одинъ у насъ явно худъ; въ другомъ правдивость — одна личина и прикраса, обманывающая наружностію. Хотя не всѣ кажутся черными, потому что есть черные, не всѣ неблагообразными, неблагообразными, немужественными, невоздержными, потому что много такихъ; а напротивъ того, оуждаемъ ли, или хвалимъ кого, произносимъ о каждомъ особый, а не общій приговоръ: однако же обвиненіе въ злонравіи удобно распространяемъ на всѣхъ и дѣлаемъ общимъ обвиненіемъ цѣлаго, не только потому что многіе, но и потому что нѣкоторые злонравны.

Но гораздо страшнѣе сего то, что обвиненіе не останавливается на насъ однихъ, но простирается даже на высокое и досточтимое наше таинство (б). Ибо съ нашими судіями бываетъ тоже, что почти и со всѣми охотниками судить о чужихъ дѣлахъ; одни изъ нихъ довольно снисходительны и человѣколюбивы, а другіе очень жестоки и немилосерды. И первые насъ однихъ укоряютъ въ порокахъ, оставляя безъ укоризны наше ученіе. Другіе же, особливо когда встрѣчаютъ много худыхъ людей между удостоенными предстоательства, обвиняютъ самый законъ, будто бы онъ учитъ злонравію.

(б) То-есть Христіанскую Вѣру.

Итакъ что же, братія, долго ли сіе будетъ? ужели никогда не уцѣломудримся, не отрезвимся, не устыдимся? Не говоря о другомъ, побережемся по крайней мѣрѣ отъ вражескихъ языковъ, которые и ложью удобно вредятъ. Ужели не отстанемъ отъ сильной привычки спорить? доселѣ не выразумѣемъ, какіе предметы и въ какой мѣрѣ доступны нашему изслѣдованію, и какіе выше силъ нашихъ? Ужели не различимъ, какія изслѣдованія возможны въ настоящее время, при дольной слитности вещей, омрачающей мысль, и какія должно предоставить будущему вѣку, тамошней свободѣ, чтобы удовольствоваться пока нѣкоторыми, а для другихъ предпочтительнѣе, поколику надѣемся со-временемъ достигнуть совершенства и приобрести желаемое? Ужели не отдѣлимъ сами для себя того, о чемъ совсѣмъ не должно предлагать вопросовъ, о чемъ надобно спрашивать умѣренно, въ чемъ, какъ не вредномъ для нашего ученія, справедливо ли оно, или нѣтъ, можно уступать охотникамъ до споровъ, что должно предоставлять одной вѣрѣ, а что и разуму, и за что надобно сражаться со всею ревностію, впрочемъ словами, а не оружіемъ? Ибо занести на кого нибудь и руку — совершенно внѣ обычаевъ нашего двора, и мы отвергаемъ сіе, предоставляя нашимъ ненавистникамъ.

Назначимъ себѣ не тотъ одинъ предѣлъ благочестія, чтобы поклоняться Отцу и Сыну и Святому Духу, единому въ Трехъ Божеству и единой Силѣ, — поклоняться, не предпочествуя Одного, и не подпочествуя Другаго (в)

(в) Слова: *ἐπιπροσβουτες* (предпочествующіе) и *ὑποπροσβουτες* (под-

(выражусь такъ, чтобы и мнѣ подражать сколько нибудь мудрствующимъ о семъ); ибо одно невозможно, а другое нечестиво, — поклоняться, не разсѣкая единого величія новостію именъ; ибо ничто не бываетъ больше или меньше себя самого: но, утвердившись на такомъ предѣлѣ, будемъ единомышленны и во всемъ прочемъ, какъ читатели единыя Троицы, держащіеся единого почти догмата и единого тѣла; отсѣчемъ же и уничтожимъ, какъ общій недугъ, лишніе и бесполезные вопросы, пустившіе нынѣ столько отпрысковъ и вѣтвей. Ибо, не говоря о чемъ-либо отдаленномъ, развѣ не удовольствовались еще меня: Монтановъ лукавый духъ противъ Духа Святаго, Наватова дерзость, или нечистая чистота, уловляющая многихъ благолѣпиемъ рѣченій; доннынѣ продолжающееся неистовство Фригіянъ (г), и посвящающихъ и посвящаемыхъ едва-ли не съ древними обрядами; безуміе Галатовъ (д), обилующихъ многими именами нечестія; Савелліево сокращеніе; Аріево раздѣленіе, и происшедшее изъ него подраздѣленіе нынѣшнихъ хи-

почествующіе) по изъясненію Иліи принадлежать Евномію, который означалъ ими степени поклоненія тремъ Лицамъ Божества.

(г) Поелику Монтанъ первоначально посвялъ ересь свою во Фригіи; то послѣдователи его назывались Фригіянами, или Катафригіянами. А въ древности были извѣстны Фригіійскіе жрецы Цибелы, которые скопили себя при посвященіи въ жречество.

(д) Подъ Галатами Св. Григорій, какъ вѣроятно, разуметь Маркелліановъ.

трослововъ, въ той же мѣрѣ преимуществующихъ, въ какой говорливый языкъ лучше неповоротливаго? Даже и мы имѣемъ между собою подобныя почти разности, — мы, которые мыслимъ здраво о главномъ, и стоимъ за одно и то же противъ однихъ и тѣхъ же. Я разумѣю недавно начавшуюся у насъ братскую распрю (е), которою безчестится Богъ и человѣкъ, — Богъ, будто-бы вовсе для насъ не родившійся и не пригвоздившійся ко кресту, а слѣдовательно не погребенный и не воскресшій, какъ вообразилось нѣкоторымъ худымъ христіюбцамъ, но чествуемый въ томъ единственно, въ чемъ честь обращается въ безчестіе, и чрезъ сіе разсѣкаемый на двухъ сыновъ; а также — и человѣкъ, будто бы не совершенно воспріятый и почтенный, но отвергнутый и устраненный важнѣйшею его частію, тогда какъ въ естествѣ человѣческомъ всего важнѣе образъ Божій и сила ума. Но человѣчеству, поелику соединилось съ нимъ Божество, надлежало раздѣлиться; людямъ, по всему прочему умнымъ, надобно было впасть въ ошибку касательно ума, и, къ умаленію Божіей благодати и нашего спасенія, утверждать, что я не весь спасенъ, хотя весь палъ и осужденъ за преслушаніе первозданнаго и по ухищренію противника!

И не симъ только нарушается наше единомысліе. Напротивъ того мы, спасенные Богомъ, ведемъ

(е) Св. Богословъ разумѣетъ здѣсь ученіе Аполлинарія, называесть же оно не ересію, но братскою распрію, потому что надѣялся еще обратить Аполлинарія къ правой вѣрѣ, какъ можно видѣть изъ 77 письма его къ Олимпіи.

брань за людей, и столько въ насъ крамольнаго духа, что расточаемъ его въ угожденіе любочестію другихъ, заводимъ домашнія вражды за чужіе престолы, въ одномъ дѣлѣ допускаемъ двѣ весьма важныя погрѣшности. — въ честолюбцахъ поджигаемъ страсть къ любоначалию, а сами находимъ въ этомъ опору собственной своей страсти, подобно людямъ, которые, падая съ стремнины, хватаются за ближайшій камень, или сколько-нибудь твердый кустъ. Между тѣмъ надлежало намъ своимъ устраненіемъ отъ дѣла и ихъ обезсиловать, въ какомъ случаѣ оказали бы имъ больше благодѣянія, нежели нынѣ, сражаясь за нихъ. Теперь же весьма жалки и поборники и пользующіеся ихъ споробничествомъ; и мнѣ кажется, что опять уже дѣлится на двѣ враждебныя части міръ, который едва только примиренъ, и то съ трудомъ, не вдругъ, не безъ пролитія многой крови. А кто остается въ мирѣ, и не преклоняется ни на ту, ни на другую сторону, тотъ терпитъ зло отъ обѣихъ сторонъ: или презирають его, или нападаютъ на него. И какъ къ числу послѣднихъ принадлежу и я, который возстаю противъ сего, для чего принялъ и эту каеэдру — предметъ состязанія и зависти: то неудивительно, что и меня, послѣ всѣхъ моихъ трудовъ и усилій, обѣ стороны желали бы вытѣснить и устранить отсель, чтобы, когда уже не будетъ между ними средостѣнія и преграды, ближе сойдтись имъ и со всею яростію напасть другъ на друга.

Все сіе прекратить и остановить преимущественно можетъ Богъ, все связующій; но могутъ также и люди, ревнующіе о добрѣ и знающіе цѣну

единомыслія, которое ведеть начало отъ Троицы (такъ какъ Ей и по естеству всего свойственнѣе единство и внутренній миръ), которое усвоено ангельскими и божественными Силами, пребывающими въ мирѣ съ Богомъ и между собою, которое простирается на всю тварь (такъ какъ ей служить украшеніемъ безмятежіе), которое удобно поселяется и въ насъ, какъ по душѣ, когда въ ней добродѣтели одна другую сопровождаютъ и одна съ другою сообщаются, такъ и по тѣлу, когда въ немъ и члены и стихіи имѣютъ взаимную стройность, отъ-чего въ первомъ случаѣ происходитъ то, что есть и именуется красота, а во второмъ—здравіе.

Но похваляю и слово Соломона, который узаконяетъ время какъ для всякой вещи, такъ для брани и мира (Еккл. 3, 1. 8.). Присовокуплю только слѣдующее. Хотя должно наблюдать время брани и мира, а иногда, по закону и слову Соломонову, хорошо вести и брань: однако же лучше, доколѣ только можно, преклоняться на миръ, потому что сіе и выше и богоугоднѣе. И ни съ чѣмъ несообразно—предполагать, будто бы въ частномъ дѣлѣ всего лучше единомысліе, а въ дѣлѣ общественномъ оно не самое полезнѣйшее; будто бы совершеннѣйшее управленіе—въ томъ домѣ и городѣ, въ которомъ, какъ можно, менѣе внутреннихъ раздоровъ, а если и случаются они, то всего скорѣе восстанавливается миръ и врачуется недугъ, но для общаго состава Церкви и лучше и приличнѣе нѣчто другое; будто бы каждому человѣку надлежитъ стараться—быть въ мирѣ съ самимъ собою, потому что миръ и владычество надъ страстями для каждо-

го вождѣлѣны, но не такъ должно вести себя съ другими, а напротивъ того низложеніе ближняго надобно вмѣнять себѣ въ славу. И хотя Богъ повелѣваетъ прощать согрѣшившихъ противъ насъ не только седмижды, но и въ нѣсколько кратъ болѣе (Матѣ. 18, 22.), чтобы прощеніемъ другихъ исхodataйствовать и себѣ прощеніе: однако же мы можемъ дѣлать зло и тѣмъ, которые насъ не обижали, даже дѣлать охотнѣе, нежели какъ принимаемъ отъ другихъ благодѣянія. Хотя знаемъ, какое блаженство уготовано *миротворцамъ*, которые одни въ сонмѣ спасаемыхъ нарицаются *сынами Божиими* (Матѣ. 5, 9.): однако же можемъ думать, что сами, даже враждуя, дѣлаемъ угодное Богу, за насъ пострадавшему, чтобы примирить насъ съ Собою и прекратить внутреннюю въ насъ брань.

Нѣтъ, друзья и братія, не будемъ такъ думать. Почтимъ даръ Примирителя, то-есть миръ, даръ, который, отходя отсель, оставилъ Онъ намъ (Іоан. 14, 17.), какъ нѣкій прощальный залогъ. Будемъ знать одну только брань — брань съ сопротивною силою. *Рцемъ: братія, ненавидящимъ насъ* (Ис. 66, 5.), только бы приняли сіе. Уступимъ въ иной малости, чтобы получить въ-замѣнъ важнѣйшее, то-есть единомысліе. Предоставимъ надъ собою побѣду, чтобы и намъ побѣдить. Посмотрите на уставы состязаній и на подвиги борцовъ: у нихъ часто лежащій внизу одерживаетъ побѣду надъ тѣми, которые были вверху. И мы будемъ подражать имъ, а не жаднымъ любителямъ пиршествъ или купцамъ, изъ которыхъ одни безъ мѣры обременяютъ себя предложенными снѣдами, а другіе нагружаютъ ко-

рабль, и надрываютъ себѣ чрево, или утопаютъ прежде, нежели насладятся своею ненасытностію, терпя великія потери за малое приобрѣтеніе.

Итакъ вопію о семъ, и свидѣтельствую, и не престану исполнять слово Писанія: *Сіона ради не умолчу, и Іерусалима ради не поущу* (Ис. 62, 1.). Исчезаетъ душа моя, когда вижу погибель тѣхъ, которые не *язвенній мечемъ*, не *погубленн гладомъ* (Пл. Іер. 4, 9.), но уязвлены честолюбіемъ и любоначалиемъ, такъ что паденіе ихъ возбуждаетъ не столько жалости, сколько ненависти. Если вы примете слова мои, то для васъ и для меня будетъ лучше. Но если осмѣете и отвергнете ихъ, давь страсти преобладать разсудокъ: то мой долгъ достаточно будетъ исполненъ и предъ Богомъ и предъ людьми, потому что, какъ думаю, никто изъ самыхъ миролюбивыхъ не потребуетъ большаго, вы же сами увидите послѣдствія, а я не присовокуплю ничего жестокаго; ибо щадить дѣтей требуетъ законъ отеческой любви. Но да будетъ милосердъ и миренъ великій Судія, и нынѣ, и въ день воздаянія, о самомъ Христвъ Господѣ нашемъ, Которому слава и держава во вѣки, аминь!

С Л О В О 24,

ВЪ ПОХВАЛУ СВЯТАГО СВАЩЕННОМУЧЕНИКА КИПРИАНА (а), ГОВОРЕННОЕ НА ДРУГОЙ ДЕНЬ ЕГО ПАМЯТИ, ПО ВОЗВРАЩЕНІИ ГРИГОРІЕВОМЪ ИЗЪ СЕЛА.

Едва не забыть нами Киприанъ, и это (какая потеря!) допустили вы, которые болѣе всѣхъ уважаете Святаго, чтите его ежегодными чествованіями и празднествами. А Киприана необходимо должно почитать даже и забывающимъ иное; такъ какъ особеннаго памятованія требуютъ мужи совершеннѣйшіе, о которыхъ воспоминаніе вмѣстѣ благочестиво и полезно. Возвратимъ же долгъ съ лихвою, если окажемся довольно благоразумными, и не во все скудными и нищими. Впрочемъ, какъ бы ни велика была наша нищета, я увѣренъ, что сей во всемъ великодушный и любомудрый мужъ проститъ намъ и замедленіе и бѣдность. Возблагодаримъ только, что онъ не остался у насъ въ совершенномъ забвеніи; ибо это стоитъ благодаренія. И благодареніемъ должно начать, чтобы мое воз-

(а) Память сего Священномученика Киприана совершается Святою Церковію 2-го числа Октября мѣсяца.

вращеніе послужило вамъ во благое, и, по благимъ мѣрамъ Бога, который все распредѣляетъ и располагаетъ вѣсомъ и мѣрою (Премудр. Сол. 11, 21.), сдѣлалось возвращеніемъ отъ безмолвія къ слову, отъ любительницы мучениковъ (б) — къ мученикамъ, отъ тѣлеснаго отдыха — къ духовному пиру.

Я желалъ быть съ вами, дѣти; и увѣренъ, что и вы въ равной мѣрѣ желали моего присутствія. Видите отеческое мое добродушіе; говорю о своемъ, свидѣтельствую и о вашемъ желаніи. Разлучившись другъ съ другомъ на столько времени, чтобы дознать взаимную любовь, и, какъ живописцы повѣряютъ картины, извѣдать ее издали, мы опять вмѣстѣ. Даже кратковременное обращеніе съ людьми, которые расположены къ любви и подражаютъ Божію челоуѣколюбію, доставляетъ много пищи воспоминанію. Ужели же мы, ученики Христа, Который для насъ истощилъ Себя до рабія зрака, и содѣлавшихся чуждыми небеснаго собралъ къ Себѣ, не удержимъ въ любви и не обмыемъ другъ друга, не соблюдемъ *единенія духа въ союзъ мира* (Ефес. 4, 3.), которое составляетъ тайну, или главизну Закона и Пророковъ? Конечно, и то уже для насъ одно изъ первыхъ благодѣяній, что мы такъ скоро притекли въ объятія другъ къ другу; потому что ревность не терпитъ отсрочки, и кто

(б) Подъ любительницею мучениковъ, по изъясненію Никиты, Св. Григорій разуметь, или самое безмолвіе, о которомъ сказалъ онъ выше, или одну изъ благочестивыхъ женъ, къ которой удалялся онъ въ село на безмолвіе.

мучится желаніемъ свиданія, тому одинъ день кажется цѣлою жизнію. Но гораздо ~~сильнѣе~~ для насъ другое благодѣяніе, что мы пришли не послѣ праздника, не остались безъ тайноводства мучениковъ и доставляемаго тѣмъ услажденія и упокоенія.

А я признаюсь, что на все иное медлительнѣе всякаго, и свергнулъ съ себя всѣ пожеланія, какъ скоро сталъ служить Христу. Меня не плѣняетъ ничто пріятное и вождельнное для другихъ,—ни долнее и непостоянное богатство, ни сластолюбіе, ни пресыщеніе—мать похотѣнія, ни мягкая и пышная одежда, ни блескъ и привлекательность драгоценныхъ камней, ни очарованіе слуха, ни изнѣженность обонянія, ни приводяція въ неистовство рукоплесканія народа и зрѣлищъ, которыя давно уступилъ я охотникамъ до оныхъ; не плѣняетъ и все, чтò ведетъ начало отъ перваго вкушенія, насъ погубившаго. Напротивъ того виню въ великомъ скудоуміи тѣхъ, которые позволяютъ такимъ вещамъ одерживать надъ ними верхъ, губятъ благородство своей души привязанностію къ мелочному, и прилѣпляются къ скоропреходящему, какъ къ чему-то постоянному. Я люблю Христа, не знаю мѣры въ сей любви и хвалюсь ею; увеселяюсь славою мучениковъ; восхищаюсь кровью подвижниковъ; подвиги и побѣды другихъ для меня вѣнцы: столько предвосхищаю себѣ славы, такъ усвою себѣ заслуги!

Конечно, всѣхъ мучениковъ должно чествовать, для всѣхъ надобно съ готовностію отверзать уста и слухъ и мысль, чтобы охотно что-нибудь сказать и услышать о нихъ, а все прочее почитать ниже ихъ подвига. Ибо хотя многое служить для

насъ руководствомъ къ лучшей жизни , и многое назидаетъ въ добродѣтели — и разумъ, и Законъ, и Пророки, и Апостолы, и самыя страданія Христа, сего перваго Мученика , Который восшелъ на крестъ и меня возвелъ съ Собою, чтобъ пригвоздить мой грѣхъ , восторжествовать надъ змѣемъ, освятить древо, побѣдить сластолюбіе, спасти Адама и возстановить падшій образъ : однако же, при столь многихъ и столь превосходныхъ наставникахъ, не менѣе поучительны для насъ и мученики — сіи словесныя всесоженія, совершенныя жертвы, пріятныя приношенія, сіе проповѣданіе истины, обличеніе лжи, исполненіе духовно — разумѣваемаго Закона, разрушеніе заблужденія, гоненіе порока, потопленіе грѣха , очищеніе міра. Но преимущественно предъ прочими мучениками (у мучениковъ конечно нѣтъ ревности къ мученикамъ) и именемъ и дѣломъ досточтимъ для меня ты, Кипріанъ! Особенно поражаюсь твоею добродѣтелію, восхищаюсь воспоминаніемъ о тебѣ , дѣлаюсь отъ удовольствія какъ-бы вдохновеннымъ, нѣкоторымъ образомъ соучаствую въ твоемъ мученичествѣ, пріобщаюсь твоему подвигу, и весь переносусь къ тебѣ, привлекаемый , можетъ-быть , сродствомъ по дару слова , которымъ столько превосходишь ты другихъ, сколько словесныя существа превосходятъ естество безсловесныхъ (а между соединенными, чѣмъ-бы то ни было, любовь, не знаю почему, поселяется такъ же, какъ и между связанными кровнымъ родствомъ). Но можетъ-быть привлекаюсь и твоей внезапной и необыкновенной перемѣной, которая поразительнѣе всякаго слова и примѣра. Ибо пріятно солнце

послѣ облака, которымъ оно закрыто было прежде; пріятна весна послѣ зимней угрюмости; пріятны улыбающаяся тишина, гладкое море, играющее у береговъ, послѣ мятежа вѣтровъ и обуреванія волнъ. —

Сей Кипріанъ (пусть знающіе его съ удовольствіемъ припомнятъ, а незнающіе услышатъ одно изъ прекраснѣйшихъ нашихъ сказаній, служащее къ общей похвалѣ Христіанъ!) — сей Кипріанъ, — славное имя нѣкогда для Каррагенянъ, а нынѣ для цѣлой вселенной, — былъ знатенъ по богатству, знаменитъ по могуществу, извѣстенъ по роду (если только имѣтъ мѣсто и предсѣдательствовать въ Сенатѣ служить убѣдительнѣйшимъ доказательствомъ благородства). Это былъ цвѣтъ юношества, образцовое произведеніе природы, верхъ учености по свѣдѣніямъ въ философіи и по познаніямъ въ другихъ наукахъ, притомъ по какой угодно части, такъ что въ немъ разнообразіе свѣдѣній было удивительнѣе высоты каждаго познанія, и опытность въ каждомъ свѣдѣніи удивительнѣе общей любознательности; или (скажу яснѣе) однихъ превосходилъ онъ разнообразіемъ, другихъ — высотой познаній, нѣкоторыхъ — тѣмъ и другимъ, а всѣхъ — всемъ. Объ учености его свидѣлствуютъ многочисленныя и превосходныя сочиненія, какія написалъ онъ въ нашу пользу (в), послѣ того какъ по челоувѣколюбію

(в) Въ страданіи Св. Кипріана (См. Acta Sanctor. Сентября 26 дня) сказано, что онъ вытребованъ былъ въ Антихію Комитомъ Востока Евтолміемъ по доносу: будто бы своими посланіями возмущаетъ весь Востокъ, даже весь міръ.

Бога, Который все творить и претворяетъ въ лучшее, перемѣнилъ онъ образъ ученія и неразуміе подчинилъ Слову.

А посему не знаю, какъ мнѣ распорядиться словомъ и найдти способъ—и не продлить онаго чрезъ мѣру, совершенно внѣ предѣловъ времени, если буду припоминать о Кипріанѣ все, и не сдѣлать большаго ущербъ присутствующимъ здѣсь, если об иномъ будетъ умолчано. Потому, чтобы соблюсти средину и сберечь время и удовлетворить желанію слушателей, надобно, по моему мнѣнію, исполнить слѣдующее: все прочее предоставить знающимъ, чтобы они передали сіе незнающимъ, ежели таковыя найдутся, и чтобы такимъ образомъ тѣ и другіе, и поучающіе и поучаемые, получили равную пользу (потому что одно воспоминаніе о Кипріанѣ освящаетъ, и слово о немъ всего сильнѣе побуждаетъ къ добродѣтели); самому же мнѣ для краткости припомнить одно или два такія событія изъ Кипріановой жизни, о которыхъ невозможно и умолчать, хотя бы захотѣлъ. Но упомяну и о прежней жизни Кипріана, о томъ, какимъ путемъ достигъ онъ спасенія, какъ былъ призванъ, и какъ совершилась въ немъ перемѣна къ лучшему. Весьма неблагородно и низко думать, что оскорбительно будетъ для подвижника напоминать о непохвальныхъ дѣлахъ его. Въ такомъ случаѣ и великій Павелъ не заслуживалъ бы нашей похвалы, и мытарь Матѳей принадлежалъ бы къ людямъ самымъ порочнымъ, а равно и сей Кипріанъ. Но Павелъ для того упоминаетъ о прежнихъ своихъ гоненіяхъ и о томъ, какъ измѣнился предметъ его ревности,

чтобы сравненіемъ того и другаго прославить больше Благодѣтеля. Матѳеѣй , перечисляя учениковъ, придаетъ себѣ наименованіе мытаря, какъ нѣкоторое почетное титло. И Кипріанъ въ длинномъ словѣ (г) выставляетъ на позоръ прежнюю свою порочную жизнь, чтобы и сіе, то-есть исповѣдь свою, принести въ даръ Богу, и многимъ изъ обращающихся отъ порочной жизни указать путь благой надежды.

Итакъ смотрите, какіе были его пороки, какъ многочисленны и велики. Служителемъ демоновъ былъ сей въ-послѣдствіи ученикъ Христовъ, жесточайшимъ гонителемъ—сей великій поборникъ истины. И словомъ и дѣломъ, какъ сильный въ томъ и другомъ, возмущалъ путь нашъ оказавшійся послѣ еще сильнѣйшимъ въ словѣ и дѣлѣ для пользы Христіанъ. А какимъ зломъ было присоединенное къ сему чародѣйство, которымъ особенно славился Кипріанъ! И сколько еще ужаснѣе та ненасытимость плоти, которая и мудрыхъ въ иномъ можетъ доводить до бѣшенства, которая, увлекая разумъ, какъ молодого необузданнаго коня, заставляетъ умудряться на худое! Но слово мое касается самаго главнаго. И никто да не предастся сластолюбію, вида прежнюю жизнь Кипріана; а всякій да уцѣломудрится послѣдними его дѣлами!

(г) Оно сохранилось и до нашихъ временъ. Греческій подлинникъ можно читать въ Дѣяніяхъ Святыхъ (Acta Sanctorum) подъ 26-мъ числомъ Сентября мѣсяца.

Была дѣвица (д), знатнаго рода и благонравная (да внимають и да радуются сему дѣвы, или, лучше сказать, и живущія въ супружествѣ, если онѣ цѣломудренны и любятъ цѣломудріе; потому что сказаніе мое составить украшеніе для тѣхъ и другихъ!), дѣвица весьма прекрасной наружности; но къ моему о ней слову да присокупить и свою пѣснь божественный Давидъ, который говорить: вся слава дщери цареви внутри (Пс. 44, 14.). Это была истинная Христова невѣста, сокровенная красота, одушевленное изваяніе, ничѣмъ неоскверненная святыня, никому недоступное святилище, вертоградъ заключенъ, источникъ запечатленъ (Пѣс. Пѣсн. 4, 12. — да воспоетъ нѣчто и Соломонъ!) — источникъ, соблюдаемый единому Христу. Сею дѣвою, при всей ея осторожности и скромности, не знаю гдѣ и какъ, плѣнился великій Кипріанъ; ибо похотливое око — это самое наглое и ненасытимое изъ чувствъ, касается даже и неприкосновеннаго. Кипріанъ не только плѣнился, но покушался и обольстить. Какое скудоуміе, если такую дѣву надѣялся лишить цѣломудрія! а тѣмъ паче какое безстыдство и въ отваживающемся на такой поступокъ, и въ убѣждающемъ отважиться! Но онъ въ началѣ вползалъ въ рай къ перевозчанному; онъ предстоить и среди Ангеловъ, требуя себѣ Іова; онъ на послѣдокъ дерзаетъ приступить къ Самому Владыкѣ, отъ Котораго долженъ быть пораженъ и убитъ, даже искушаетъ Того, Который

(д) Святая Густина.

нѣсть искушаемъ (Іак. 1, 13); какъ будто и Его надѣялся пребороть, потому что явившееся Божество почелъ вторымъ Адамомъ, и не зналъ, что, приступая къ челоѣчеству, приразится къ Богу. Что же страннаго, если онъ и чрезъ Кипріана искушаетъ святую душу и чистую плоть? Таковъ былъ искушитель, и въ помощники употребляется не одна изъ старыхъ женщинъ, способныхъ на подобныя дѣла, но одинъ изъ плотолубивыхъ и сластолюбивыхъ бѣсовъ; потому что богоотступныя и завистливыя силы, стараясь имѣть многихъ сообщниковъ своего паденія, весьма скоры на услуги подобнаго рода, и наградою за содѣйствіе въ соблазнѣ служатъ имъ жертвы и возліанія, также общеніе посредствомъ кровей и тука; ибо за такія одолженія таковы должны быть и награды.

Но что дѣлаетъ и что противопоставляетъ строителю зла дѣвица, когда ощутила опасность и проникла въ злый умыслъ? Чистыя и богоподобныя души весьма скоро уловляютъ покушающагося противъ нихъ, какъ онъ ни хитръ, ни разнообразенъ въ своихъ нападеніяхъ. Дѣвица, отвергнувъ всѣ другія пособія, прибѣгаетъ къ Богу, и защитникомъ отъ ненавистой страсти избираетъ Жениха своего, Который и Сусанну избавилъ отъ жестокихъ старѣйшинъ, и Ѳеклу спасъ отъ немилосердаго искателя ея любви и еще болѣе немилосердаго отца. Кто же сей Женихъ? — Христосъ, Который и духамъ запрещаетъ (Матѣ. 17, 18.), и поддерживаетъ утопающихъ (Матѣ. 14, 31.), и ходитъ по морю (Матѣ. 14, 26.), и легіонъ духовъ предастъ глубинѣ (Лук. 8, 32.), исхищаетъ изъ рва пра-

ведника, отданнаго на снѣденіе лвамъ и въздѣяннѣмъ рукъ преодолѣвающаго звѣрей (Дан. 14.), спасаеть бѣглеца Пророка, поглощеннаго китомъ и во чревѣ его сохранившаго вѣру (Іон. 2.), соблюдаетъ во пламени Ассирійскихъ отроковъ, устудивъ горящія дрова чрезъ Ангела, и къ тремъ юношамъ присовокупивъ четвертаго (Дан. 3.). — Все сіе и еще многое припоминая въ молитвахъ, и моля Дѣву Марію помочь бѣдствующей дѣвѣ, присоединяетъ она и другое врачевство — постъ и сонъ на голой землѣ, чтобы увяла красота привлекшая на нее козни, а чрезъ сіе отнята была пища у пламени, истоцилось служащее къ возженію страстей, и вмѣстѣ чтобы Богъ умилосердился надъ ея смиреніемъ. Ибо никакимъ служеніемъ не благоугождается такъ Богъ, какъ злостраданіемъ, и за слезы воздаетъ Онъ милостію. —

Знаю, что нетерпѣливо ожидаете продолженія сказанія; ибо безпокойтесь о дѣвѣ, а не меньше и о воспламенившемся къ ней любовію, опасаясь, чтобы страсть для обоихъ не имѣла худыхъ послѣдствій. Но смѣло надѣйтесь! Самая любовь пролагаетъ путь вѣрѣ; пламенѣющей любовію, уневѣщивая себѣ дѣву, самъ уневѣщивается Христу; огонь страсти угасаетъ, возгарается же огонь истины. Но отчего и какъ? — Здѣсь начинается самая пріятная часть моего повѣствованія.

Дѣва побѣждаетъ, а демонъ побѣжденъ. Искуситель приходитъ къ одержимому страстію, извѣщаетъ о своемъ пораженіи, подвергается за сіе осмѣянію, огорченъ презрѣніемъ и мститъ презри-

телю. И въ чемъ состоитъ мщеніе? Демонъ, осмѣянный недавнимъ своимъ служителемъ, приступаетъ къ нему самому, чтобы одно зло было изгнано другимъ, и новое бѣснованіе послужило уврачеваніемъ прежняго. Отраженъ онъ дѣвою, какъ стѣнобитное орудіе твердою и непоколебимою стѣною, прогнавъ словомъ и молитвою; но борется еще съ посланнымъ его къ дѣвѣ, обратившись (чудное дѣло!) на того, къ кому былъ посланъ, и давить его, какъ втораго Саула (1 Цар. 16, 14). Чтò же дѣлаетъ сей безумный во время страсти, и благоразумный, когда мучить его бѣсъ? Ищетъ освобожденія отъ зла, и находитъ; ибо нужда дѣлаетъ избрѣтательнымъ. Откуда же освобожденіе? Какъ Саулъ къ гуслиамъ и бряцаніямъ Давида, такъ онъ прибѣгаетъ къ Богу дѣвы, приступаетъ къ ея Пастырю, и какъ демонскіе удары очищаютъ его отъ страсти, такъ вѣра во Христа—отъ злаго духа, и онъ воспламеняется новою любовію. Пастырь долго не вѣрилъ ему и отсылалъ его отъ себя; потому что казалось невѣроятнымъ и страннымъ, чтобы Киприанъ сталъ наконецъ принадлежать къ Христіанамъ, даже хотя бы и всѣ сдѣлались Христіанами. Но Киприанъ обратился, и доказательство обращенія его очевидно. Онъ приноситъ въ собраніе чародѣйскія книги, исповѣдуетъ свое неразуміе, предаетъ позору бесполезность сего нечистаго сокровища, возжигаетъ ими свѣтлый пламень, и огнемъ истребляетъ долговременную прелесть, которая не могла содѣйствовать плотскому пламени. Такъ отвергается онъ демоновъ и дѣлается присвѣтъ Богу!

О чудо благодати, по которой чрезъ нечистую любовь и лукаваго духа Кипріанъ находитъ Бога, дѣлается священною овцею священнаго стада! И какъ сказывалъ мнѣ нѣкто, послѣ многихъ молитвъ, чтобъ въ очищеніе прежней гордыни любомудренно научиться смиренію, сперва былъ онъ придверникомъ храма; а потомъ сталъ Пастыремъ, даже лучшимъ и опытнѣйшимъ изъ Пастырей. Онъ первенствуетъ не только въ Церкви Карѳагенской и въ Африкѣ, которая съ сего времени и чрезъ него донынѣ знаменита, но на всемъ Западѣ, а почти и на самомъ Востокѣ, въ странахъ южныхъ и сѣверныхъ, куда только проникла слава о немъ.

Такъ Кипріанъ сталъ нашимъ. И сіе совершилъ Богъ знаменій и чудесъ, сотворилъ Тотъ, Кто Юсифа, проданнаго по ненависти братьевъ, посредствомъ жены показалъ цѣломудреннымъ, прославилъ въ раздаяніи хлѣба, умудрилъ въ сновидѣніяхъ, чтобъ въ чужой странѣ ему повѣрили, чтобъ почтилъ его Фараонъ, чтобъ сталъ онъ отцемъ многихъ тысячъ народа, за который Египеть терпитъ казни, для котораго разсѣкается море, дожидится хлѣбъ, останавливается солнце, которому дается въ наслѣдіе земля обѣтованія! Ибо премудрость еще заранѣе полагаетъ основанія великихъ дѣлъ, и противоположнымъ достигаетъ противоположнаго, чтобъ тѣмъ болѣе дивились ей.

Для полноты похвальнаго слова довольно было бы и сихъ Кипріановыхъ доблестей: но тѣ, о которыхъ остается еще мнѣ говорить, такъ многочисленны и велики, что, если бы сказанное доселѣ и

не служило къ похвалѣ, то одного послѣдующаго достаточно было бы для Кипріана, чтобы стать выше всѣхъ. Впрочемъ, не говоря ни объ его презрѣніи къ деньгамъ, ни о попораніи имъ гордыни, ни объ обузданіи плоти и чистотѣ въ противоположность прежней необузданности, ни о величавости и вмѣстѣ снисходительности въ обращеніи, при чемъ онъ равно былъ далекъ и отъ низости и отъ высокомерія, ни о снѣ на голой землѣ и о бдѣніяхъ, чему поздно сталъ онъ учиться и въ чемъ много превзошелъ навѣвшихъ тому прежде него, ни о ревности въ назиданіи словомъ, такъ что онъ преподавалъ всю нравственность, очистилъ невѣжественныя понятія о догматахъ, украсилъ жизни мужей, и догматъ о Божествѣ начальной и царственной Троицы, Которое иные разсѣкаютъ, а иные сливаютъ, возвелъ въ первоначальную чистоту, пребывая въ предѣлахъ благочестнаго единства и сочлененія, — умолчавъ о всемъ этомъ, по причинѣ обширности предмета, заключу слово свое кончиною Кипріановой жизни.

Вознеистовствовалъ противъ насъ Декій; онъ вымышлялъ всякіе роды мученій и разныя жестокости частію уже совершилъ, а частію намѣревался совершить. Съ одинаковымъ усиліемъ старался онъ и преодолѣть Христіанъ и превзойти прежнихъ гонителей; лучше сказать, ему хотѣлось преодолѣть и покорить или всѣхъ Христіанъ, или одного Кипріана. Ибо чѣмъ извѣстнѣе было ему отличное благочестіе и слава сего мужа, тѣмъ болѣе славною и блистательною казалась побѣда, если одержить надъ нимъ верхъ. И въ одномъ случаѣ онъ поко-

рилъ бы только своей волей Христіанъ; а въ другомъ восторжествовалъ бы надъ самымъ любомудріемъ и даромъ слова. Почему наилучшею почиталъ хитростію — сперва сдѣлать безмолвнымъ языкъ, потомъ безгласными и нѣмотствующими повлечь за собою тѣхъ, которые имъ держались. Несправедливо и нечестиво было такое разсужденіе, однакоже и не вовсе неосновательно, если брать въ разсмотрѣніе его желаніе и предпріятіе. Это показало и самое дѣло. Ибо когда доблестный Кипріанъ, какъ въ морѣ скала удары волнъ, твердо и мужественно отразилъ всѣ прираженія и покушенія, и осужденъ наконецъ Декіемъ на изгнаніе: тогда онъ не ограничился самимъ собою, не обрадовался своему спасенію отъ смерти и не сталъ разсуждать, что лучше сохранить въ безопасности жизнь; хотя бы понести безчестіе, или лучше подвергнуть опасности душу, но соблюсть безмолвіе и равнодушно смотрѣть, какъ другіе бѣдствуютъ отъ обстоятельствъ времени, не имѣя наставника, который бы поощрилъ на подвиги; потому что слово не мало можетъ придать мужества вступающимъ на поприще добродѣтели. Посему Кипріанъ, отсутствуя тѣломъ, присутствовалъ съ подвижниками духомъ, раздѣляя ихъ подвиги; и когда не можетъ онъ содѣйствовать живымъ словомъ, помогаетъ писаніями. А какимъ образомъ? Издали предводительствуетъ Христовымъ воинствомъ, пишетъ увѣщанія, восхваляетъ благочестіе, и своими посланіями одинъ производитъ едва не больше мучениковъ, чѣмъ другіе лично, находясь вмѣстѣ съ подвижающимися. Бѣдствующихъ за доброе дѣло убѣждаетъ онъ — ни

отечества, ни рода, ни богатства, ни владычества, ни всего земнаго не предпочитать истинѣ и наградамъ, какія уготованы добродѣтели на небеси. Внѹшаеть, что самая выгодная купля—каплями крови приобрьсть небесное царство, и за временныя блага получить вѣчность славы. Ибо для душъ возвышенныхъ одно отечество—духовный Иерусалимъ, а не здѣшніе грады, которые заключены въ тѣсныя предѣлы и часто мѣняютъ своихъ обитателей; одна знаменитость рода—хранить въ себѣ Божій образъ и уподобляться Первообразу, сколько сіе возможно узникамъ плоти и способнымъ принять въ себя только нѣкоторыя струи добра; одно владычество—одерживать верхъ надъ лукавымъ, не отдавать въ плѣнъ души и не уступать побѣды въ подвигахъ за благочестіе, когда порокъ борется съ добродѣтелію, міръ—съ міромъ, міръ разрушающійся—съ міромъ постояннымъ, подвигоположникъ неумолимый—съ подвижниками мужественными, и Велиаръ вооружается на Христа. А посе му убѣждалъ онъ не бояться мечей, огонь почитать прохлагою, самыхъ лютыхъ звѣрей представлять себѣ кроткими, голодь признавать высшимъ наслажденіемъ, отвращать взоры отъ слезъ, сѣтованія и стенанія родныхъ, какъ отъ приманки лукаваго, какъ отъ препятствія небесному шествію. Ибо такъ прилично вести себя душамъ мужественнымъ и благороднымъ и уму цѣломудренному. А всему этому служилъ близкимъ примѣромъ и говорившій и писавшій сіе, и *вмѣнявшій вся уметы быти, да Христа приобрящеть* (Фил. 3, 8.).

Такъ разсуждая и вооружая словомъ на подвигъ,

Кипріанъ произвелъ многихъ подвижниковъ. Какую же получаетъ за то награду? — Щедрую и высококую: послѣ всѣхъ, предпосланныхъ имъ ко Христу, самъ дѣлается мученикомъ, и, усѣченный во главу мечемъ, ко многимъ страданіямъ присовокупляетъ и сей вѣнецъ. Такъ приводится, такъ представляется ко Христу сей мужъ, сильный въ нечестіи, но гораздо сильнѣйшій благочестіемъ — сей великій Кипріанъ, и гонитель и вѣнценосецъ, не менѣе чудный своимъ обращеніемъ, какъ и добродѣтелию. Ибо не столько важно соблюсть образъ добра, сколько — обновить въ себѣ богобоязненность. Первое есть дѣло навыка, а послѣднее дѣло благопроизволенія; и первое находимъ во многихъ, а послѣднему не много видимъ примѣровъ.

Но каково и сіе въ числѣ чудесъ его? Продлимъ еще нѣсколько слово въ честь подвижника. Хотя такова была жизнь мужа сего, и таковъ подвигъ: однакоже, когда оканчиваетъ онъ жизнь (если позволительно такъ сказать, а не лучше наименовать кончину его преселеніемъ къ Богу, или исполненіемъ желаній, или разрѣшеніемъ отъ узъ, или сложеніемъ съ себя бремени), совершается при семъ нѣчто чудесное и соотвѣтствующее предшествовавшему. Велико было имя Кипріаново для всѣхъ, не только для Христіанъ, но даже и для нашихъ противниковъ (ибо доблести всѣми равно уважаются); впрочемъ тѣло его оставалось въ неизвѣстности, и такое сокровище было сокрыто, притомъ на долгое время, у одной изъ женъ, пламенѣющихъ благочестіемъ, не знаю, потому ли, что Богъ почтилъ симъ боголюбивую жену, давъ ей сохранять у себя му-

ченика, или потому что Ему угодно было обнаружить нашу любовь, если мы, лишённые святыхъ мощей, будемъ равнодушны къ такой утратѣ. Когда же Богъ мучениковъ не потерпѣлъ, чтобъ общее благо составляло собственность одной, и чтобъ по милости къ женѣ несли потерю всѣ: тогда извѣщаетъ о Кипріановомъ тѣлѣ чрезъ откровеніе, и сію честь предоставляетъ опять одной достойной женщинѣ, чтобъ получили освященіе и жены. Какъ прежде и рождень Христось и возвѣщенъ ученикамъ по воскресеніи Его изъ мертвыхъ чрезъ женъ: такъ и нынѣ одна жена указала Кипріана, а другая передала въ общую пользу сію послѣднюю изъ его добротъ. Такъ исходитъ на среду тотъ, кому и не надлежитъ быть сокрытымъ; такъ не поущено, чтобъ онъ оставался по своему любомудрію въ неизвѣстности даже и послѣ того, какъ сталъ выше и совершеннѣе почестей, какія воздаются тѣлесному.

Вотъ все, что могъ сказать я о Кипріанѣ, и не знаю, долженъ ли что присовокуплять къ сему. Ибо, если бы и надолго простеръ еще слово, то сказанное мною не соотвѣтствовало бы и его доблестямъ и тому понятію, какое каждый имѣеть о семъ мужѣ. И доселѣ предложенное говорено было единственно для того, чтобы сколько-нибудь воздать подобающую ему честь. Но чтобы и отъ васъ принесено было нѣчто въ даръ мученику, вы сами должны восполнить все прочее, какъ то: изгнаніе бѣсовъ, исцѣленіе болѣзней, предвѣдніе будущаго. Все сіе, при помощи вѣры, можетъ подавать даже прахъ Кипріановъ, какъ знаютъ извѣдавшіе сіе опытомъ, отъ которыхъ и намъ передана память о

чудъ, и будетъ передаваться будущимъ временамъ. Лучше же сказать, принесите нѣчто и сего большее, болѣе приличное истиннымъ его почитателямъ, а именно: изнуреніе тѣла, восхожденіе сердца, удаленіе отъ порока, возвращеніе добродѣтели. Дѣвы принесите истощаніе плоти, жены — благолѣпіе добродѣтели паче, нежели тѣла, юноши — мужество въ борьбѣ со страстями, старцы — благородсудительность, властелины — добрые законы, военачальники — кротость, отличающіеся даромъ слова — благое слово. Скажу нѣчто и для своихъ: священники принесите тайноводственное ученіе, мірскіе — благопокорность, плачущіе — утѣшеніе, благоденствующіе — страхъ, богатые — милостыню, бѣдные — благодарность, а всѣ — готовность противостать лукавому и жестокому гонителю, чтобъ онъ не могъ ни явно низлагать, ни скрытно уязвлять, ни ратовать какъ тѣма, ни обольщать и увлекать въ бездну погибели какъ Ангелъ свѣта. Опасно отдаваться въ плѣнъ очамъ, терпѣть уязвленіе отъ языка, позволять, чтобы обольщалъ насъ слухъ, воспаменялъ кипящій гнѣвъ, низлагалъ вкусъ, разнѣживало осязаніе; опасно обращать оружіе спасенія въ оружіе смерти. Мы должны, оградившись щитомъ вѣры, стать противу кознемъ лукаваго (Ефес. 6, 11. 16.), чтобы, одержавъ побѣду со Христомъ, совершивъ подвигъ съ мучениками, услышать оный великій гласъ: *прійдите благословенніи Отца Моего, наслѣдуйте уготованное вамъ царствіе* (Матѣ. 25, 34.), гдѣ обитель всѣхъ веселящихся, гдѣ гласъ празднующихъ, *гласъ радованія* (Пс. 41, 5.), совершеннѣйшее и чистѣйшее озареніе Божества, приемлемое

нами нынѣ только въ гаданіяхъ и тѣняхъ. Сямъ чувствуемый Кипріанъ увеселяется болѣе, нежели всѣми въ-совокупности другими почестями. Сему любомудрію, бывъ еще на землѣ, поучалъ онъ жизнь; сіе же любомудріе, по отшествіи своемъ, предписываетъ всѣмъ чрезъ мое слово, котораго нимало не оставляйте безъ уваженія, если цѣните сколько-нибудь его терпѣніе и подвиги за истину, а также и меня исполняющаго его порученіе.

Таковы начатки словъ моихъ тебѣ, божественная и священная глава! Такова тебѣ награда за твои слова и за подвигъ — не масляная Олимпійская вѣтвь, не эта дѣтская забава — Делфійскія яблоки, не Истмійская сосна, не Немейскій селинь (е), которыми въ древности воздавалась честь бѣднымъ юношамъ, но слово, которое всего приличнѣе служителямъ Слова! И если оно достойно твоихъ подвиговъ и словъ, то и сіе есть даръ Слова. Ты же милостиво призри на меня съ высоты, управляй моимъ словомъ и жизнью, паси сію священную паству, или будь моимъ сопастыремъ, направляй ее, сколько возможно, къ лучшему, гони отъ нея прочь безпокойныхъ волковъ и всѣхъ гоняющихся за слогами и рѣченіями, подавай намъ наиболѣе совершенное и свѣтлое озареніе Святыя Троицы, Которой ты предстоишь нынѣ, Которой и мы поклоняемся, Которую славимъ, предъ Которою служимъ, поклоняясь Отцу въ Сынѣ, Сыну въ Духѣ Святомъ. Ей да будемъ

(е) Растеніе, называемое иначе *гирча*, изъ семейства *зонтичныхъ*.

напослѣдокъ предстоять съ чистымъ сердцемъ и не-
преткновенно, и ставъ совершенными, да приобщимся
Ея совершенно въ Самомъ Христѣ Господѣ нашемъ,
Которому всякая слава, честь и держава во вѣки
вѣковъ, аминь.

С Л О В О 25,

ВЪ ПОХВАЛУ ФИЛОСОФА ИРОНА (а), ВОЗВРАТИВШАГОСЯ ИЗЪ ИЗГНАНІЯ.

Хотя боленъ я тѣломъ, но буду хвалить Философа (ибо и сіе есть знакъ любомудрія); и поступлю весьма справедливо. Ибо онъ Философъ, а я служитель мудрости; почему мнѣ и прилично хвалить его, чтобъ доказать свое любомудріе, если не другимъ чѣмъ, по крайней мѣрѣ удивленіемъ Философу. А по моему разсужденію, должно или самому любомудрствовать, или уважать любомудріе, если не хотимъ совершенно лишиться всякаго добра и подпасть осужденію въ неразуміи; тогда какъ мы одарены разумомъ и посредствомъ слова течемъ къ Слову.

(а) Философъ Иронъ, какъ видно изъ сего слова, родомъ изъ Александріи, по ученію Циникъ, пострадалъ отъ Аріанъ за православіе, а именно: былъ съченъ и осужденъ на изгнаніе. Иеронимъ, въ спискѣ Церковныхъ Писателей, подъ именемъ Философа Ирона разуметь Максима, также Циника, известнаго въ жизни Св. Григорія Богослова тѣмъ, что онъ въ послѣдствіи покушался присвоить себѣ престолъ Константинопольской Церкви.

294.310

Покажи же намъ и ты (б) свое извѣстное во всемъ прочемъ любомудріе, дозволивъ похвалить себя, и терпѣливо выслушай похвалу. Ибо стану хвалить не изъ лести (мнѣ извѣстно нелюбочестіе любомудраго мужа; притомъ же слово мое ничего не прибавить къ дѣламъ, а развѣ уменьшить ихъ достоинство своею скудостію), но чтобы для себя извлечь пользу. А сего не пренебрежетъ уже любомудріе, которое надъ тѣмъ трудится и о томъ заботится, чтобы облагодѣтельствовать чѣмъ-нибудь жизнь нашу. И первое изъ благодѣяній — восхвалять доброе; потому что похвала пролагаетъ путь соревнованію, соревнованіе — добродѣтели, а добродѣтель — блаженству, которое составляетъ верхъ желаній, цѣль всѣхъ стремленій любове́дца.

Итакъ приступи, наилучшій и превосходнѣйшій изъ Философовъ (присовокуплю даже) и изъ свидѣтелей истины! Приступи, обличитель лжеименной мудрости, которая состоитъ въ однихъ словахъ и очаровываетъ сладкорѣчіемъ, а не можетъ и не хочетъ взойти выше сего! Приступи, ободесноручный въ добродѣтели, какъ въ созерцательной, такъ и въ дѣятельной, ты, который, и въ чуждой для насъ одеждѣ (в), любомудрствуешь по-нашему. А можетъ-быть и одежда твоя намъ не чужда; такъ

(б) Обращеніе къ Философу Ирону.

(в) По замѣчанію Или, Иронъ, какъ Циникъ, носилъ бѣлый плащъ, который Св. Богословъ называетъ чуждымъ, можетъ быть по цвѣту, для Христіанъ ведущихъ любомудрую жизнь, то-есть для монаховъ.

какъ и Ангеламъ свойственно быть свѣтоносными и сіяющими, когда изображаютъ ихъ въ тѣлесномъ видѣ, что почитаю символомъ естественной ихъ чистоты. Приступи, мой Философъ и мудрецъ (ибо доколѣ любить мудрость, если нѣтъ мудрости?)! Приступи, песь (г); назову такъ не за безстыдство, но за дерзновеніе, не за прожорство, но за то, что ограничиваешься насущнымъ; не за лаяніе, но за обереженіе добраго, за неусыпность въ охраненіи душъ, за то, что ласкаешься ко всѣмъ, которые тебѣ—свои по добродѣтели, а лаешь на всѣхъ чужихъ!—Приступи и стань близъ сея Жертвы, у сей таинственной Трапезы, подлѣ меня, который сею Жертвою тайноводствую къ обоженію! Тебя приводятъ къ ней и ученіе, и жизнь, и очищеніе посредствомъ страданій. Приступи; увѣнчаю тебя нашими вѣнцами, и не среди Олимпіи, не на маломъ позорищѣ Еллады, не за отличіе въ борьбѣ, или въ рукопашномъ бою, или въ бѣгѣ, не за другіе маловажные подвиги, совершаемые для маловажныхъ наградъ и въ честь кого-либо изъ героевъ или демоновъ, прославленныхъ несчастіемъ и баснословіемъ (ибо подобное сему уважается и чувствуется ими (д), послѣ того какъ неразуміе призвало себѣ въ помощники время и обычай, ставшій закономъ), но предъ Богомъ, предъ Ангелами, предъ всею полнотою Церкви, громогласно провозглашу о те-

(г) Св. Богословъ, называя Ирона псомъ, дѣлаетъ приноровленіе къ тому, что онъ былъ циникъ; такъ какъ сіе послѣднее наименованіе взято отъ слова *κῆνυ* (песь).

(д) Язычниками.

бѣ побѣдившемъ ложь ересей, во славу живаго Бога, собственными страданіями научающаго страдать, — побѣдившемъ за такую награду, чтобы пріять небесное царство, стать богомъ неподлежащимъ страданію.

Что же это за провозглашеніе? — Если хотите, чтобы оно было короче и опредѣленнѣе, то скажу: вотъ самый нелживый подвижникъ истины, даже до крови поборникъ Троицы и гонитель гонителей, наносившій имъ зло своею готовностію злострадать; ибо ничто такъ не низлагаетъ гонителя, какъ ревность страдающаго! А если угодно, чтобы мое провозглашеніе было полнѣе и обширнѣе; то скажу: вотъ наилучшій изъ лучшихъ, и благороднѣйшій изъ благородныхъ! Говорю же не о томъ благородствѣ, какое чернь разумѣтъ. Прочь отъ насъ съ нимъ! Не намъ и не Философамъ дивиться тому благородству, которое беретъ свое начало въ баснословіи, гробахъ и давно согнившей уже кичливости, сообщается съ кровію и граматами, и которое даетъ ночь или рука властелина, можетъ-быть и неблагоорожденнаго, такъ же предписывающаго быть благороднымъ, какъ и дѣлать то или другое. Напротивъ того разумѣю благородство, отличительный признакъ котораго есть благочестіе, добрая нравственность и восхожденіе къ первому Благу, нашему началу. Такого благородства одно доказательство. А нашъ доблественный мужъ не только самъ подвижникъ, но и произошелъ отъ мучениковъ, имѣлъ у себя домашній образецъ добродѣтели. По мудрости онъ гражданинъ цѣлой вселенной; потому что циническая философія не позволяетъ

ограничиваться тѣсными предѣлами. А по плоти гражданинъ города Александріи, который стоитъ на ряду съ нами (е), или слѣдуетъ за нами непосредственно, и во всемъ превосходя прочіе города, преимущественно отличается горячностью, и что всего прекраснѣе, горячностью Христіанскою и такою приверженностію къ Христіанству, которая происходитъ отъ произволенія, но укоренена въ самой природѣ. Ибо когда въ воспламенение приводитъ благочестіе, тогда рождается ревность; а ревность есть огражденіе вѣры.

Такъ онъ былъ воспитанъ и получилъ образованіе приличное своему происхожденію и назначенію. Когда же наступило время избрать родъ жизни (въ чемъ полагаю основаніе и добраго и худаго поведенія); усматриваетъ онъ нѣчто великое, отъ важное, превышающее выборъ людей обыкновенныхъ. Роскошь, богатство и могущество презираетъ болѣе, нежели избыточествующіе въ этомъ презираютъ другихъ; осмѣиваетъ же и отвергаетъ роскошь, какъ первое изъ злостраданій, богатство, какъ крайнюю бѣдность, и могущество, какъ верхъ безсилія; потому что не почитаетъ того и благомъ, что пріобрѣтшихъ дѣлаетъ не лучшими, а всего чаще худшими, и у обладающихъ не остается до конца. Философіи вручаетъ владычество надъ страстями, со всею бодростію стремится къ добру, еще до разлученія съ веществомъ отрѣшается отъ вещественнаго, борется съ видимымъ, всѣмъ величіемъ природныхъ силъ, всѣмъ благородствомъ про-

(е) То-есть Константинополемъ.

изволенія прилѣпившись къ постоянному. А когда утвердился въ такихъ мысляхъ; не почелъ уже нужнымъ разсуждать, какое лучше избрать любомудріе, виѣшнее ли, которое подѣ видомъ и личиною любомудрія играетъ тѣнями истины, или наше, наружно смиренное, но возвышенное внутренно и ведущее къ Богу. Напротивъ того отъ всего сердца избираетъ онъ наше любомудріе, даже не обративъ и помысла на худшее, и не увлекшись изяществомъ рѣчи, о которой столько думаютъ Греческіе Философы. Первымъ же дѣломъ своего любомудрія — поставяетъ узнать, какой изъ нашихъ путей предпочтительнѣе и полезнѣе, какъ для него, такъ и для всякаго Христіанина. Ибо признакомъ души наиболѣе совершенной и любомудрой почиталъ онъ — при всякомъ дѣлѣ сообнимать въ частномъ и общее; потому что каждый изъ насъ получилъ бытіе не для одного себя, но и для всѣхъ, которые имѣютъ съ нимъ одну природу, и произведены однимъ Творцемъ и для однихъ цѣлей. Притомъ видѣлъ, что жизнь пустынная, отшельническая, удаляющаяся и чуждающаяся общенія съ людьми, хотя сама по себѣ важна и высока, даже выше силъ человѣческихъ, однакоже ограничивается только преуспѣвающими въ оной, отрицается же отъ общительности и снисходительности — свойствъ любви, которая, какъ извѣстно ему было, есть одна изъ первыхъ достохвальныхъ добродѣтелей. Сверхъ того такая жизнь, какъ необнаруживающаяся въ дѣлахъ, не можетъ быть повѣряема и сравниваема съ другими родами жизни. Напротивъ того жизнь общественная, провождаемая въ кругу другихъ,

кромѣ того, что служить испытаніемъ добродѣтели, и распространяется на многихъ, и ближе подходитъ къ Божію домостроительству, которое и сотворило все, и связало все узами любви, и нашъ родъ, послѣ того какъ онъ утратилъ свою доброту чрезъ прившедшій грѣхъ, снова воззвало посредствомъ соединенія и обращенія съ нами. Когда же сообразилъ и исчерпалъ сіе умомъ, а вмѣстѣ призналъ однимъ изъ добрыхъ дѣлъ — смирить кичливость Еллинскихъ Философовъ, которые думаютъ придать себѣ важности плащемъ и бородою: тогда что онъ дѣлаетъ? и какъ приступаетъ къ Философіи? — Наблюдаетъ нѣкоторую средину между ихъ суетностію и нашею мудростію; у нихъ заимствуетъ наружность и одежду, у насъ — истину и высоту. Посему Перипатетиковъ, Академиковъ, почтенныхъ Стоиковъ, и слѣпый случай Эпикуровъ съ атомами и удовольствіемъ, увѣнчавъ волною, какъ нѣкто изъ нихъ — стихотворца (ж), отсылаетъ и гонитъ отъ себя, сколько можно далѣе. Въ цинической же философіи онъ осудилъ безбожіе, а похвалилъ воздержаніе отъ излишняго, и сталъ, какъ видите теперь, псомъ противъ дѣйствительныхъ псовъ, любомудрымъ противъ немудрыхъ и Христіаниномъ для всѣхъ. Онъ пристыждаетъ высокомѣріе Циниковъ сходствомъ наружности, а малосмысленность нѣкоторыхъ изъ нашихъ — ново-

(ж) Платонъ, въ своей Республикѣ, признавая Омира вреднымъ для юношества, говоритъ, что надобно его, увѣнчавъ волною, выслать изъ города.

стію одѣянiя, и доказываетъ собою, что благочестіе состоитъ не въ маловажныхъ вещахъ, и любомудріе — не въ угрюмости, но въ твердости души, въ чистотѣ ума и въ искренней наклонности къ добру. А при семъ можно имѣть и наружность, какую угодно, и обращеніе, съ кѣмъ угодно, и оставаться одному съ самимъ собою, укрывая умъ отъ чувствъ, и жить въ кругу людей и знакомыхъ, уединяясь въ самомъ обществѣ, любомудрствуя среди нелюбомудрыхъ, подобно Ноеву ковчегу, который носился поверхъ потопныхъ водъ, или подобно великому Моисееву видѣнію — купинѣ, которую пылающій огонь не сожигалъ, не терпѣтъ вреда отъ обращенiя съ народомъ, или терпѣтъ не болѣе, какъ алмазь подъ ударами, и даже по мѣрѣ силъ, примѣромъ своимъ исправляетъ и другихъ.

Плодомъ такой философіи были не построенные на словахъ города, не какіе-нибудь, какъ сами они называютъ, скиндапсы (з) и трагелафы (и) — ничего не означающія сочетанія буквъ, не категоріи, разложенія и смѣси, не симвамы и парасимвамы (i), и вся именованная мудрость, не какія-нибудь чер-

(з) Скиндапсъ родъ Индійскаго растенія. Послѣку же такого растенія нѣтъ нигдѣ въ другомъ мѣствѣ; то Св. Григорій почитаетъ наименованіе сіе ничего незначающимъ словомъ.

(и) Трагелафъ — животное, состоящее изъ козла и оленя, которое Св. Григорій признаетъ баснословнымъ.

(i) Лукіанъ, осмѣивая философа Хрисиппа, влагаетъ ему въ уста слѣдующія слова: Если хромый, хромою ногою запнувшись за камень, получитъ рану, то хромота будетъ *симвама*, а рана на хромою ногу — *парасимвама*.

ты, нигдѣ не имѣющія мѣста (к), не взаимныя сочетанія звѣздъ и созвѣздій, выдуманныя въ оскорбленіе Божія промысла. Ибо все сіе почиталъ онъ предметами второстепенными и придаточными, которыми можно заняться для забавы, чтобы не стать посмѣшищемъ для людей, выдающихъ себя знатоками такихъ вещей. Первымъ же и важнѣйшимъ для него дѣломъ было — говорить правду предъ князьями, имѣть дерзновеніе предъ царями, въ подражаніе божественному Давиду, который говорилъ *предъ цари и не стыдился* (Пс. 118, 46.), останавливать безразсудство волнуемой черни, власть раздраженныхъ господъ, истощаніе несогласныхъ семействъ, грубость невѣждъ, заносчивость ученыхъ, превозношеніе богатаго, презорство живущаго въ довольствѣ, нищету доводящую до преступленій, гнѣвъ стремительный и лишающій разсудка, неумѣренность въ наслажденіяхъ, невоздержность смѣха, чрезмѣрность скорби; прекращать безпорядки юности, малодушіе старости, одиночество вдовства, отчаяніе сиротства. Всего этого не предпочтетъ ли силлогизмамъ, линіямъ и разсатриванію звѣздъ всякій здравомыслящій человекъ, разсудивъ, что если бы всѣ занимались умозаключеніями, стали геометрами и астрономами, то отъ сего не произошло бы никакой пользы для нашей

(к) Св. Богословъ говоритъ о геометрическихъ линіяхъ, что онъ нигдѣ не имѣютъ мѣста, то-есть ни въ самомъ веществѣ, потому что разсатриваются въ отвлеченіи отъ тѣлъ, ни въ мысли, потому что онъ не суть что-либо только мысленное.

жизни, а скорѣе бы все разстроилось; напротивъ того, если не будетъ въ обществѣ ни одной изъ добродѣтелей, мною исчисленныхъ, по необходимости придетъ все въ безпорядокъ и замѣшательство? И нужно ли говорить, сколько добродѣтели сіи лучше и выше Антисѣеновой гордости, Диогенова прозорства и Кратесова общеженства? — Пощадимъ сихъ Философовъ по крайней мѣрѣ изъ уваженія къ наименованію (л), чтобы и имъ отъ сего мужа получить нѣкоторую пользу. Но чтобы не распространяться о цѣломудрїи, воздержности, смиренїи, привѣтливости, общительности, человѣколюбіи и о прочихъ доблестяхъ, которыми нашъ Философъ превосходитъ всѣхъ, обратимся къ тому, что по порядку времени послѣднее, а по важности первое.

Было время, что послѣ ересей настала тишина, и Симоны, Маркіоны, Валентины, Василиды, Кердоны, Керинѣи и Карпократы, долгое время разсѣкавшіе Бога всяческихъ и за Благаго воздвигавшіе брань противъ Создателя (м), со всѣми своими бреднями и нелѣпостями поглещемъ собственною ихъ Глубиною, и по справедливости преданы Молчанію (н); а также сошли съ позорища и удалились: лукавый духъ Монтановъ (о), тѣма Манесова (п), жестокость или

(л) То-есть Цинниками; потому что и Иронъ былъ Циникъ.

(м) Валентинъ, Кердонъ и другіе учили, что не благій Богъ былъ творцемъ міра.

(н) Глубина (*βαθος*) и Молчаніе (*σιγη*), по ученію Симона, Маркіона и ихъ преемниковъ, были главные изъ Эоновъ.

(о) Монтанъ водилъ съ собою одну безчестную женщину и называлъ ее Духомъ Святымъ (п). Манесъ училъ, что необразованная матерія, или тѣма, соевѣна Богу.

чистота Наватова (р), и злонамѣренное Савелліево защищеніе единоначалія (с); и Наватово ученіе отлучено на ряду съ другими противоборствующими истинѣ, а Савелліево, по причинѣ неосновательности, совершенно отринуто и презрѣно. Между тѣмъ ничто другое не огорчало Церковь; ибо гоненія дѣлали ее еще болѣе славною чрезъ самыя страданія.

Но чрезъ нѣсколько времени возстаетъ на Церковь новая буря—эта пучина неправды, полнота нечестія, этотъ легионъ духовъ, языкъ Антихристовъ, умъ, говорившій *неправду въ высоту* (Пс. 72, 8.), усѣбавшій Божество, тотъ, чье предпріятіе ужасно, а кончина еще ужаснѣе и достойна Іудина предательства, на какое дерзнулъ онъ противъ Спасителя нашего, сей Арій, прилично получившій себѣ имя отъ неистовства (т). Онъ, начавъ съ Александріи, гдѣ замыслилъ свое ужасное ученіе, послѣ того какъ, подобно неуправляемому пламени, возгорѣвшемуся отъ искры, протекъ большую часть вселенной, низлагается нашими Отцами и благочестивымъ сонмомъ, который собрался тогда въ Никее и заключилъ Богословіе въ точныя предѣлы и выраженія.

(р) Нават не допускалъ до покаянія отрекшихся отъ вѣры во Христа, и даже всѣхъ, падшихъ послѣ крещенія, и двосженцевъ.

(с) Савеллій три Лица Святыя Троицы сливалъ въ единое Лице Отца.

(т) То-есть отъ языческаго бога брани, Арея или Марса.

Потомъ настаетъ худое царствованіе (у), и снова оживаетъ зло; какъ будто раскрываются и прорываются нагноившіяся раны, какъ будто свирѣпые волки, окруживъ насъ со всѣхъ сторонъ, терзаютъ Церковь. Священники вооружаются на священниковъ, сословія встаютъ съ неистовствомъ противъ сословія, самъ Царь придаетъ дерзости нечестію, пишетъ законы противъ Православія, и при немъ усиливаются люди (ф), которыхъ нельзя назвать ни мужами, ни женами. Но кто должнымъ образомъ изобразить вполнѣ тогдашнія бѣдствія: изгнанія, описанія имущества, безчестія, переселенія въ пустыню многихъ тысячъ и цѣлыхъ городовъ, бѣдствующихъ тамъ подъ открытымъ небомъ, страдающихъ отъ дождей и стужи, и принуждаемыхъ бѣжать даже изъ самой пустыни, потому что и она не избавляетъ отъ опасности?

Кто изобразить бѣдствія и сихъ жесточайшія (х) — побои, смерти, изведение на поборъ Епископовъ, ведущихъ любомудрую жизнь, мужей, женъ, юношей, старцевъ? Кто изобразить, какъ народовластители избрѣтаютъ лютыя мученія, къ избрѣтенымъ присовокупляютъ новыя, услуживаютъ нечестію, часто тѣмъ единственно заслуживаютъ одобреніе, что оказываютъ жестокости даже сверхъ воли державнаго? Недавно возымѣло конецъ сіе знаме-

(у) Констанціево.

(ф) При Констанціи имѣлъ большую силу Емвухъ Епископъ Аріанинъ.

(х) При Юліанѣ отступникъ.

нитое гоненіе, и Персія прекрасно рѣшила наше дѣло, истребивъ губителя и въ возмездіе за кровь многихъ удовлетворивъ кровію одного.

А теперь начинается гоненіе позорное (и); подъ тѣмъ предлогомъ, чтобъ оградить Христіанъ отъ нечестія, оно нападаетъ на истинныхъ Христіанъ; и тѣмъ оно ужаснѣе прежняго, что тогда подвигъ былъ знаменитъ и славенъ, нынѣ же и страдать не похвально, по крайней мѣрѣ въ глазахъ людей, которые о страданіяхъ судятъ неправильно. Хотите ли, чтобъ у всѣхъ предстоящихъ, а можетъ - быть и у самаго твердаго, не побѣждаемаго никакою страстію, извлекъ я слезы, напомнивъ объ одномъ изъ тогдашнихъ событій? Свидѣтели повѣствуемаго мною многочисленны, до многихъ дошло плачевное сказаніе о семъ страданіи, а думаю, что исторія сего времени передастся и будущимъ временамъ.

Корабль, несущій на себѣ одного пресвитера (ч), бѣдствующаго не за худой поступокъ, но за Вѣру, снаряжается въ море, чтобъ не спасти, но погубить пловца. И онъ, какъ мужъ благочестивый, охотно вступаетъ на корабль, въ сопутники ему влагается огонь; а гонитель увеселяется новымъ родомъ мученія. Какое зрѣлище! Какое злодѣяніе! Корабль среди моря; берега покрыты зрителями, и изъ нихъ одни смотрятъ съ удовольствіемъ, другіе терзаютъ

(и) При Императорѣ Валентѣ, который былъ покровителемъ Аріанъ.

(ч) По сказанію однихъ, Урвана, а по сказанію другихъ, Θεодула.

ся. Можно ли въ краткихъ чертахъ изобразить мнѣ многое?—Огонь воспламеняется, потребляетъ корабль, а вмѣстѣ съ нимъ и цловца; пламень мѣшается съ водою, двѣ противоборствующія стихіи дѣйствуютъ за-одно, чтобъ мучить благочестиваго, обѣ онѣ дѣлятъ между собою одно тѣло. Надъ моремъ стоитъ необычайный свѣтильникъ; иный приближался можетъ-быть къ нему, какъ къ кроткому и привѣтливому; но, приблизившись, находилъ горестное и невѣроятное зрѣлище — корабль безъ кормчаго, кораблекрушеніе безъ бури, пресвитера обратившагося въ пепель, или даже и не въ пепель, потому что и тотъ разсыпанъ былъ по водамъ. Священству не оказано и того уваженія, чтобъ имѣть ему честную кончину, а если не кончину, то, по крайней мѣрѣ, гробъ, въ которомъ не отказываютъ и нечестивымъ. Таковъ корабль, снаряженный нечестивцемъ, и таковъ конецъ благочестиваго; и никогда огонь небесный и карательный не бываетъ свѣтозарнѣе огня, озарявшаго сіе событіе!

Но что мнѣ до посторонняго? Время уже приступить къ твоему (ш) собственному подвигу, и къ твоимъ страданіямъ за благочестіе, которыя, какъ прекрасная печать, приложены тобою ко всѣмъ прежнимъ подвигамъ. Зло этой ереси имѣло полную силу въ твоёмъ городѣ, гдѣ оно получило и начало. Между тѣмъ святѣйшее око вселенной, Архіерея Іереевъ, твоего наставника въ исповѣданіи, поучавшаго собственными подвигами за благочестіе,

(ш) Обращеніе къ Ирону.

сей великій гласъ, столпъ Вѣры, сего (если можно такъ сказать) втораго свѣтильника и предтечу Христова, почившаго въ старости доброй, исполненной дней благоугодныхъ, послѣ навѣтовъ, послѣ подвиговъ, послѣ многой молвы о рукѣ, послѣ живаго мертвеца (щ), къ Себѣ преселяетъ Троица, для Которой онъ жилъ, и за Которую терпѣлъ напасти (я увѣренъ, что по сему описанію всякій узнаетъ Аѳанасія). Тогда вторгается въ Церковь новая Египетская язва или казнь, предатель истины, волчій пастырь, разбойникъ перескакивающій чрезъ дворъ овчій, вторый Арій, *развращеніе мутное* (Аввак. 2, 15.) и странное, потокъ безбожія обильнѣйшій самага источника (ъ). Коснѣтъ языкъ мой пересказывать тогдашнія беззаконія и скверныя убійства, среди которыхъ этотъ звѣрь занимаетъ святыи престолю, и которыя предшествовали лукавому его вшествію. Однакоже оплачу изъ многого немногое (что и вы оплакиваете и прежде оплакивали), взывая словами Давида: *Боже, придоша язвы въ достолніе Твое, оскверниша храмъ святыи Твой, и еще слѣдующими: положиша трупила рабъ Твоихъ брашно птицамъ* (Пс. 78, 1. 2.) и снѣдь звѣрямъ. Присовокуплю и сія слова изъ другой плачевной пѣсни тогоже Пророка: *елика*

(щ) Объясненіе на сіе смотри въ словъ Святому Аѳанасію Великому.

(ъ) Это Аріанинъ Лукій, который изгналъ Аѳанасіева преемника Петра и насильственно занялъ епископскій престолъ въ Александріи.

лукавнова врагъ во святѣмъ Твоемъ, и восхвали-
 шая ненавидящій Тя посредь праздника Твоего
 (Пс. 73, 3. 4.). Ибо какъ не хвалились они! Какъ
 не оскверняли святаго храма различными приклю-
 ченіями и злодѣяніями всякаго рода! Предводи-
 тельствовалъ челоѣкъ (ы) безбожный и незакон-
 ный, не имѣвшій (что всего ужаснѣе въ поруганіи)
 даже имени Христіанина, но притекшій въ храмъ
 Божій прямо отъ идоловъ, отъ нечистыхъ кровей
 еще къ гнуснѣйшимъ и отвратительнѣйшимъ, и та-
 кимъ надъ нами поруганіемъ совершавшій можетъ-
 быть службу демонамъ. Снаряжалась сила, кипя-
 щая яростію, — воинство необычайное и свирѣпое
 противъ людей безоружныхъ и невоителей. Изго-
 няемъ былъ преемникъ Святаго, Іерей, помазанный
 Духомъ по закону и чину, украшенный сѣдиною и
 благоразуміемъ (ь): а воцарялся Тавенлъ (Ис. 7, 6.),
 наслѣдникъ чуждой власти (ѳ). На святыхъ поднято
 оружіе, на неприкосновенное занесены нечистыя
 руки, и пѣснопѣнія заглушены звукомъ трубъ.
 Смотри же, что за симъ еще слѣдовало: мужи па-
 дали мертвыми въ святилищахъ; жены, даже съ но-
 симымъ ими естественнымъ бременемъ, попираемы
 были ногами, и отъ-того преждевременно рождали,
 или, точнѣе сказать, дѣлались нераждающими; дѣвѣ

(ы) Палладій, Александрійскій Градоначальникъ.

(ь) Преемникъ Св. Аѳанасія Архіепископъ Александрійскій
 Петръ.

(ѳ) Тавенломъ Св. Григорій Богословъ называетъ упомяну-
 то выше Аріанина Лукія, который изгналъ Петра и занялъ
 его епископскій престолъ въ Александріи.

влекли немилосердно, подвергали позорнымъ истязаніямъ (столько же стыжусь мужей и женъ сіе описывать и обнажать словомъ сокровенности позора, сколько стыжусь за нихъ самихъ, тогда обнажаемыхъ); однѣ, отъ неблагопристойности ими видимаго, бросались въ колодцы, находившіеся внутри храма, другія кидались стремглавъ изъ верхнихъ притворовъ, нныя кучами повергались на лежащія трупы. Убійства слѣдовали за убійствами, пораженія за пораженіями; святыня потоптана нечистыми ногами, алтари поруганы безчинными тѣлодвиженіями и пѣснями, даже (какъ слышу — чей дерзновенный языкъ выговорить это?) плясками и кривляньями; богохульные языки проповѣдывали съ святительскихъ престоловъ, таинства подверглись кощунству, пѣснопѣнія умолкли, и вмѣсто ихъ раздавался вой; текли потоки крови, ручьи слезъ; священниковъ уводили, отшельниковъ терзали — совершенное подобіе нашествія Ассиріанъ, когда пришли они во святой Іерусалимъ! Ни слово не можетъ вполне изобразить, ни слухъ вмѣстить сего, и чтобъ оплакать это, какъ должно, нужны душа и гласъ Іереми, который самъ требуетъ источниковъ слезъ (Іер. 9, 1.), призываетъ стѣны къ пролітію оныхъ о подобныхъ злостраданіяхъ (Іл. Іер. 2, 18.), налагаетъ плачь на пути Слонскіе, *яко нѣсть ходящихъ по нихъ въ праздникъ* (Іл. Іер. 1, 4.). — Такія событія видѣлъ Востокъ, но оплакивалъ ихъ и Западъ, гдѣ изгнанный Іерей (э) всенародно по-

(э) Александрійскій Архіепископъ Пётръ, спасшись отъ Арі-

казывалъ знаменія сего безумія. Какимъ же образомъ? Не мертвецомъ, но окровавленную одежду представилъ онъ Римской Церкви, и старался извлечь у всѣхъ слезы безмолвною жалобою, чтобы и страданіе выразить, и получить въ бѣдствіяхъ помощь, которая, какъ извѣстно намъ, и была получена. Ибо сильный всего скорѣе преклоняется къ слабому, и по добровольному благорасположенію беретъ сторону униженнаго.

И никто изъ благочестивыхъ не могъ перенести сего равнодушно: но тѣмъ въ большей мѣрѣ возбуждаетъ сіе тебя, чѣмъ совершеннѣе твой умъ и пламеннѣе ревность. Посему ты ополчаешься за слово, а вмѣстѣ и самъ подвергаешься нападеніямъ нечестія. Послѣ многихъ ратоборствъ, въ которыхъ дѣломъ и словомъ подвизался ты за правду, поучая, увѣщавая, возбуждая, обличая, укоряя, посрамляя простолюдиновъ и начальниковъ, наединѣ и всенародно, во всякое время и на всякомъ мѣстѣ, наконецъ, когда злочестивая власть предалась бѣшенству, ты схваченъ и (какъ благородно твое бѣдствование! какъ священны твои раны!) доблюю плоть свою отдаешь на бичеваніе, оставаясь какъ-бы зрителемъ чужихъ страданій. Хотя изнемогаетъ въ тебѣ видимое, однако же не низлагается внутреннее. Взорамъ всѣхъ открывается мужество твое; и, когда языкъ отказался уже вѣщать, ты дѣлаешься

анъ, убѣгаетъ въ Римъ къ Папѣ Дамасу, и приноситъ съ собою окровавленную одежду убитыхъ Аріанами. См. Сократа кн. 4, гл. 23. и Никифора кн. 11, гл. 26.

безмолвнымъ учителемъ терпѣнія. Чтò же потомъ?— Тебя, для котораго нигдѣ нѣтъ ни своей ни чужой стороны, изгоняютъ изъ отечества для того, думаю, чтобъ и другіе научились отъ тебя благочестію. Мѣстомъ заточенія твоего назначенъ Оазисъ, безлюдная пустыня, чрезъ тебя уже сдѣлавшаяся значительнымъ селеніемъ.

Сообщи же намъ благіе плоды твоего изгнанія, такъ какъ пользуемся плодами твоего возвращенія. И пусть возвращеніе твое будетъ для насъ общимъ зрѣлищемъ. Кого научилъ ты тамъ любомудрствовать? Кого отвлекъ отъ нечестивыхъ мнѣній? Кого привелъ къ благочестію? Какъ будто вижу передъ собою тамошнее училище, вижу и послѣднее собраніе вокругъ тебя. Скажи и сіе: имѣлъ ли ты сколько-нибудь утѣшенія для останковъ плоти, или и нищета входила въ твое любомудріе? Были ли у тебя сообщники твоего подвига, или и въ семь охотно терпѣлъ ты недостатокъ? Желалъ ли видѣть при себѣ сестеръ, съ которыми вмѣстѣ обучился чистотѣ и терпѣнію, или былъ ты выше и привязанности своей къ нимъ? Безпокоило ли тебя одиночество престарѣлой твоей матери, или крѣпко былъ ты увѣренъ, что оставилъ имъ самую твердую защиту—благочестіе?

Но поелику ты (что прекрасно сдѣлано) возвратился къ намъ, поелику Тотъ, Кто прославляетъ прославляющихъ Его (1 Цар. 2, 30.) и раздражаетъ раздражающихъ (Второз. 32, 21.), Кто творитъ волю болящихся Его (Пс. 144, 19.) и въ мертвыхъ вдыхаетъ силу воскресенія, Кто четве-

родневнаго Лазаря, и тебя четверолѣтнаго (ю) оживотворяеть сверхъ чаянія, Кто, по видѣнію досточуднаго и возвышеннѣйшаго изъ Пророковъ Іезекиіля (37, 7.), совокупляетъ кости съ костями и составъ съ составомъ,—и тебя, исполненнаго къ намъ любви, отдалъ опять любящимъ тебя: то продолжай снова тоже дѣланіе и съ тѣмъ же дерзновеніемъ, дабы не подумали, что страданія разслабили тебя, и что ты изъ страха измѣняешь любомудрію. Посрамляй, какъ и прежде, и суевѣріе Еллиновъ, и ихъ многобожное безбожіе, и древнихъ и новыхъ боговъ, и гнусныя басни и еще гнуснѣйшія жертвы, какъ говоритъ нѣкто изъ нихъ же самихъ (я), очищающихъ грязь грязью, то—есть плоть плотію, собственную плоть—плотію безсловесныхъ. Посрамляй и благопристойныя ихъ изваянія, и срамныя истуканы, которыми если ограничиваютъ они Божество, то какое жалкое ослѣпленіе! а если изображаютъ только, то какое невѣжество! Пусть объяснятъ, какая причина такого безобразія и какой таинственный въ этомъ смыслъ! Ибо надобно, чтобъ и самыя выраженія прекраснаго не были безобразны. Или скажутъ, что здѣсь заключается нѣчто кромѣ сего? Пусть удостовѣрятъ, что именно? изъ какихъ взято книгъ и богослововъ? Посрамляй и востанія ересей, даже тѣмъ ревностнѣе, что ты искусился уже въ страданіяхъ; ибо любомудріе дѣлается отъ

(ю) Четыре года находившагося въ изгнаніи, и въ продолженіе сего времени какъ-бы умершаго для насъ.

(я) Гераклитъ.

страданій мужественнѣе и твердѣть въ бѣдствіяхъ, какъ раскаленное желѣзо въ холодной водѣ.

Заклучи въ предѣлы и наше благочестіе, учи вѣдать, какъ Единого нерожденного Бога — Отца, такъ Единого рожденного Господа — Сына (именуемаго Богомъ, когда говорится о Немъ въ отдѣльности (*καθ' εἰυτόν*), и Господомъ, когда именуется Онъ при Отцѣ, Богомъ — по естеству, Господомъ — по единоначалію) и Единого Духа Святаго, пшедшаго или исходящаго отъ Отца, Бога для *разумно разумѣвающихъ предлагаемая* (Притч. 23, 1.), оспориваемаго нечестивыми, но тѣми, которые выше ихъ, признаваемаго, и еще болѣе духовными проповѣдуемаго. Учи насъ не дѣлать Отца подначальнымъ (дабы не ввести чего-то такого, что первоначальнѣе первоначальнаго, и чѣмъ извратится бытіе первоначальнаго), а Сына или Духа Святаго не дѣлать безначальнымъ (дабы у Отца не отнять Ему свойственнаго). Ибо Они не безначальны, и вмѣстѣ въ нѣкоторомъ отношеніи (что и составляетъ трудность) безначальны. Они не безначальны въ отношеніи къ Виновнику; потому что, какъ свѣтъ изъ солнца, такъ Они изъ Бога, хотя и не послѣ Него. Но Они и безначальны въ отношеніи ко времени, потому что не состоятъ подъ временемъ, а иначе текущее было бы старше постояннаго и несамостоятельное — самостоятельнаго. Учи не вводить трехъ началъ, чтобъ не ввести чего-либо языческаго или многобожнаго, да и вводя одно, не вводить какого либо Иудейскаго начала — скуднаго, завистливаго, безсильнаго, или предполагая, что Божество поглощается Само Собою (какъ угодно тѣмъ, которые

Сына, хотя производять отъ Отца, но опять разрѣшаютъ въ Отца,) или (что нравится нынѣшнимъ мудрецамъ) унижая естество Сына и Духа и отчуждал отъ Божества, какъ будто бы Оно опасается противоборства и не имѣетъ силы произвестъ что либо высшее тварей. Учи не признавать Сына нерожденнымъ (потому что Отець одинъ) и Духа Сыномъ (потому что Единородный одинъ). Пусть и сіи Божескія свойства принадлежать Имъ исключительно образомъ, а именно: Сыну — сыновство, Духу же — исхождение, а не сыновство. Учи Отца именовать истинно Отцемъ и въ смыслъ гораздо болѣе истинномъ, нежели какъ именуется наши земные отцы; потому что Онъ Отець въ единственномъ смыслѣ, то — есть своеобразно, а не по подобію плотскихъ отцевъ, — Отець Единственный, то — есть не въ сочетаніи съ кѣмъ-либо, — Отець Единственнаго Сына, то — есть Единороднаго, — Отець исключительно, то — есть не бывшій прежде Сыномъ, — Отець всецѣло и всецѣлаго Сына (чего нельзя достовѣрно сказать о нашихъ отцахъ), — Отець изъ-начала, то — есть не въ-послѣдствіи сдѣлавшійся Отцемъ. Учи Сына именовать истинно Сыномъ; потому что Онъ Единственный Сынъ Единственнаго Отца, Сынъ въ единственномъ смыслѣ и исключительно, а не вмѣстѣ и Отець, — Сынъ всецѣло и всецѣлаго Отца, — Сынъ изъ-начала, не начавшій когда-либо быть Сыномъ; потому что не въ слѣдствіе премѣненія совѣтовъ Его Божество, и не въ слѣдствіе преуспѣянія Его обоженіе, такъ чтобы Отець не былъ когда-либо Отцемъ и Сынъ — Сыномъ. Учи именовать Святаго Духа истинно

Святѣмъ; потому что никто другой не святъ такъ и въ такой мѣрѣ, и Святость Духа есть не что-либо придаточное, но самоисточное; Она не есть что либо возрастающее или убывающее, что-либо во времени начинающееся и прекращающееся. И Отцу, и Сыну, и Святому Духу суть общи неначинаемость бытія и Божественность; но Сыну и Духу принадлежитъ имѣть бытіе отъ Отца. И отличительное свойство Отца есть нерожденность, а Сына — рожденность, и Духа Святаго — исходность (*εκτεμψις*). Когда же домогаешься постигнуть образъ (рожденія и исхожденія); тогда что оставляешь Имъ Самимъ, Которые, по свидѣтельству Писанія, одни только знаютъ Другъ Друга, и Другъ Другомъ познаются (1 Кор. 2. 11.), или что оставишь и тѣмъ изъ насъ, которые въ-послѣдствіи будутъ просвѣщены тамошнимъ (е) свѣтомъ? Содѣлайся прежде чѣмъ-либо изъ сказаннаго или подобнымъ тому, и тогда познаешь столько, сколько Они познаются Другъ Другомъ. Теперь же учи единственно вѣдать сіе: Единицу въ Троицѣ и Троицу въ Единицѣ покланяемую, въ Которой и раздѣльность и единство непостижимы. Не бойся, что, исповѣдуя рожденіе, припишешь Божеству страдательность. Божество, хотя и раждаетъ, однакоже не страдаетъ. И я въ томъ тебѣ порукою, что Оно раждаетъ божески, а не человѣчески; потому что и бытіе Его не человѣческое. Бойся же приписывать Богу время и тварность; ибо, если произошелъ во времени, то не Богъ. Бойся, чтобъ, безъ нужды стоя за Бога, не

(е) Горнимъ.

отринуть Бога, содѣлавъ сослужебною себѣ тварію Того, Кто равенъ Отцу по Божеству, Кто и тебя освободить отъ рабства, если искренно исповѣдуешь Его владычество. Не бойся исповѣдывать исхождение; потому что Богу, во всемъ презыточествующему, равно нѣтъ необходимости — или не изводить или изводить. Бойся же отчужденія и той угрозы, какая возвѣщена не богословствующимъ, по хулящимъ Духа Святаго (Матѳ. 12, 31. 32.). Не воздавай худаго чествованія Единоначалию, сокращая или обсѣкая Божество. Не стыдись обвиненія въ троебожіи, пока можно другаго винить въ двоебожіи; съ нимъ вмѣстѣ и ты, или опровергнешь обвиненіе, или придешь въ затрудненіе; или, когда у него вмѣстѣ съ умствованіями его потерпишь крушеніе Божества, у тебя соблюдется Оно невредимымъ, хотя и изнеможеть слово. Лучше изнеможь въ умствованіяхъ подъ водительствомъ Духа, нежели, гоняся за легкостію, безъ труда согласиться на нечестивыя мнѣнія. Пренебрегай настоятельность и возраженія — это новое благочестіе, эту мелочную мудрость, и презирай ихъ больше, нежели ткани пауковъ, которыя задерживаютъ мухъ, но легко прорываются осами, не говорю уже, пальцемъ или другимъ чѣмъ-нибудь болѣе тяжелымъ. Учи одного только бояться, а именно: своими лжеумствованіями подкапывать Вѣру. Не бѣда, если побѣдятъ кого словомъ; потому что не всѣмъ данъ даръ слова. Страшно отложиться отъ Божества; потому что упованіе всѣмъ необходимо.

Ты и самъ собою разсудишь все сіе, даже, сколько знаю, и внимательнѣе и совершеннѣе. Въ томъ

ручаются мнѣ твои раны и понесенные тобою труды ради благочестія. Но и я, по мѣрѣ силъ своихъ, полюбоудрствую съ тобою. Когда же отправишься въ добрый путь свой, вспомни о Троицѣ, обитающей въ скиніяхъ (если только Богъ въ рукотворенныхъ храмахъ живетъ); вспомни о сей малой жатвѣ. Хотя не мало на ней сѣмень благочестія; однако же она мала и скудна, и собирается съ нея по немногу. *Понеже быхъ яко собиралъ сламу на жатвь* (если кстати употребить здѣсь слово Пророка), и *яко пѣродокъ въ обжиманіи винограда, не сущу гроздію* (Мих. 7, 1.). Видишь, каковъ у насъ сборъ плодовъ; посему постарайся сдѣлать, чтобъ и гумно обогатилось, и точило стало полнѣе. Расскажи и о моемъ призваніи, о невѣроятномъ пресельничествѣ, которое совершилъ я не для того, чтобъ роскошествовать, но чтобъ злопострадать, дабы чрезъ вкушеніе бѣдствій приобщиться и славы. Надѣйся, что помощникомъ твоимъ въ молитвахъ и спутникомъ въ странствованіи будетъ сей народъ — сія скудная числомъ паства, но не скудная благочестіемъ, стѣсненность которой уважаю я больше, нежели широту другихъ паствъ. Сіе вѣщаетъ Духъ Святый. Съ Нимъ преидешь чрезъ огнь, усыпишь звѣрей, укротишь властелиновъ. Такъ отправляйся въ путь, такъ путешествуй, и оячь возвратись къ вамъ богато обогащеннымъ, вторично увѣнчаннымъ, воспѣвая съ вами побѣдную пѣснь, и мнѣ и впредь, во Христвѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ. Ему слава во вѣки, аминь!

С Л О В О 26,

ПРОИЗНЕСЕННОЕ СВЯТЫМЪ ГРИГОРИЕМЪ ВОГОСЛОВОМЪ О СЕБѢ САМОМЪ, КОГДА ОНЪ, ПОСЛѢ МАКСИМОВА ПОКУШЕНІЯ ЗАНЯТЬ АРХІЕПИСКОПСКІЙ ПРЕСТОЛЪ ВЪ КОНСТАНТИНОПОЛѢ, ВОЗВРАТИЛСЯ ИЗЪ СЕЛА.

Я желалъ быть съ вами, дѣти, и вы въ равной мѣрѣ желали быть со мною. Вѣрю сему; и если слово требуетъ подтвержденія, клянусь: *такъ ми ваша похвала, братіе, юже имамъ о Христь Иисусъ Господь нашемъ* (1 Кор. 15, 31.)! Сію клятву далъ Духъ Святой, подвигшій меня къ вамъ, да уготовлю Господу *люди избранны* (Тит. 2, 14). Смотрите, какова вѣра: и за себя увѣряю, и за васъ ручаюсь. И сіе нимало не удивительно. Гдѣ общій духъ, тамъ и чувствованія общія; а гдѣ равно чувствуютъ, тамъ равно и вѣрятъ. Кто самъ не ощущалъ чего, тотъ не повѣритъ и другому; а кто чувствовалъ, тотъ готовъ дать согласіе; онъ — невидимый свидѣтель невидимаго чувствованія, онъ — собственное зеркало для чужаго образа.

Посему-то у меня не достало терпѣнія жить долѣе въ разлукѣ съ вами; хотя не мало огорчаетъ и тяготитъ меня видимое здѣсь, — не одно то, что въ

городахъ обыкновенно: стеченіе народа, шумъ, торжища, зрѣлища, пресмыщеніе, обиды, влекущіе и влекомые, наносящіе и претерпѣвающіе вредъ, плачущіе и оплакиваемые, рыдающіе, радующіеся, желящіеся, погребаящіе, хвалимые и хулимые, всѣ поводы къ пороку, броженіе міра, внезапныя перемѣны какъ въ Еврипѣ и въ направленіи вѣтровъ, но даже и сіи почтенныя и достойныя уваженія люди, — говорю о предстоящихъ въ семъ алтарѣ и при святой трапезѣ. Такъ какъ имѣю по-видимому надъ ними власть, и самъ нахожусь въ числѣ приступающихъ къ Богу: то боюсь, что мы худо приступаемъ, и, какъ солома приближающаяся къ огню, не стерпимъ огня. При всемъ томъ я возвратился къ вамъ; и хотя удалился по принужденію, однакожь прихожу назадъ безъ принужденія, даже съ великою охотою, и, какъ говорится, ноги сами шли; такъ Духъ ведетъ меня, подобно потоку, который вверхъ поднимается съ усиліемъ, а внизъ самъ собою течетъ быстро. Подлинно, одинъ день составляетъ цѣлую человѣческую жизнь для тѣхъ, которые страдаютъ любовію. Ибо, мнѣ кажется, нейдетъ сюда въ примѣръ, что было съ Іаковомъ, который, четырнадцать лѣтъ работая Лавану Сиріянину за двухъ дѣвъ, не утомлялся. Для него, какъ сказано, *занеже любяше ихъ, всѣ дни были какъ день одинъ* (Быт. 29, 20), можетъ-быть потому что предметъ любви находился предъ глазами, или потому что легко страдать любовію, хотя замедленіе и огорчительно. Такъ, что легко поступаетъ въ обладаніе, то менѣе возбуждаетъ пожеланія, какъ сказалъ нѣкто прежде насъ. И я, когда былъ вмѣстѣ съ вами, мало чув-

ствовавъ силу любви, а когда разлучился, узнавъ любовь — сего улаждающаго мучителя. Въ этомъ нѣтъ ничего необыкновеннаго. Пастухъ скорбитъ о тельцѣ, который отсталъ отъ стада, объ овцѣ, которой недостаетъ въ десяткѣ, и птичка горюетъ о гнѣздѣ, которое оставила не надолго. Одинъ, взявъ свирѣль, взоидя на высокое мѣсто, наполняетъ унылыми звуками свирѣль свою, зоветъ заблудившихъ, какъ разумныхъ, и, если послушаются, радуется о нихъ больше, нежели о всемъ стадѣ, которое не сдѣлало ему такихъ заботъ. А другая съ крикомъ летитъ къ гнѣзду, припадаетъ къ щебечущимъ птенцамъ и обнимаетъ ихъ крыльями. Какая же привязанность должна быть у добраго пастыря къ словеснымъ овцамъ, за которыхъ онъ подвергался уже опасностямъ, такъ какъ и сіе усугубляетъ любовь? Такъ и я боюсь, чтобъ волцы тлжцы (Дѣян. 20, 29.), подмѣтивъ окружающую насъ тьму, не разогнали стада увлекательными и дерзкими ученіями. Ибо, не имѣя силъ дѣйствовать явно, они выжидаютъ безвременья. Боюсь, чтобъ разбойники и тати, проходя чрезъ дворъ (Іоан. 10, 1.), или безстыдно не похитили, или не уловили обманомъ, и потомъ не заклали, не убили, не погубили, *восхищающе восхищеніа, души изъядающе*, какъ сказалъ одинъ изъ Пророковъ (Іезек. 22, 25.). Боюсь, чтобы кто-нибудь, вчера и третьяго дня бывшій нашимъ, найда дверь не запертою и войдя въ нее, какъ свой, не сталъ строить намъ козней, какъ чужой. Ибо много различныхъ ухищреній у того, кто дѣйствуетъ такимъ образомъ, и никто не разнообразенъ столько въ изобрѣтательности, сколько

преушищенный на зло противникъ нашъ. Боюсь еще и псовъ (а), которые усиливаются стать пастырями, и, что особенно странно, ничего не приносятъ въ пастырское званіе кромѣ того, что остригаютъ волосы, которые не на добро росли. Они и сами не остались и пастырями не сдѣлались, а только расхищаютъ, разсыпаютъ и разрушаютъ чужой трудъ. Потому что всегда легче повредить, нежели сохранить; и *человѣкъ рождается*, говоритъ Іовъ (Іов. 5, 7), и корабль строится, и домъ создается съ трудомъ; но одного убить, другой разрушить, третій сжечь можетъ всякій, кто захочетъ. Итакъ да не думаютъ много о себѣ тѣ, которые поставили къ стаду псовъ; они не могутъ сказать, что приобрѣли, или спасли, хотя одну овцу. Ибо упражнявшіеся въ худомъ не научились дѣлать добра. Если же они истребляютъ стадо; то сіе дѣлаетъ и небольшая буря, и легкая болѣзнь, и одинъ внезапно нападшій звѣрь. Итакъ да перестанутъ они хвалиться своимъ безславіемъ, а если могутъ, да перестанутъ дѣлать зло, да поклонятся, упадутъ и восплачутъ предъ Господомъ сотворшимъ ихъ (Псал. 94, 6.), и да присоединятся къ стаду тѣ изъ нихъ, которые еще не вовсе неисцѣлимы.

Сіе говорю вамъ я — пастырь робкій и осмотрительный, котораго за осторожность укоряютъ въ

(а) По изъясненію Иліи, Св. Богословъ пишетъ здѣсь въ виду Максима и называетъ его псомъ, какъ Цинника. При семъ Илія замѣчаетъ, что Цинники съ особенною заботливостію отращивали у себя волосы.

недѣтельности. Ибо я не изъ числа пастырей, которые млеко ядятъ, волною одѣваются, тучное закалаютъ, оскорбляютъ трудомъ (Иезек. 34, 3. 4.), или продаютъ и говорятъ: *Благословенъ Господь, и обогатихомся* (Захар. 11, 5.), которые пасутъ самихъ себя, а не овецъ (если вамъ памятны слова Пророковъ, которыми они поражаютъ злыхъ пастырей): напротивъ я болѣе принадлежу къ числу пастырей, которые могутъ сказать о себѣ съ Павломъ: *кто изнемогаетъ, и не изнемогаю? Кто соблазняется, и меня не воспаляетъ забота* (2 Кор. 11, 29.)? *Не ищу бо вашихъ, но васъ* (2 Кор. 12, 14.). *Быхъ во дни жегомъ зноемъ, и студенію въ нощи мучимъ*, по слову Патріарха—пастыря (Быт. 31, 40.), у котораго овцы были знаменаныя и старались зачинать у тамошнихъ корытъ (Быт. 30, 41. 42.) (б).

Такъ и по такимъ причинамъ пришелъ я къ вамъ, которые находитесь въ такомъ положеніи. А поелику пришелъ; то дадимъ другъ другу отчетъ, что успѣли мы сдѣлать въ продолженіе разлуки. Ибо не худо помнить, что отъ насъ потребуютъ отчета не только за слова и дѣла, но какъ за цѣлое время, такъ и за самую малую и краткую часть времени. Вы *возвѣстите мнѣ дѣланіе свое* (Іон. 1, 8); а я предложу вамъ, о чемъ любомудествовалъ я въ безмолвіи, бесѣдуя самъ съ собою. Какое

(б) По изъясненію Иліи, Св. Богословъ разуметь здѣсь Св. Писаніе, изъ котораго должны напоевать себя живою водою словесными овцы, когда зачинаютъ въ себѣ сѣмя спасенія.

изъ высокихъ умозрѣній, или заимствовавъ отъ меня, сохранили вы, или сами отъ себя присовокупили, касательно ли Богословія или другихъ догматовъ, изъ которыхъ о многихъ и часто предлагалъ я вамъ? Требую отъ васъ не только долга, но и роста, не только таланта, но и прибѣтка, дабы кто-нибудь, скрывъ и зарывъ вѣренное, не сталъ еще клеветать на Вѣрившаго, что Онъ жестокъ и желаетъ чужаго (Матѣ. 25, 24.). Итакъ какое похвальное дѣло принесли вы въ плодъ, такъ чтобъ или не увѣдала шуйца (Матѣ. 6, 3.), или просвѣтился свѣтъ вашъ предъ челоуьки (Матѣ. 5, 16.), чтобъ по плодамъ было видно дерево, по ученикамъ могъ быть узнанъ учитель, и чтобъ всякій изъ наблюдающихъ за нами (а это дѣлають многіе, одни по благорасположенію, другіе изъ любопытства) могъ сказать, яко воистинну Богъ съ вами есть (1 Кор. 14, 25.), и вы не только здраво проповѣдуете Его, но и служите Ему? Ибо какъ дѣло безъ вѣры не пріемлется, потому что многіе дѣлають добро ради славы и по естественному расположенію, такъ и вѣра безъ дѣлъ мёртва (Іак. 2, 20.). И да не льститъ васъ суетными словесы (Ефес. 5, 6.) кто-либо изъ людей, которые охотно дозволяютъ все подъ тѣмъ однимъ условіемъ, чтобъ вы приложились къ нечестивымъ ученіямъ, и предлагаютъ за худое дѣло худую награду. Итакъ покажите вѣру отъ дѣлъ, покажите плодородіе земли вашей: точно ли не напрасно я сѣялъ, есть ли у васъ хотя одна рукоять, имущая силу, еже сотворити муку (Ос. 8, 7.), и стоящая житницы, чтобъ намъ впредь воздѣлывать васъ

еще усерднѣе. Кто приноситъ плодъ во сто кратъ? кто въ шестьдесятъ? кто наконецъ хотя въ тридцать? Или наоборотъ, кто, отъ тридцати-кратнаго восходя къ шестидесяти-кратному (ибо и сей порядокъ видимъ въ Евангеліи (в)), окончилъ сто-ричнымъ плодомъ, чтобъ, *преуспѣвая* подобно Исааку (Быт. 26, 13.), стать великимъ, идя *отъ силы въ силу*, воспѣвая пѣсни степеней и полагая *восхожденія въ сердце* (Пс. 83, 6. 8.)? *Ищу плода множащагося въ слово ваше* (Фил. 4, 17.). Ибо прибитокъ вашъ, а не мой. Если же и мой, то потому, что онъ вашъ; ибо польза отъ васъ возвращается и къ намъ, подобно отраженнымъ лучамъ. Питали ли вы нищихъ? Принимали ли странныхъ? Умыли ли *святыхъ нозъ* (1 Тим. 5, 10.)? Или угождая чреву, которое *упразднится* (1 Кор. 6, 13.), *усплаждались* вы (положимъ то) и заповѣдями; такъ какъ нѣтъ *усплажденія*, которое было бы лучше и прочнѣе сего для желающихъ *усплаждаться*? Покоили ли по мѣрѣ силъ (позвольте сказать и о семъ) кого-либо изъ служащихъ жертвеннику и прекрасно убожествующихъ, чтобъ они, не развлекаясь, тѣмъ усерднѣе служили жертвеннику и, заимствуя изъ вашего, приносили въ замѣнъ и свое? Стыдно подлинно и намъ просить о семъ, и вамъ не удѣлять. Не для того замѣтилъ

(в) У Евангелиста Матѳея гл. 13. ст. 8 читаемъ: *далху плодъ, ово убо сто, ово же шестьдесятъ, ово же тридцать*; а у Еванг. Марка гл. 4. ст. 8. въ обратномъ порядкѣ: *и приплодоваше на тридцать, и на шестьдесятъ, и на сто.*

я сія, да тако будетъ о мнѣ, добръе бо мнѣ паче умрети, нежели чтобъ уничтожилась похвала моя (1 Кор. 9, 15.) и благовѣствованіе мое осталось безъ награды, когда здѣсь соберу плоды,—ибо благовѣствовать есть дѣло необходимости, а благовѣствовать безмездно — дѣло усердія: но да научитесь вы благотворить Христу, благотворя кому-либо и изъ малыхъ. Ибо Христось, какъ содѣлался для меня всѣмъ, что есть во мнѣ, кромѣ грѣха, такъ пріемлетъ на Себя и все сколько-нибудь меня касающееся,—доставишь ли ты мнѣ кровъ или одежду, поѣдешь ли въ темницѣ, придешь ли къ больному, или, что всего маловажнѣе, языкъ томимаго жаждою прохладишь одною чашею студеной воды, о чемъ просилъ бѣднаго Лазаря страждущій въ племени богачъ, которому за здѣшнюю роскошную жизнь, за презрѣніе голоднаго и покрытаго струпами Лазаря, воздается тѣмъ, что просить у Лазаря, и не получаетъ просимаго. Вотъ чего отъ васъ требуемъ, и знаю, что вы не будете постыжены, какъ давая отчетъ мнѣ, такъ и въ послѣдній день, въ который будутъ собраны всѣ дѣла наши, по сказанному: *и Азъ гряду совѣты и дѣянія ваши собрати* (Ис. 66, 18.); се человекъ, и дѣло его и мзда его съ нимъ (Ис. 40, 10.).

Но вотъ и наше, что приносимъ вамъ изъ пустыни. Ибо и Илія охотно любомудрствовалъ на Кармилѣ, и Іоаннъ въ пустынѣ, и Самъ Іисусъ совершалъ дѣла предъ народомъ, а молитвы большею частію на свободѣ и въ пустыняхъ. Какой же преподанъ симъ урокъ? Тотъ, думаю, что для невозмущаемаго собесѣдованія съ Богомъ нужно погру-

зяться въ безмолвіе и хотя нѣсколько возвести умъ свой отъ не постояннаго. Ибо Самъ Онъ не имѣлъ нужды въ уединеніи; да и не было мѣста, гдѣ бы могъ Онъ укрыться, будучи Богомъ и все исполняющимъ; уединялся же, чтобы мы знали время и для дѣлъ и для высшаго упражненія. Итакъ какіе же плоды моей пустыни? Какъ добрый купецъ, отовсюду собирающій прибыль, хочу и изъ нея доставить вамъ нѣчто для купли.

Однажды, когда день уже склонялся къ вечеру, ходилъ я одинъ, погрузившись самъ въ себя, и мѣстомъ прогулки былъ морскій берегъ. Всегда имѣю обычай облегчать труды такими отдыхами. Потому что и тетива, постоянно натянутая, не выдерживаетъ напряженія, а надобно ее спускать съ стрѣлы, чтобъ можно было снова натянуть, и чтобъ она было не бесполезною для стрѣлка, но годилась въ случаѣ употребленія. Такъ я ходилъ; ноги переносили меня съ одного мѣста на другое, а взоръ покоился на морѣ. Зрѣлище было непріятно, хотя оно бываетъ всего пріятнѣе въ другое время, когда при ясномъ небѣ море покрывается пурпуромъ, тихо и кротко играя, плещетъ въ берега. Но чтò же происходило въ это время? Охотно скажу, и даже словами Писанія: *вѣтру велию дышащу* (Іоан. 6, 18.), море волновалось и завывало, а волны, какъ обыкновенно бываетъ въ такихъ буряхъ, однѣ вставъ вдали и постепенно, то достигая наибольшей высоты, то понижаясь, сокращались при берегахъ; а другія, ударившись о ближнія скалы и отраженные ими, превращались въ пѣнистыя и высоколетящія брызги. Тутъ были выбрасываемы

небольшіе камни, поросты, улитки и самыя легкія раковины, и нѣкоторыя опять поглощаемы съ отливомъ волны. Но твердо и неподвижно стояли скалы, какъ-будто ничто ихъ не тревожило, кромѣ того, что ударялись о нихъ волны. Изъ сего умѣлъ я извлечь нѣчто полезное для любомудрія. И какъ все примѣняю къ себѣ, особенно если что-нибудь случившееся приводитъ меня въ круженіе, какъ было и теперъ: то не безъ вниманія смотрѣлъ я на видимое, и это зрѣлище было для меня урокомъ.

Я сказалъ себѣ: не море ли — жизнь наша и дѣла человѣческія? И въ ней много соленого и непостояннаго. А вѣтры — это не постигающія ли насъ искушенія и всякая неожиданность? Сіе — то, кажется мнѣ, примѣчая, досточудный Давидъ говорить: *спаси мя Господи, яко внидоша воды до души моея; избавь меня изъ глубинъ водныхъ, придохъ во глубины морскія, и буря потопаи мя* (Пс. 68, 2. 3.). Что же касается до искушаемыхъ; то одни, разсуждалъ я, какъ самыя легкія бездушныя тѣла, увлекаются и нимало не противостоятъ напастямъ, потому что не имѣютъ въ себѣ твердости и вѣса, доставляемыхъ разумомъ цѣломудреннымъ и готовымъ бороться съ встрѣтившимися обстоятельствами; а другіе, какъ камень, достойны того Камня, на Которомъ мы утверждены, и Которому служимъ. Таковы всѣ, которые, руководясь умомъ любомудрымъ и стоя выше низкой черни, все переносятъ твердо и непоколебимо, и посмѣваются колеблющимся, или жалѣютъ о нихъ, — посмѣваются по любомудрію, жалѣютъ по человѣколюбію. Сами же

для себя вмѣняютъ въ стыдъ--отдаленныя бѣдствія презирать и даже не почитать бѣдствіями, но уступать надъ собою побѣду настоящимъ, и притомъ кратковременнымъ, какъ будто онѣ постоянны, оказывать любомудріе безвременно, а въ случаѣ нужды оказываться нелюбомудрыми; что подобно тому, какъ если бы сталъ почитать себя отличнѣйшимъ борцемъ, кто никогда не выходилъ на поприще, или искуснымъ кормчимъ, кто высоко думаетъ о своемъ искусствѣ, въ тихую погоду, а въ бурю бросаетъ изъ рукъ кормило.

Но какъ уже одинъ разъ остановился я на семь разсужденій; то встрѣтилъ и другое подобіе, весьма приличное настоящему предмету. Можетъ-быть почтете меня старикомъ и баснословомъ, когда сообщу вамъ оное; однакожъ вы должны узнать это, потому что, какъ извѣстно, и Писаніе неоднократно употребляетъ такія подобія для ясности изложенія. По баснословію, есть дерево, которое зеленѣетъ, когда его рубятъ, и противоборствуетъ желѣзу, а если о необыкновенномъ должно и выражаться необыкновенно, которое смертію живетъ, отъ сѣченія разрастается, истребляемое умножается. Конечно, это баснь и произволь вымысла: но мнѣ представляется, что таковъ же точно и человѣкъ любомудрый. Онъ прославляется въ страданіяхъ, скорби обращаетъ въ поводъ къ добродѣтели, украшается несчастіями, не превозносится десными оружіи правды, не изнемогаетъ предъ шуми (2 Кор. 6, 7.), но въ различныхъ обстоятельствахъ всегда пребываетъ одинаковъ, или дѣлается еще свѣтлѣе, какъ золото въ горнилѣ.

Посмотримъ на него такъ: знатнаго ли онъ происхожденія? — Наравнѣ съ благородствомъ крови покажетъ въ себѣ благодравіе, такъ что заслужить уваженіе въ двоякомъ отношеніи, станешь ли разбирать его родословіе, или смотрѣть на него самого. Или онъ статуя низкой работы и изъ дешеваго брѣнія (если есть различіе между брѣніемъ и брѣніемъ)? — Замѣнить это духовнымъ благородствомъ, которое каждый напечатлѣваетъ самъ въ себѣ, къ худшему или лучшему; а всякое другое благородство, которое въ насъ всѣвается, или граматами намъ сообщается, отмѣтитъ ничего нестоящимъ и подложнымъ. Ибо благородство бываетъ троякое. Одно свѣше, и по оному всѣ мы равно благородны; потому что всѣ созданы по образу Божію. Второе зависитъ отъ плоти, и по оному, такъ какъ оно состоитъ въ тлѣніи, не знаю, благороденъ ли кто. Третье познается по порокамъ и по добродѣтелямъ, и въ немъ участвуемъ мы больше или меньше въ той мѣрѣ, какъ думаю, въ какой сохраняемъ или растлѣваемъ въ себѣ образъ Божій. Сіе-то послѣднее благородство возлюбить истинный мудрецъ и истинно любомудрый. Четвертый родъ благородства, которое зависитъ отъ грамотъ и указовъ, тогда удостою слова, когда соглашусь признать красотою подрумяненную красоту, или уважать обезьяну, которой велѣно быть львомъ. Юноша ли онъ? — Мужественно возстанетъ противъ страстей и воспользуется юностію для того, чтобъ не подвергнуться чему-либо свойственному юнымъ, но въ юномъ тѣлѣ показать старческое благоразуміе; и возрадуется о побѣдѣ больше, нежели увѣн-

чанне въ Олимпіи. Ибо одержить побѣду на общемъ позорищѣ — на позорищѣ вселенной, и побѣду не продажную (г. Преклоняется ли онъ къ старости? — Но не состарѣется душою, встрѣтитъ кончину, какъ предустановленный день необходимаго освобожденія, съ радостію перейдетъ въ жизнь грядущую, гдѣ нѣтъ ни незрѣлаго, ни старца, но всѣ совершенны по духовному возрасту. Надѣленъ ли онъ цвѣтущею красотою? — Въ одной красотѣ будетъ просіявать у него другая, въ тѣлесной — душевная. Сохранился ли безъ поврежденія цвѣтъ его красоты? — Онъ углубленъ самъ въ себя и не знаетъ, смотря ли на него другіе. Безобразна ли его наружность? — За-то благообразенъ сокровенный его челоѣкъ, какъ цвѣтистая и самая благовонная роза, которая еще не раскрылась изъ своей оболочки, не имѣющей ни цвѣта ни запаха. Красный добротою паче сыновъ челоѣческихъ, онъ не дастъ и времени посмотрѣть на его внѣшность, обращая зрителя къ иному. Крѣпокъ ли онъ по внѣшнему челоѣку? — Употребить здоровье къ лучшему: по-дастъ совѣтъ, поразитъ словомъ, будетъ говорить смѣло, станетъ проводить время во бдѣніи, спать на голой землѣ, поститься, истощать вещественное, созерцать земное и небесное и со всѣмъ тщаніемъ помышлять о смерти. Сдѣлается ли онъ боленъ? — Станетъ бороться съ болѣзнію. А если будетъ побѣжденъ; то одержитъ верхъ, достигнувъ того,

(г) На олимпійскихъ и другихъ игрищахъ часто сильныя борцы уступали за девѣти надъ собою побѣду слабѣйшимъ.

чтобъ уже не бороться. Богатъ ли онъ? — Умудрится расточить богатство, и изъ своего имущества, какъ распорядитель чужаго, будетъ удѣлять нуждающимся, чтобъ и пріемлющему послужило это во благо, и ему самому сосредоточиться въ Богѣ, ничего не имѣя кромѣ креста и тѣла. Бѣденъ ли онъ? — Обогатится въ Богѣ, посмѣваясь надъ имѣющими у себя многое, потому что они, какъ непрестанно пріобрѣтаютъ, такъ непрестанно нищенствуютъ, имѣя нужду еще въ большемъ, и пьютъ для того, чтобъ чувствовать больше жажды. Алчетъ ли онъ? — Препитается съ птицами, которыя кормятся, не сѣя и не воздѣлывая земли, проживетъ съ Илією у Сарептянки. *Чванецъ ея не оскудѣетъ, и водоносъ муки не умалится* (3 Цар. 17, 14.); первый непрестанно будетъ источать, другой приносить обильную жатву, чтобъ страннолюбивая вдова сподобилась чести, и питатель имѣлъ пропитаніе. Жаждетъ ли онъ? — Источники и рѣки дадутъ ему питіе не упоющее и не мѣрою подаваемое; а если и вездѣ оскудѣютъ воды отъ бездождія, то можетъ-быть онъ будетъ пить изъ потока (3 Цар. 18, 5.). Потерпитъ ли онъ холодъ? — Его терпѣлъ и Павелъ (2 Кор. 11, 27.). Притомъ, долго ли потерпитъ? Есть одѣяніе и изъ камня, въ чемъ да увѣрить тебя Іовъ, который говоритъ: *занеже не имѣяху покрова, въ каменіе облекошася* (Іов. 24, 8.).

Размотри и большія еще совершенства. Будутъ ли его злословить? Онъ препобѣдитъ тѣмъ, что за злословіе не воздастъ злословіемъ. Будутъ ли его гнать? — Перенесетъ. Будутъ ли хулить? — Утп-

шится (1 Кор. 4, 13.). Будутъ ли клеветать?— Станетъ молиться. Ударятъ ли въ десную ланиту?— Обратитъ и другую; а еслибъ у него была третія, подставилъ бы и ту, чтобъ ударившаго скорѣе научить великодушію, вразумить его дѣломъ, когда не могъ словомъ. Будутъ ли ругаться надъ нимъ?— Сіе терпѣлъ и Христось. И онъ почтенъ будетъ участіемъ въ Христовыхъ страданіяхъ. Назовутъ ли Самаряниномъ, скажутъ ли, что имѣетъ въ себѣ бѣса?— Все приметъ съ Богомъ. Сколько бы многочисленны ни были его страданія, все еще недоста- нетъ многого: оцета, желчи, терноваго вѣнца, тро- стниковаго скиптра, багряницы, креста, гвоздей, сраспинаемыхъ разбойниковъ, мимоходящихъ и хулящихъ. Богу надлежало и въ томъ преимуще- ствовать, чтобъ въ самомъ посрамленіи претерпѣть большее! Нѣтъ ничего столь непреодолимаго и не- побѣдимаго, какъ *любомудріе*! Все уступить ско- рѣе, нежели *любомудрый*. Это *осель дивій* въ пу- стынѣ, какъ говоритъ Іовъ, ничѣмъ не связанный и свободный, *смѣйся многу народу града, сту- жанія данническаго не слышай* (Іов. 39, 7.) Это *единорогъ*—животное самовольное. *Похощетъ ли ти работати*, привяжешь ли его *при яслехъ* (Іов. 39, 9.), подведешь ли подъ ярмо? Когда лишенъ онъ будетъ всего на землѣ, у него готовы крылья, какъ у орла; онъ возвратится въ домъ на- стоятеля своего, воспаритъ къ Богу. Скажу кратко: непреодолимы только Богъ и Ангель, а въ-треть- ихъ человекъ *любомудрый*, невещественный въ веществѣ, неограниченный въ тѣлѣ, небесный на землѣ, безстрастный въ страданіяхъ, всему усту-

пающій побѣду, кромѣ самомнѣнія, и тѣхъ, которые думаютъ овладѣть имъ, побѣждающій своимъ низложеніемъ.

Поелику же слово мое, начавъ съ представленнаго мною подобія, изобразило любомудраго мужа; то по сему изображенію разсмотримъ сами себя. *Мнюся бо и азъ Духа Божія имѣти* (1 Кор. 7, 40.); хотя нѣчто изъ сказаннаго можетъ уязвлять и низлагать меня, чтобъ мои ненавистники и враги, если найдутъ меня побѣжденнымъ, имѣли извиненіе, ежели не намѣренію, то, по крайней мѣрѣ, поведенію своему; а если окажусь совершеннѣе и выше нападающихъ на меня, или оставили злобу свою, или изобрѣли новый путь неправды (такъ какъ настоящій мною презрѣнъ), и сверхъ злобы своей не могли быть обличены въ неразуміи, какъ *беззаконнующіи вотще* (Пс. 24, 3.) и не умѣющіе сдѣлать неправды, о чемъ стараются. Посмотримъ же, чѣмъ оскорбятъ меня рѣшающіеся на все, что только можетъ сдѣлать человѣкъ въ обиду человѣку? Назовутъ невѣждою? — Я знаю одну мудрость — бояться Бога. *Ибо начало премудрости страхъ Господень* (Притч. 1, 1.), и: конецъ слова, все слушай, Бога бойся (Еккл. 12, 13.). Такъ сказалъ премудрый Соломонъ. Посему пусть докажутъ, что во мнѣ нѣтъ страха; и тогда побѣдятъ. А что касается до иной мудрости; то я частію самъ оставилъ ее, а частію желаю и надѣюсь приобрѣсть, по упованію на Духа. Укорять въ бѣдности? — Но она — мое избыточество. Охотно бы совлекъ я съ себя и сіи рубища, чтобъ безъ нихъ идти по терніямъ жизни! Охотно, какъ можно скорѣе, сложилъ

бы съ себя и этотъ тяжелый хитонъ (д), чтобъ получить болѣе легкой. Назовутъ убѣжавшимъ изъ отечества?—Какъ низко думаютъ о насъ сіи въ подлинномъ смыслѣ ругатели и ненавистники странныхъ! Развѣ есть опредѣленное мѣстомъ отечество у меня, для котораго отечество вездѣ и нигдѣ? А ты развѣ не странникъ и не пришлецъ? Не хвалю твоей обители, если такъ думаешь; смотри, чтобъ не лишиться тебѣ истиннаго отечества, въ которомъ должно заготовлять себѣ жительство. А за старость и болѣзненность не укоряй насъ. Въ этомъ виновны не только вещество и природа, но (узнай нѣчто изъ моихъ таинъ!) не мало истощено и разсудкомъ (похваляюсь тѣмъ нѣсколько). Да и ты, тучнѣющій и питающій плотъ свою, не составляешь для меня пріятнаго зрѣлища. Хорошо, еслибъ и у тебя видно было нѣсколько сѣдинъ и блѣдности, чтобъ можно было увѣриться, что ты человѣкъ разумный и любомудрый! Чтѣ же еще? Низложить съ престоловъ?—Съ какихъ? Развѣ съ удовольствіемъ вступилъ я теперь на престоль и прежде вступалъ? Развѣ почитаю блаженными тѣхъ, которые восходятъ на престолы? Развѣ сдѣлаешь ихъ для меня пріятными, ты—восходящій недостойно? Развѣ случившееся недавно не обнаружило предъ вами моего образа мыслей? Или и это была одна забава и испытаніе любви, какъ могутъ частію подзрѣвать, а частію разглашать, люди искусные

(д) То-есть тѣло душевное, чтобъ облечься въ тѣло духовное (1 Кор. 15, 44.).

на то, чтобъ собственные свои пороки видѣть въ другихъ? Что же значило сокрушеніе? Что же значили заключенія, которыя всенародно произносилъ я самъ на себя? Что значили слезы, которыя ко мнѣ, едва не возненавидѣнному за сопротивленіе, возбудили въ васъ жалость? Лишатъ предсѣдательства? Но когда и кто изъ благомыслящихъ дорожилъ имъ? А нынѣ бѣгать его, по моему мнѣнію, есть верхъ благоразумія. Ибо за него все у насъ приходитъ въ замѣшательство и колеблется; за него предѣлы вселенной (е) мнутся подозрѣніемъ и ведутъ какую-то невидимую и не имѣющую наименованія брань; за него мы, сотворенные Богомъ, подвергаемся опасности стать тварію людей и лишиться великаго и новаго имени. О, еслибы не было ни предсѣдательства, ни предпочтенія мѣсть, ни мучительныхъ преимуществъ, и насъ различали по одной добродѣтели! А нынѣшній порядокъ, — стать справа, слѣва, въ срединѣ, выше и ниже, идти впереди или рядомъ, произвелъ у насъ много напрасныхъ замѣшательствъ, многихъ низринулъ въ пропасть и поставилъ на сторонѣ козлищъ, многихъ не только изъ низшихъ, но даже изъ пастырей, которые, бывъ учителями Израилевыми, сихъ не уразумѣли (Іоан. 3, 10.). — Не допустятъ къ жертвенникамъ? Но я знаю другой жертвенникъ, образомъ котораго служатъ нынѣ видимые жертвенники, на который не восходили ни орудіе, ни рука каменотесца, на которомъ не

(е) То-есть Востокъ и Западъ.

слышася желѣзо (3 Цар. 6, 7.), котораго не ка-
сались художники и хитрецы, но который весь—
дѣло ума, и къ которому восходятъ созерцаемъ.
Ему буду предстоять я, на немъ пожру пріятное
Богу (Левит. 1, 5.) и жертву и приношеніе и все-
сожженія, столько же лучшія приносимыхъ нынѣ,
сколько истина лучше тѣни. О немъ, какъ думаю,
любомудрствуетъ и великій Давидъ, говоря: и
вниду къ жертвеннику Бога веселящаго духов-
ную юность мою (Пс. 42, 4.). Отъ сего жертвен-
ника не отвлечетъ меня никто, сколько бы ни же-
лалъ. Изгонять изъ города?—Но не изгонять вмѣ-
стѣ и изъ того града, который горѣ. Если же это
возмогутъ сдѣлать мои ненавистники; то дѣйстви-
тельно побѣдятъ меня. А доколѣ не въ силахъ сдѣ-
лать сего, дотолѣ брызжутъ только въ меня водою
и бьютъ вѣтромъ, или забавляются сновидѣніями.
Такъ я смотрю на ихъ нападенія!—Отнимутъ иму-
щество?—Какое? Если мое; то пусть подрѣзываютъ
крылья, которыхъ я не подвязывалъ. А если
церковное; то изъ-за него и вся брань, изъ-за не-
го ревнуетъ о ковчежцѣ тать (Іоан. 12, 6.), и
предаетъ Бога за тридцать сребренниковъ, что
всего ужаснѣе; ибо такой цѣны стѣдуетъ не преда-
ваемый, но предатель. Запретятъ входъ въ домъ?
пресѣкутъ способы къ роскоши? отдалятъ отъ
друзей?—Но, какъ видишь, обременили мы весьма
многихъ, хотя и были ими приглашаемы (не хочу
быть неблагодарнымъ). Если же и обременили, то
развѣ тѣмъ больше, что щадили ихъ, а не тѣмъ,
что были ими принимаемы. Причиною сему то,
что меня покоилъ одинъ благочестивый и боголю-

бывый домъ, бывшій для меня тѣмъ же, чѣмъ домъ Суманитяныни для Елисея, родственный мнѣ по плоти, родственный и по духу, на все щедрый, домъ, въ которомъ возрасталъ единомушіемъ и сей народъ, не безъ страха и не безъ опасности скрывая гонимое еще благочестіе. Да воздастъ Господь дому сему въ день воздаянія! А если я гоняюсь за роскошію; то пусть забавляются надо мною ненавидящіе меня. Нѣтъ зла, котораго бы я въ большей мѣрѣ не желалъ себѣ. Что касается до друзей, то очень знаю, что одни, и потерпѣвъ что-либо худое, не убѣгутъ отъ меня; ибо соболѣзнованіе производится только общимъ терпѣніемъ обидь. А если буду презираемъ другими; то я уже приобучился сносить презрѣніе. Ибо одни изъ друзей и искреннихъ, даже явнымъ образомъ, *прямо приближишася и сташа*; другіе, наиболѣе челоуѣколюбивые, *отдалече мене сташа* (Пс. 37, 12. 13.), и въ ночь (ж) сію всѣ соблазнились; едва и Петръ не отрекся, а можетъ-быть и не плачетъ горько, чтобъ уврачевать грѣхъ. И видно, что я одинъ смѣлъ и исполненъ дерзновенія; я одинъ благонадеженъ среди страховъ, одинъ терпѣливъ — и выставлемый на показъ народу, и презираемый наединѣ, извѣстный Востоку и Западу тѣмъ, что противъ меня ведутъ брань. Какое высокоуміе! *Аще ополчится на мя полкъ, не убоится сердце мое: аще встанетъ на мя брань, на Него азъ уповаю*

(ж) Въ которую Египетскіе Епископы, вошедши въ одинъ храмъ, хотѣли рукоположить Максима.

(Пс. 26, 3.). Не только не почитаю страшнымъ чего-либо изъ настоящихъ событій, но даже забываю о себѣ, плачу объ оскорбившихъ меня, о сихъ, нѣкогда членахъ Христовыхъ, членахъ для меня драгоценныхъ, хотя они нынѣ и растлѣны, о членахъ сея паствы, которую вы едва не предали, даже прежде, нежели она собрана во-едино. Какъ вы расторглись и другихъ расторгли, подобно воламъ, *отъ узъ разръшеннымъ* (Малах. 4, 2.)? Какъ воздвигли жертвенникъ противъ жертвенника? *Како быша въ запустыніе внезапно* (Пс. 72, 19.)? Какъ съченіемъ своимъ, и сами себѣ нанесли смерть, и насъ заставили болѣзновать? Какъ простоту пастырей употребили въ пагубу паствъ? Ибо не пасомыхъ стану порицать за неопытность, но васъ винить за вашу злобу. *Въ погибели твоей, Израилю, кто поможетъ* (Ос. 13, 9.)? Какое найду заживляющее врачевство? какую обвязку? какъ соединю раздѣленное? какими слезами, какими словами, какими молитвами исцѣлю сокрушенное? Одинъ остается способъ. Троица Святая, покланяемая, совершенная, право нами сочетаваемая и почитаемая, Твое дѣло сіе, Тебѣ принадлежитъ слава совершенія! Ты возстанови снова намъ сихъ столько удалившихся отъ насъ, и пусть самое отдѣленіе научить ихъ единомыслію! Ты намъ за здѣшніе труды воздай небеснымъ и безмятежнымъ. А первое и величайшее изъ сихъ благъ—озариться Тобою совершеннѣе и чище и познать, что Тебя одну и ту же можно и представлять Единицею и находить Троицею, что Нерожденное и Рожденное и Исходящее—одно естество, три личности, *единъ Богъ*,

иже надъ всѣми и чрезъ всѣхъ и во всѣхъ (Еф. 4, 6.), Богъ, къ Которому ничто не прилагаемо, и въ Которомъ ничто не перелагаемо, не умаляемо, не отсѣкаемо, Котораго отчасти уже постигаемъ, отчасти стараемся постигнуть, и нѣкогда постигнуть, якоже есть, тѣ, которые хорошо Его искали здѣсь и въ жизни и въ созерцаніи. Ему слава, честь, держава во вѣки. Аминь.

СОДЕРЖАНИЕ

ВТОРАГО ТОМА.

ТВОРЕНИЯ Св. ГРИГОРИЯ БОГОСЛОВА.

	Стран.
СЛОВО 14, о любви къ бѣднымъ.	1
СЛОВО 15, говоренное въ присутствіи отца, который безмолвствовалъ отъ скорби, послѣ того какъ градъ опустошилъ поля.	47
СЛОВО 16, на память Св. Мучениковъ Маккавеевъ.	70
СЛОВО 17, говоренное встревоженнымъ жителямъ Назі- анза и прогнѣванному градоначальнику.	87
СЛОВО 18, говоренное въ похвалу отцу и въ утѣшеніе матери Нонны въ присутствіи Св. Василія, къ которому обращено вступленіе въ слово.	100
СЛОВО 19, говоренное Св. Григоріемъ Богословомъ о словахъ своихъ Юліану, производившему на- родную перепись и уравниеніе податей.	147
СЛОВО 20, о поставленіи Епископовъ и о догматѣ Св. Троицы.	163
СЛОВО 21, Похвальное Аванасію Великому, Архіепис- копу Александрійскому.	176
СЛОВО 22, о мирѣ, говоренное въ общемъ собраніи единовѣрныхъ, бывшемъ послѣ примиренія.	214
СЛОВО 23, о мирѣ, говоренное въ Константинополѣ по случаю распри, происшедшей въ народѣ о нѣкоторыхъ несогласныхъ между собою Епи- скопахъ	228

	Стран
СЛОВО 24, въ похвалу Св. Священномученика Кипріяна, говоренное на другой день его памяти, по возвращеніи Григоріевомъ изъ села.	246
СЛОВО 25, въ похвалу Философа Ирона, возвратившагося изъ изгнанія.	266
СЛОВО 26, произнесенное Св. Григоріемъ Богословомъ о себѣ самомъ, когда овъ, послѣ Максимова покушенія занять архіепископскій престолъ въ Константинополь, возвратился изъ села.	291

ОПЕЧАТКИ.

Стр.	Строк.	<i>Напечатано:</i>	<i>Должно читать:</i>
7	7	сослужитель	сослужителя
20	17	или низкой	низкой
23	9	дальнюю	дольнюю
27	1	Невродь	Невродь
28	27	разнымъ	равнымъ
64	9	бѣдствія	бѣдствія.
70	3	о Маккавейхъ.	о Маккавейяхъ?
248	2	сильнѣ	важнѣ.

COLUMBIA UNIVERSITY LIBRARIES

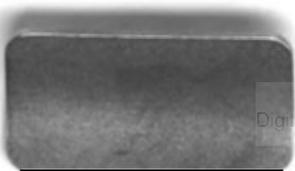

0045779716

COLUMBIA UNIVERSITY LIBRARIES

0045779716

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как минимум о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>